

K 1526081

ec

18+

ПОЛТИННИК

СБОРНИК

ПОЛТИННИК

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

81
УДК 8
ББК 80
С23 002

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

сборник

С23 Полтинник / сборник. — [б. м.] : Издательские решения, 2020. — 326 с.

ISBN 978-5-0051-2189-9

Старейшее литературное объединение Вологды «Ступени» подходит к 50-летию. Основали его поэты Юрий Макарович Леднев и Михаил Николаевич Сопин, они вместе с ним занимались. Данный сборник «Полтинник» состоит из произведений нынешних членов лито, из их прозы и поэзии. Сборник открывается разделом критики и мемуаров. «Полтинник» — яркая иллюстрация истории вологодской литературы.

**УДК 8
ББК 80**

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОЛТИННИК	5
К читателю	5
Критика, мемуары	7
Анна Кашина	9
Нина Писарчик	23
Александр Соколов	28
Сергей Фаустов	36
Галина Щекина	47
Поэзия	63
Жорж Вандышев	65
Ирина Григорьева	76
Элеонора Жукова	90
Ольга Коротина	103
Дмитрий Трипутин	110
Татьяна Снежина	117
Регина Соболева	125
Александр Соколов	134
Татьяна Сопина	141
Александр Черницкий	147
Проза	153
Наталья Брашкина	155
Татьяна Вертосельга	178
Ирина Григорьева	199
Ольга Коротина	212
Роман Красильников	219
Дмитрий Трипутин	232
Надин Ривз	242
Альбина Сберегаева	249

Кира Соколова	260
Татьяна Сопина	276
Светлана Чернышёва	287
Галина Щекина	299
Людмила Якушева	313

ПОЛТИННИК

Коллективный сборник, посвященный 50-летию литературного объединения «Ступени».

Составитель Н. Брашкина

Корректор З. Елизарьева.

Фото пейзажей З. Елизарьева под редакцией Н. Брашкиной

К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой читатель! Перед тобой необычная книга. В ней звучит не

один авторский голос, а целый хор, ведь это коллективный сборник «Полтинник», посвященный 50-летию Вологодского литературного объединения «Ступени».

Литобъединение основали в 1971 году поэты Юрий Леднев и Михаил Сопин при профсоюзной библиотеке подшипникового завода. Во всех заседаниях участвовала

библиотекарь Ангелина Соловьева. С тех пор отцы-основатели давно покинули белый свет, но члены лито их помнят и почитают. Поэтому есть в сборнике заметочка про Юрия Макаровича Леднева.

Первое поколение литовцев – Вячеслав Белков, Лариса Мокшева, Наталья Маслова, Владислав Кокорин, Юрий Каранин, Ольга Биричевская. Второе поколение – Елена Волкова, Михаил Жаравин, Лариса Новолодская, Татьяна Сопина, Галина Щекина, Виктор Васильев, Юрий Каранин, Сергей Козлов, Ольга Кузнецова, Руфь Рафалович, Авенир Лазарев, Борис Гуляев, Юрий Ганичев, Валерий Архипов, Сергей Фаустов, Саша Алексеев, Александр Ломковский, Ольга Гаряева, Александр Черницкий... Стали подтягиваться и более молодые авторы, чьи имена сегодня многим известны – Павел Тимофеев, Ната Сучкова, Мария Суворова, Дмитрий Гасин, Роман Красильников, Елена Попова.

Сегодня состав лито обновился почти полностью – прибавились Наталья Брашкина, Вадим Оришин, Ольга Коротина, Татьяна Снежина, Анна Кашина, Нина Писарчик, Дмитрий Трипутин. Кто-то тяготеет к прозе, кто-то к стихам, и теперь проявляется повышенный интерес к критике.

За всю историю лито вышло два коллективных сборника: «Дверца» в 1991 г., «Сорок ступеней навстречу» в 2012 г. И вот третий – «Полтинник». Одно неизменно – в лито всегда могут прийти люди любящие литературу, показать свои тексты, получить отзывы коллег и дружескую помощь. Творческое общение – это то, что нужно всем авторам. Адрес для связи – группа Вконтакте Литкуб вологжан «Ступени» имени Михаила Жаравина.

Галина Щекина

КРИТИКА, МЕМОУАРЫ

АННА КАШИНА

Поэт, психолог, критик. Родилась в г. Онега, Архангельской области в 1980 г. Автор стихотворных сборников «Зимнее время» 2004, «Люди врут» 2015 и «Безответная сюита для телефона» 2019, а также книги эссе «Невероятное путешествие одной лирической героини» 2020, изданных в Архангельской области. Публиковалась в литературной газете «Графоман», в альманахе «Вель», в журнале «Двина», в сборниках критических статей «Михаил Жаравин крупным планом», «Почему Анчаров? Выпуск 6» и др. Финалист международного конкурса литературной критики на соискание премии «ЭХО» 2019, Вологда; член сообщества «Клуб Кресло Критика». Живёт в Вельске.

Терпение бумаги Наты Сучковой

Когда я садилась за стол,
Невинность листа блюда,
Я знала — поэмы гор
Написаны для меня.
Истории всех измен,
Всех опытов и любовей

Написаны лишь затем,
Чтоб мне написать другое...
(отрывок из поэмы «Камень-рыба-облако». 1998)

Лирический субъект Наты Сучковой в новой книге стихов «Страна», изданной в Москве в 2020 году, решает проблему использования бумаги традиционным писательским способом, но работа, проделанная рукой поэта – слишком ответственная: «Бумага стерпит, но не терпит / рука, которой я пишу (...) поэт споткнётся, а прозаик не заметит, / поэт качнётся, а прозаик устоит. (...) бумага терпит, но тихонечко скулит» («Бумага стерпит, но не терпит...»).

Почему лирический субъект? А потому, что выражается автор не только от имени лирической героини или героя, а иногда от обоих сразу, использует говор всей станции «Е***я», которая где-то на «отворотке»; вещает от имени всего фабричного города Вологда, что на православно-колокольной реке Вологда, пишет в инстаграме на айфоне от имени не Пушкинского уже Питера, а Петербурга или «бывшего Ленинграда»; ворчит от имени страны, что называется то «Русью-рукавицей» дырявой, то «Русью зелёной», то «грустной» страной – «чугунной ванной»; выкрикивает от имени её «карманов» (Архангельска, Котласа, Воркуты, Харовска и др.); а также от имени планеты, вернее, «голубой маковки» наверху земного шара.

Уровень обобщения лирического посыла читателю настолько велик, объёмы и масштабны, что выдергивает читательское сознание из эгоистической микрооболочки его кругозора и вынуждает примкнуть к обобщающему авторскому макросознанию, дающему единый образ, который помогает читателю почувствовать себя, как частью этого посыла, так и адресатом.

Это решается благодаря тонкой двузначной метафоричности: «и разлетаются бабочки из-под гусениц / рус-

ские бабочки — не о чем беспокоиться...», и там же: «на вмятинах гусениц (...) он собирает крапивницу» (о танках). («Мальчику снится красивая летняя улица...»); или: «в стаде божьих коровок / затесался обычный телёнок...». («Отворотка на Волок...»); или эпитетами: «ненаглядные пособия», «монохромная страна» («За железными засовами что ни век — идёт война...»).

Стихи книги «Страна» как светло-синие «контурные карты», на которые внесены «прошлое и настоящее, страны, города и сёла» разноцветными карандашами: «красным, жёлтым и оранжевым, чёрным, серым и зелёным», причём страны — это разные облики одной и той же меняющейся страны. Нашей страны.

Одни стихи бьют в сердце, вызывают чувства радости и грусти, другие — заводят механизмы разума, порождают размышления, фантазии на тему, третьи — вызывают ностальгирование по советским временам, по искренности людской, честности родительской и правде детской, которые укрылись и дремали в каждом читателе до волшебства, происходящего во время чтения «Страны». Волшебство книги и в «троллейбусах в молоке», и в «облаках на полочке» в синем небе над берёзами, рябинами и осинами, которые теперь лишь «изображают лес» в России, потому что страна — другая: «Вот моя страна — флисовая кофта (...) грустная она, а другой не хочешь (...) сторона-страна, ничего такого. («Вот моя страна — флисовая кофта...»).

Стихи читаются быстро, даже легко, хотя они и не лёгкие как облака, описанные в них, — а из-за читательской солидарности с автором. Мы все живём в этой непонятной «стороне-стране», где-то на отворотке от нормальной жизни. Вот почему бумага автора «терпит, но тихонечко скулит», потому что на неё ложатся слова боли, сомнений и надежды, вплетённые в изящное вологодское кружево поэтического языка Наты Сучковой.

Мотивы рыцарства в лирике Михаила Жаравина

*Написанное им действительно саднило, как рана,
это чувство, возникшее при первом столкновении,
оно потом никогда не проходило. И грустно, и горько,
и неизбывно.*

Галина Щекина.

Известно, что Михаил Жаравин испытал на своём сердце и поцелуи счастья, и тиски горя, отчаяния и душевной муки, рана от которых мироточит до сих пор в его произведениях. А почему? Потому что, автор, прожив нелёгкую, короткую жизнь, успел сотворить уникальные, актуальные на все времена произведения, в которых затрагиваются морально-этические вопросы философии, веры, высших духовных ценностей человечества, межличностных отношений и отношений человека и природы. Творчество писателя из маленькой деревни Вологодской области, составляющее теперь его наследие, любовно оберегается друзьями-соратниками по ЛитО все последние годы: писателями, родственниками, равнодушными земляками, и изучается уже далеко за пределами области.

Воспитывает и учит — проза. Будоражит и восхищает — лирика, миссия которой и стала объектом данной работы, а рыцарские мотивы в ней — предметом поиска. Поэтому выдвинем предположение, что именно рыцарские мотивы подпитывают любовную лирику Михаила Жаравина. Тогда способом литературоведческого исследования изберём сравнительно-сопоставительный метод, вернее, его частичное применение, так как исследуемый объект принадлежит авторству одного конкретного человека, а сравниваемый состоит из нескольких образцов средневековой провансальской куртуазной поэзии, литературно-исторического явления двух столетий. Целью же работы является раскрытие читателям незатронутых ранее осо-

бенностей любовной лирики Михаила Жаравина, а именно, рыцарских мотивов.

Ранее в стихотворную мастерскую Жаравина заглядывали его современники, писатели, критики, учителя русского языка и литературы, чьи статьи и посвящения вошли в сборник «Сердечная рана», содержащий двадцать пять рассказов, три повести, сто девять стихотворений и письма. — Сборник, изданный уже после смерти автора в 1998 году усилиями писательницы Галины Щекиной.

Ирина Головина убедила, что «поэзия Жаравина очень личная, даже дневниковая. Герой максимально приближен к автору, вместе с ним страдает, мучительно размышляет о своём месте в жизни и литературе... Тоска по любимой, трагическое переживание распада семьи, сиротства детей при живом отце — сквозные темы лирики Михаила Жаравина» [1].

Нина Веселова объяснила возможные причины ненависти автора к несовершенным, с его точки зрения, стихам, черновики которых им уничтожались: «Вот и метался он, путался в любовях, пытаюсь облегчить сердечную рану. Добрым-то людям казалось, что из неё хлещет обычная дурная кровь, а это была — литература, пропитанная кровью...». Сущность поэзии Михаила Жаравина и творчества в целом она усматривала в движении его души к свету: «Он давно уже смотрел не под ноги, как большинство вокруг него, а в небо, и верил втайне, что он «мог бы осветить потухшее пространство» [2].

Галина Щекина охарактеризовала его стихи так: «Они обжигали меня горячей жалостью, они беспокоили меня, а чем — я не могла понять... Однако от этого невозможно было отмахнуться». Галина Александровна принесла стихи Михаила Жаравина в редакцию газеты «Вологодский подшипник» с таким предисловием: «Путь к творчеству у каждого свой, а первая искра часто высекается из таланта страданием...» [3].

Сергей Фаустов в статье «Бросилось в глаза», посвящённой символам часто встречающимся в прозе поэта, отметил: «Я вот сейчас пишу о жаравинских стихах, потому что они потрясающим, поразительным образом высветляют (именно!) образ человека, которого уже нет» [4].

Поэт Валерий Архипов в стихотворении-посвящении Михаилу Жаравину констатировал бессмертие его творчества: «Ты всё-таки выжил в стихах и рассказах, / на снимках — / Для тех, кто любил, ты был друг, / для других — невидимка...» [5].

Возможно, лично знавшие Михаила Жаравина исследователи, переживая собственную утрату, старались рассказать читателю, указывая на видимые мотивы творчества, что это был за человек, какого масштаба писатель, и как сильно и искренне он страдал.

Но более ёмко охарактеризовали панораму особенностей лирики Жаравина исследователи спустя время.

Рассмотрим обнаруженные и основательно проработанные ими темы и мотивы, проанализировав более сорока статей сборника, изданного в 2019 году в Вологде и посвящённого 60-летию со дня рождения автора «Михаил Жаравин крупным планом». Убедившись, что до сих пор слово Жаравина «жжёт» сердца почитателей его таланта, перечислим следующие примеры находок.

Дмитрий Ермаков обобщил предпосылки для идейной сердцевины прозаических произведений: «И не за себя он страдал, и не о своей боли писал, но со своей личной болью за весь народ болел» [6], — подчёркивая преимущества прозы перед поэзией.

А Екатерина Смирнова представила образы природы, как вспомогательные, а в «выражении своих чувств через природу» [7] — выявила схожесть черт жаравинских пейзажей с чертами классической русской литературы.

Татьяна Жукова заострила внимание на теме трагического мироощущения поэта: «Вместе с Михаилом пережи-

ваешь его страдания, его болезни, его разлуку с любимым человеком, с любимым ребёнком» [8].

Ольга Коротина, рассмотрев жанры лирики, пришла к выводу: «Поэзия Михаила Жаравина имеет богатый и сложный состав»: гражданская, пейзажная, любовная, философская, значение которой – в «сердечной ране», как в диагнозе. «Будто убита в человеке какая-то часть его существа (вера? надежда?), и не живёт этот герой, а доживает, торопит свой конец» [9].

Анна Труфанова в статье «Лирика Михаила Жаравина. Моё прочтение» воссоздала портрет лирического героя – это: «человек огромного духовного и душевного богатства. Он может быть смешным, грустным, скрытным, замкнутым, но всегда искренним и глубоко чувствующим. А самое главное, он умеет любить, горячо, беззаветно. Пусть даже безответно». А. Труфанова, анализируя стихотворение «Животы сугробов похудели», близка к идее рыцарства в описании женского образа: «Автор рисует образ прекрасной девушки, которая не просто улыбается, а обжигает встречного своей улыбкой...» [10], но объясняет поведение героя властью над ним природных сил – «капелькой весеннего тепла».

Ольга Шопырева, сравнивая поэта и прозаика Жаравина, назвала поэзию «приземлённой»: «поэт часто опускается до бытовых, порою незначительных деталей, с упоением и почти документальной дотошностью описывает личную жизнь...». Характеризуя основную тему лирики, автор статьи указала на «конфликт между лирическим героем и его возлюбленной...», и на «конфликт героя с самим собой», а также объяснила причину творчества поэта: «печаль ему необходима, она играет для него роль вдохновения... Ни страх смерти, ни сладость любви, ни слава – ничто не может для многих авторов встать вровень с вдохновением» [11].

А Валерий Анохин в философском отклике на книгу «Сердечная рана» поразмышлял о жизни тела и души пи-

сателя: «Душа же устремилась к той, которая подобно русалке манит к себе. К призраку. К недосыгаемой высоте...» [12], он тоже приблизился к нашей позиции, но завершил рассуждение гипотезой о желании писателя услышать «Божественное слово».

Анализ исследовательских работ, вошедших в сборник статей, показал, как глубоко были изучены прозаические и стихотворные произведения Михаила Жаравина. Но рыцарские мотивы в лирике исследователями так и не были обнаружены.

Мотивы рыцарства в лирике Михаила Жаравина.

Не отрицая предположения, суждения и умозаключения вышеупомянутых авторов, и не оспаривая их – докажем, что рыцарские мотивы в лирике Михаила Жаравина имеют место. И открыто или тайно подпитывают тему любви.

Первое стихотворение в сборнике «Сердечная рана» (С. 298) [13] настраивает нас на нужный регистр восприятия:

Дождёмся снега – он закроет раны,
Земля и души родственны вполне.
Мы чем-то наполняемся извне,
Когда перед собою цели ставим,
Когда летим по Млечному пути
К своей звезде далёкой, но прекрасной,
Когда идём тропинкою опасной,
Ещё не зная, что там, впереди.

Это стихотворение – как девиз, как напутствие самому себе и таким же как он – лирический герой Жаравина. Он отважен, отправляясь ли в путь «тропинкою опасной», или к своей прекрасной «звезде» – он полон надежд и вовсе не наивен. Как воин перед очередным боем с судьбой, с вечностью – он верит в порыв и достаточность соб-

ственных сил перед житейскими препятствиями на пути. Он ищет любовь, силуэт которой постоянно мерцает то в прошлом, то в будущем, но это – недостижимая мечта, как звезда, прекрасная и далёкая, к которой хочется приблизиться. Отсюда и мощность в стремлении постичь любовь и пережить её заново.

Рассмотрим, как любовь к женщине движет лирическим героем, готовым на всё ради неё. Отсюда и аналогии между одной из основных тем лирики нашего современника и идеей рыцарства средневековой поэзии о подвигах придворных, воспевающих возвышенные чувства к даме как к Мадонне. Идея эта воплощается в воссоединении черт Богоматери и земной, живой женщины в едином образе Прекрасной Дамы. Поэтому, чтобы чётче представлять, с чем именно сравнивается любовная лирика Жаравина, укажем характерную черту куртуазной поэзии – это преклонение героя перед образом Дамы сердца в песнях и балладах трубадуров, ради взгляда или прикосновения которой, рыцарь готов был умереть, за любовь которой безропотно мог пожертвовать своей жизнью. Как, например, в песне Саркамона (С. 98) [14], странствующего рыцаря и автора семи куртуазных кансон (лирических песен), в одной из которых «Ненастью наступил черёд...» – есть такие строки:

...Затмила мне весь женский род
Та, что в душе моей царит.
При ней и слово с уст нейдет,
Меня смущенье цепенит,
А без нее на сердце мгла.
Безумец я, ни дать ни взять!..

А в лирике нашего современника атрибуты жертвенности ради любви также весомы: «Я значение слова свожу до нуля, / Мне гораздо важнее глаза или руки...» (С. 323) [13].

В рассматриваемом нами контексте образ жаравинской «Прекрасной Дамы» — это образ земной женщины, подарившей когда-то свою любовь лирическому герою, исчерпавшуюся по объективным причинам. Это образ женщины, которую он иногда обожествляет, поскольку испытывает к ней сильнейшее чувство, множась же то из-за разлуки с ней, то от случайных и кратких встреч. Образ её присутствует в нескольких стихотворениях, но на расстоянии от героя, например, в следующих строках:

...Но где-то из-за рамы смотришь Ты
На этот дождь и думаешь, наверно
(...)

И значит. Ты из дома не уйдёшь.
А я иду к Тебе бы... но не знаю,
Где Ты живёшь... (С. 312) [13]

Или:

Пройдёшь — и мне становится теплей,
Но домик твой окутывает тайна —
Забор из шелестящих тополей.
Знать, тополя мне надобно спилить,
Чтоб на себя вниманье обратить! (С. 310) [13]

Описание возвышенных чувств к женщине редки, но проникновенны. И поэт порой использует самоуничижительные интонации в монологах лирического героя. Словно он пытается подчеркнуть разность между ними. Например:

Я без цветов, помят, небрит и пьян.
Не обижайтесь, я такой честнее... (С. 299) [13]

Или:

...Я дошёл бы пешком до Стамбула,
а может, Каира,
Только б встретила та, без которой
нельзя не пропасть. (С. 304) [13]

А также в стихотворении «Я носил бы тебя на руках...» (С. 299) [13]:

Я носил бы тебя на руках...
Мне на это хватило бы силы,
На руках и до самой могилы...

Представляется, что лирический герой – недостойн своей Дамы или находится в активном поиске таковой. А, возможно, отвергнут, брошен, изгнан...

Схожее чувство испытывает герой Гильема Девятого, автора «покаянной песни» «Желаньем петь я вдохновен...» (С. 102) [14], о вынужденном походе феодала с юга Франции на чужбину, которая начинается так:

Желаньем петь я вдохновен
О том, как горем я согбен:
Не к милым доннам в Лимузен –
В изгнанье мне пора уйти!..

В стихотворении Жаравина «Портрет семейный убрала в комод...» повествуется о женщине, которая готовится к свиданиям, отправив ребёнка к бывшему мужу: «...Подвинула на середину стол, / Поставила свечу, вино, закуску...» (С. 315) [13]. Автор описывает нескольких проходящих к ней в гости, предполагая, что жизнь у неё несчастливая.

А в поэзии трубадуров есть «Безымянные песни», близкие к фольклорным песням о несчастливом замужестве. Например, это песня о жене, уставшей от мужа и мечтающей о возлюбленном, с которым она ждёт встречи – «Я хороша, а жизнь моя уныла...»:

Я хороша, а жизнь моя уныла.
Мне муж не мил, его любовь постыла.

В любви дружка – одна моя отрада... (С. 94) [14]

В стихотворении Жаравина «Сказать все прямо...» повествуется о встрече влюблённых, одна из которых – несвободна и пожелала вернуться к мужу:

...И мы вдвоём с тобой в зелёном поле,

Как два щенка, промокшие насквозь
(...)

Истосковалась, прежним извелась.

Я чувствовал, что старое дороже!.. (С. 314) [13]

А в «Безымянных песнях» трубадуров о возлюбленных, дорожащих каждой минутой, перед неминуемым возвращением Дамы к мужу:

Боярышник листвою в саду поник,

Где донна с другом ловят каждый миг:

Вот-вот рожка раздастся первый клик!

Увы, рассвет, ты слишком поспешил... (С. 88) [14]

В стихотворении Жаравина, посвящённом О. Смирновой («Быть первой у тебя — как это мило»), звучит мотив невозможности воссоединения с любимым: «Быть первой у тебя — как это мило, / Тем более, когда сама любила. / Неравенство — оно моя беда...». (С. 340) [13]

Эти слова перекликаются со словами песни трубадуров «Глядя на зелень лугов...», которая повествует о «разъётом» любовью сердце:

...Мукой любви я объята.

Скорбь за мечту мою плата,

Удел мой таков

(...)

Сердце любовью разъято...

Если доныне дружка

Донна еще не любила,

То не страдала пока... (С. 90) [14]

Образ лирического героя, мучимого страстью к недостижимому идеалу женщины присутствует в следующих стихотворениях и т. п.: «Не говори мне, брат, о ней...»

...Не торопи искать другую.

Когда коню заменят сбрую,

Он может в кровь стереться в ней.

Да кто же станет мне родней... (С. 317) [13];

«Я был готов помчаться за тобой»
...Но я стоял оглохший и немой.
И кувыркалась раненою птицей,
Наперекор попытке разозлиться –
Моя любовь вдогонку за тобой... (С. 321) [13];

Или в стихотворении «Я болею тобой...»
...Я умею грустить незаметно,
Горячо беззаветно любить...
Даже если люблю безответно.
А иначе не стоило б жить. (С. 325) [13].

Таким образом, даже при поверхностном текстовом сравнении некоторых образцов лирики Михаила Жаравина и песен средневековых трубадуров обнаруживаются общие черты темы любви. Это и сходства в постановке проблемы – невозможность гармоничного воссоединения с любимой; и последовательность в описании переживаний лирического героя (героини) по этому поводу; и схожий драматический рисунок несчастливой судьбы героя с большой вероятностью печального исхода. Поэтому в заключение остаётся лишь подтвердить, что мотив рыцарства питает любовную лирику Михаила Жаравина, так как он универсален и бессмертен (примеры его влияния можно отыскать в поэзии большинства мировых классиков).

И хоть истоки возвышенной, платонической любви к женщине находятся в душевном благородстве любого лирика, куртуазный мотив Жаравина разрастается и укрепляется посредством выражения душевных страданий автора в кризисных семейных обстоятельствах, отражённых в автобиографичных стихах через образы отчаяния и откровения лирического героя. Этот мотив подкрепляется невозможностью обретения полной вза-

имности героя с возлюбленной, и даже отказом от неё ради неё самой, ради её покоя и благополучия. Как и в стихах провансальских трубадуров о возлюбленных, разлучённых классовым неравенством.

Рыцарские мотивы в литературе — вечны. Они навевают мечты, внушают надежды, дарят силы, и поднимают образ Прекрасной Дамы на небывалую высоту обожания.

Лирический герой Михаила Жаравина не бьётся на турнирах, не погибает ради чести Дамы, но он жертвует собой по-другому. Он делает всё, чтобы его возлюбленная была счастлива, даже ценой его несчастья. Мотив жертвенности в поэзии Михаила Жаравина является одним из основных. Благодаря этому нашего современника можно считать вневременным поэтом. А чем это объясняется, если не силой мужской любви, возведённой в превосходную степень? — Силой и талантом автора, преклоняющегося перед образом женщины, как ради совершенствования черт лирического героя-страдальца, так и ради динамики поэтического мастерства.

Сегодня всё поставлено на карту...

Позвольте мне уйти, сказав «люблю»!

Не буду портить вам Восьмое марта! (С. 299) [13]

Список литературы:

— Головина, И. В поисках своей звезды // Сердечная рана: О Михаиле Жаравине — Вологда, 1998. — С. 370—378.

— Веселова, Н. Неразделённое // Сердечная рана: О Михаиле Жаравине — Вологда, 1998. — С. 365—370.

— Щекина, Г. Печальный перекрёсток // Сердечная рана: О Михаиле Жаравине — Вологда, 1998. — С. 381—405.

— Фаустов, С. Бросилось в глаза // Сердечная рана: О Михаиле Жаравине — Вологда, 1998. — С. 405—408.

– Архипов, В. «Мы падали вместе...» // Сердечная рана: Посвящения – Вологда, 1998. – С. 413.

– Ермаков, Д. Сжатое время Михаила Жаравина /Д. Ермаков // Михаил Жаравин крупным планом: сб. статей. – Вологда, 2019. – С. 49–58.

– Смирнова, Е. Пейзаж в произведениях Жаравина / Е. Смирнова // Михаил Жаравин крупным планом: сб. статей. – Вологда, 2019. – С. 129–140. (список дан в сокращении).

НИНА ПИСАРЧИК

Родилась в г. Вытегре Вологодской области, работала редактором в Вытегорской районной библиотеке, затем библиографом в библиотеке Вологодского университета (ВГТУ). Дополнительное образование – литературные курсы при МО СПР в 2010–2011гг. (курс критика Михаила Бойко). В настоящее время занимаюсь редактурой и корректурой литературных произведений, литературной критикой.

Феномен вологодской прозы

Интервью газете «Комсомольская правда»

К.П.: На Вологодчине много пишущих — с чем это связано? Поддерживается ли это властью и обществом?

— Феномен обильного литературного творчества на Вологодчине расцениваю, как остаточный эффект повышенного внимания со стороны прежних (советских) властей к Вологодской писательской организации. Именно провинциальная Вологда, равноудалённая от обеих столиц, стала «местом силы» для писателей-поэтов — «народников» и «деревенщиков», в лучшем смысле этих слов. Без воли властей ничего бы не было — ни писательских квартир, ни творческих поездок и командировок, ни многотысячных изданий, ни централизованной сети их реализации. Новая революция, политическая и экономическая, разгромила этот «оазис», порушила «оросительные каналы», но семена-то уже упали в почву. И новая поросль литераторов самостоятельно пробивается сквозь корку равнодушия современной власти.

К.П.: Ситуация с журналом «Вологодский ЛАД» — его выпуски ограничили — один раз в год. Как вы считаете — это достаточно?

— Конечно же, область, имеющая мощную металлургическую и химическую промышленность, подшипниковое производство и прочие мануфактуры, торгующая активно с границей, тем же лесом, не в состоянии содержать один-единственный на область литературный журнал. Тем, кто принимал решение о выпуске «Вологодского Лада» один раз в год, видимо, этого достаточно.

К.П.: Вы активно действующий критик, с большим интересом наблюдаете за современной литературой. Как выглядит вологодская проза сегодня?

— Невозможно отследить весь литературный поток, даже в размерах Вологды. Никогда не делю авторов по при-

надлежности к разным Союзам и течениям. Тем и хорош упомянутый альманах «Лад», что публикует достойных, невзирая на их «союзность». Моё внимание более привлекают начинающие прозаики, и неважно, в каком возрасте они начинают. Знаю успешных поэтов, ставших затем прозаиками. Например, Ольга Кузнецова, журналист, поэт, пишет замечательную современную прозу, недавно вышла её вторая книга «Цветные карандаши». Предыдущая, «Пастораль» была издана в серии «Том писателей» ВО СРП, отдельные рассказы публиковались и в СМИ, и на сайте «Проза.ру». Замечательно начинала в художественной прозе журналистка Наталья Мелёхина, что отразилось в её книжке «Медведь с заплатой на ухе». Одно из новых имён – Павел Громов. Его первая книга рассказов «Is Интернета» выпущена с помощью ВО СРП. Волей-неволей Вологодское отделение Союза российских писателей постоянно упоминается мной в этом интервью. С интервалом в полгода прошли два семинара, адресно – для начинающих авторов. В ноябре 2017 года – традиционные семинары поэзии и прозы – в программе очередного фестиваля «Плюсовая поэзия». В мае 2018 – объединённый семинар победителей, как итог литературного конкурса «Словарный запас» для молодых авторов всего Северо-Запада. Не только Вологодской, но Архангельской, Калининградской, Ленинградской, Мурманской, Новгородской, Псковской областей, республик Карелия и Коми, Ненецкого автономного округа и города Санкт-Петербурга. Как эксперт двух последовательных семинаров прозы, скажу, что в вологодской литературе появились совсем новые имена: Мария Герасимова (Вологда), уже выпустившая книгу «Первое отражение» в качестве приза за победу в этом конкурсе, Александра Антушевич (Череповец), Мария Багирова (Вологда), Светлана Чернышёва (Вологда). Должна заметить, что проза начинающих авторов стала значительно качественнее современной молодой поэзии.

К.П.: Нина Викторовна, вы – эксперт многих литературных мероприятий для пишущих, конкурсов и семинаров. Какие ошибки у начинающих?

– Для меня основные критерии, по которым можно судить о произведении – это идея и язык. Идея (генеральная мысль) – авторский посыл, заставивший рассказать нечто своё. Неверный посыл – когда автор ищет, о чём бы таком рассказать... Язык – набор приёмов, свойственных данному автору, отличающий его от прочих. Самое сложное, даже для очень талантливого автора, – наработать собственный, уникальный язык. Это «фишка», отличающая писателя от автора текстов. Ошибка начинающих – писать усреднённым литературным языком образованного человека.

К.П.: Это ремесло одиночек, или нужны союзы, студии, литобъединения?

– Писательский Союз должен быть сродни профсоюзу, но не формальному – а с государственной финансовой поддержкой. С другой стороны – государство не должно вмешиваться в творческий процесс. Насколько утопична такая идея? Видимо, писатели нуждаются в творческих союзах, раз они существуют до сих пор и даже создают новые. Вот литературные студии и ЛитО – точно нужны! Где ещё пишущим людям обменяться мнениями?..

К.П.: Если бы в далёком 1996 году Галина Щекина не увела из-под влияния старой вологодской школы молодёжь – как бы вологодская литература выглядела сегодня?

– Да, «пассионарием» оказалась именно Г. А. Щекина. Её инородность в вологодской среде того времени сыграла решающую роль. Носительница другого языка (южнорусского), иной культуры и более яркого темперамента,... – отрицание ею сложившейся писательской школы не могло не иметь последователей, так как изменения происходили повсюду. Пишущая молодёжь искала

новые формы самовыражения. Не образуйся в Вологде, инициативой Галины Щекиной, альтернативный писательский Союз, она (молодёжь) стала бы искать поддержки и одобрения за пределами родного города, многие, возможно, покинули бы Вологду или бросили творческие попытки. Могло быть – нашёлся бы иной активный товарищ здесь, или ВО Союза российских писателей было бы организовано инициативой «сверху», из Москвы. Случилось, как случилось, потому что пришло время.

АЛЕКСАНДР СОКОЛОВ

Член РОО «Вологодский союза писателей-краеведов», педагог дополнительного образования, предмет «Основы стихосложения», Литературно-поэтический хобби-класс «Сонет», Вологодская областная библиотека, Юношеский центр им. В. Ф. Тендрякова.

Перистые замыслы

(Валерий Синицын. Альманах вологодских писателей-краеведов

«Храни огонь родного очага... Вологда, 2018)»

«умри но семена перистых замыслов оставь тому кто после нас...» /В. Сеницын/

Впервые познакомился с творчеством Валерия Сеницына по Антологии поэзии Вологодского края. XXI век. «Чудь» в 2012 году. По графике — стихи необычные — нетрадиционные, все они с незаглавных букв. В литературе такая графика не нова. Впервые её применил ирландский писатель Джеймс Джойс в романе «Улисс» в 1903 году, в котором все начала предложений написал с незаглавных букв и не использовал знаки препинания. Такая графика стала модной в современной поэзии. В 2018 году подборка стихов Сеницына вышла в Альманахах вологодских писателей-краеведов «Храни огонь родного очага...». Привлекли меня в подборке философские мысли автора: «умри но семена перистых замыслов // оставь тому кто после нас...».

Решил проанализировать: на чем же строятся, и что хотел сказать автор в своих стихах.

А отличаются стихи Валерия от стихов классиков тем, что они написаны свободным стихом — верлибром, то есть, не имеют строгой метрической формы и рифмы, а если она где-то и присутствует, то — неточная или случайная. Верлибр в России приобрел особую популярность в эпоху Серебряного века. Но, и как видим, его используют и современные авторы и Валерий Сеницын:

твой свитер
был овечкой где-то
гулял и выпасался
на горных пастбищах
и маков цвет
и щавель дикий кушал
и пил хрустальных вод
нектар...
состарился

весь выцвел
облысел
но вспомни сколько лет
от холода спасал...
Ты распусти зацепы
И сохрани его душевно
Хотя бы в виде безрукавки

А ведь хорошо! Чем-то напоминает по стилю написания верлибр Александра Блока «Она пришла с мороза». В нём явно присутствует поэзия. На первый взгляд, может показаться, что это проза, записанная столбиком. Но нет. Это стихотворение! На чем же строится оно? А строится на повторении сменяющихся одна другую фонетических сущностей разных уровней:

Слове – «облысел», «нектар».

Паре слов – «от холода спасал», «и маков цвет», «твой свитер».

Фразе – «и щавель дикий кушал», «ты распусти зацепы».

Параллелизме интонации. То есть, предложение поделено на смысловые отрезки, которые разнесены в разные строки.

Что же роднит данный текст Сеницына со стихотворением? Почему это не проза?

Первое: изображение текста стихотворное: графически – столбиком.

Второе: написано по правилам классического стихосложения и сохраняет целый ряд стихотворных признаков, таких как: разбиение текста на строки (стихи) разной длины.

Межстрочные паузы при чтении. Константные ударения в конце каждого стиха.

Есть ввод в стихотворение – «твой старый свитер».

Раскрыта тема – старый свитер.

Есть и концовка стихотворения – ненавязчивое предложение, вывод из сказанного «сохрани его».

И смысловая связь слов, фраз и предложений.

Какую внутреннюю энергию несут стихи Валерия? Это мысли и чувства. Эмоции. Короткие ёмкие высказывания, напоминающие вспышку кинокамеры, черно-белый фотоснимок. Они в основном статичны, реже динамичны, в них запечатлен короткий миг жизни персонажа или лирического героя.

Стр.396 (бабушке)

твои ласки –
шелест сухой травы
ветерка порывы
в чердачном окне
среди сумрака
и старинной пыли...

Или стр. 398

этим воздухом дышали предки
паром в бане был
мартеновским огнем
засухой морозом палом...

Большинство представленных стихов – это
эмоциональный отклик на стихи других авторов.
Ольги Фокиной (стр.404)

Ваши стихи как вспаханное поле
глаз радуют
всегда свежи
весной волнистые пласты
ликующе блестят

парящими крылами
взлететь готовы

Лидии Тепловой (стр.405)

то поднимается
то опускается
тишина на земной плетень
горчит запах трав
волнует сруб колодца
...вон рядом на кочке
морозка светится воском
глухарь с картечью в зобе...
глухарка
лети моя милая
от сглаза
людского глаза

Павла Васильева (стр.410)

у меня на сердце полынь да песок
керосиновой лампой
опалённый Прометей
коснулся золотого разбега
россыпи твоих лёгких кудрей

Стихи образны. Образы абстрактны: «твой голос – // седых фолиантов // заветный тлен //на страже паучьей тины // колышется едва-едва // воспоминаний руины...».

Или: «... чтоб ожили //а капелла мостов над Невой // пышногрудой в аранжировке // набережных // дворцов // арок запыстья // проспектов карусель // какофония бестолковых толп // колоннад дивертисменты // меланхолия в рычании львов...». – Здесь прослеживается явная амплификация – нагромождение однородных речевых компонентов. И она является стойким признаком его стихов:

пахнет персиком в лучах
обжигающих как розги
тяжелеют ветки груши
яблони кладут поклоны
вишни с хитрецей глядят
сыплет пригоршнями злато абрикос
зизифкс ряно
зывает перезвоном
бьёт орех нескучно оземь

А кроме того, частым лексическим приёмом стихов Валерия является выразительное несовпадение синтаксического членения стихотворной речи – синафия, когда часть интонационно-синтаксической единицы переносится из одного стиха в другой, в следующий или предыдущий:

пахнет персиком //
в лучах обжигающих как розги
тяжелеют ветки груши

Этот приём не всегда удачен и уместен, ибо перенесённое слово и отсутствие знаков препинания, путает мысли читателя. Сравним перенос М. Лермонтова:

Блистая пробегают облака
По голубому небу. Холм крутой
Осенним солнцем озарён. Река
Бежит внизу по камням с быстротой...
Здесь всё ясно и понятно в содержании.

Не менее важной чертой творчества Синицына является антропоморфизм – перенесение человеческого образа и его свойств на неодушевлённые предметы, явления и силы природы: «яблони кладут поклоны», «вишни с хитростью глядят», «волнуется сруб колодца», «избы – старятся, чадят» и т. д. Делается это, по-моему, с целью придания предмету или явлению большей образности, большей зна-

чимости, придания большей убедительности сказанному, и чтобы уйти от обыденности речи, которая присуща многим авторам.

Антропоморфизм придаёт произведению живость, динамику, энергию. Она обостряет чувства, усиливает впечатления, и более точно передаёт оттенки настроения.

Одушевления не идут в противовес лирическому герою, а дополняют и обогащают образ.

Философских размышлений о жизни автор не обошёл стороной в своем творчестве:

когда чего-то ждёшь
то время замедляется
как будто
хоть шагом мерь его
хоть бегом
оно неспешно
оно своё возьмёт
ему известно... (стр.398)

Или

но самое святое
когда средь холодов ростки
ещё слепые зелёные отчаянно-младые
под снег уходят
озимые... (стр.404)

Или

умри но семена
пречистых замыслов
оставь тому
кто после нас (стр.390)

И, по-моему, этим сказано много, и достаточно много:
назначение поэзии — сеять семена доброго, чтобы
они проросли в наших потомках.

СЕРГЕЙ ФАУСТОВ

Критик Сергей Фаустов (Щекин) родился в Вологде, 21.04.1948г., окончил Северо-Западный заочный политехнический институт, работает по основной профессии на различных кафедрах Вологодского технического университета (с 2014 ВоГУ) более двадцати лет.

Основой для его литературных занятий послужили материалы ЛитАртели «Ступени». Автор идеи выпуска около ста вологодских пресс-релизов «Ступеней». В 1997 вышла книга его оригинальных эссе о вологодском андеграунде «Харизма вологодской литературы». Другая книга читалась еще в рукописи – «Гипотеза поэзии». Член Союза

российских писателей с 1998. Председатель Вологодского отделения СРП с 2003 по 2007.

Дипломант сетевого конкурса «Тенета», номинатор сайта Стихи.Ру. Публиковался в местной периодике, в альманахах «Стрекоза», «Свеча», а также в журнале «Октябрь».»«Гуманитарные эксперименты» – книга эссе, сделанная в рамках проекта Н. Сучковой «Том писателей». С 2017 С. Фаустов председатель премиальной комиссии литературной Премии «Эхо».

Мера против и за

Мария Суворова несколько лет была активным участником литобъединения «Ступени» и одно время даже соведущей. Сейчас она занимает видное место среди российских поэтов, была неоднократным лауреатом всероссийских конкурсов. Ее отличает внутреннее напряжение смыслами, тревожная недосказанность, открывающая поэзию, которую следует увидеть.

Одно из главных свойств поэзии Марии Суворовой заключается в том, что

после прочтения ее стихотворения иногда возникает потребность пересказать его для себя своими словами, то есть перевести на прозаический язык, чтобы выявить «непереводимые» моменты – в них и заключена поэзия. Рассмотрим первое стихотворение.

Пересказываем его. «Чайки носятся над рекой ранней весной. Все люди сидят у себя дома безвыходно – этой весной началась эпидемия коронавируса (это мы от себя добавляем). Что будет, если мы заболеем и умрем? Похоронят? Забудут, все покроется тополиным пухом, как снегом? Голова кружится от этой мысли, а внутри растет сопротивление такому печальному исходу, а в чайках видится что-то зловещее и грозное. Находясь в запертном состоянии в че-

тырех стенах, есть надежда, что кончится эта эпидемия-буря, и что делать потом, когда остается так много энергии, что делать с самой собой?»

Таким риторическим вопросом заканчивается стихотворение. Коронавирус

заставляет прятаться, но не придает смысла этому действию. Не дает ответа на

вопрос — что делать, и как делать, и вообще, зачем. Стихотворение о самоизоляции несет в себе философское содержание. Первый вопрос — может ли поэзия помочь в чем-то во время эпидемии, может ли философия помочь во время эпидемии? «Перестань беспокоиться о вещах, которые находятся вне нашей воли», — сказал Сенека (или как это ему приписывается) в своей молитве, — Боже, дай мне безмятежность, чтобы принять то, что я не могу изменить, мужество, чтобы изменить то, что я могу, и мудрость, чтобы всегда отличать одно от другого».

Читаем в стихотворении:

рядом с моим домом
делает поворот река
до излучины будет не многим больше
метров ста
но если меня не будет
будет ли тишина
и если тебя не будет
что тогда

Если река жизни (в стихотворении именно этот смысл) делает поворот, то страшно становится за последствия этого поворота. Метафора пугает сильнее реального факта. Образ пугающих птиц из фильма Хичкока в стихотворении приобретает дополнительный ужас: «в облаке чаек есть что-то дикое и грозное я же слышу это». Действительно, достаточно одного мгновенного взгляда на чайку, чтобы

увидеть зловещий знак и смысл нависшего надо всеми коронавируса, как это видим мы на картинке с чайками и логотипом вируса. Чайки олицетворяют коронавирус!

Страх парализует до такой степени, что простое описание завтрака или ужина в стихотворении минимизируется до почти бессвязного перечисления нескольких слов:

завтракают
сок апельсины
ужинают
вино

Здесь не хватает многих слов, нет связок и знаков препинания. Но читателю понятны авторские мотивы самоограничений — они от страха.

Очень важные в своей оптимистичности слова приведены в конце:

теплится где-то внутри
мера
всех против и за

Пандемия коронавируса порождает фундаментальные этические и

экзистенциальные вопросы. Вполне можно сказать, что поэты, наиболее действенные и актуальные в любой социальной группе, но, когда речь заходит о самоизоляции — она их питает. Поэты не могут предложить лекарства. Поэзия лучше всего работает во взаимоотношениях между чувствованием и реальным миром — с его «дикостью и угрозами». Поэтическое произведение может обеспечить иммунитет от необдуманных решений, потому что «теплится где-то внутри мера всех против и за».

Мы страдаем, потому что мы не можем управлять нашей собственной жизнью и судьбой. Мы подвержены бесчисленным причинам, по которым может измениться наша жизнь в любой момент. Большинство из этих причин вне нашего контроля. Пандемия делает это отсутствие контроля очевидным до головокружения.

В условиях такого состояния даже такие простые строки

что мне тогда делать с не заглушенным звоном
с кружащейся головой
сердцем в котором останется ровно
на целую жизнь крови
что мне делать
с самой собой

приобретают значение экзистенциальных смыслов. Вопрос в стихотворении поставлен, а ответа нет. Но он подразумевается, вот эти строки подсказывают:

след остаётся и след исчезает
мягкая тополиная кора
пухом как ватой медленно зарастают
улицы крыши трава

Так обновляется мир, в котором мы живем. И другого у нас нет. Мария Суворова написала стихотворение, благодаря которому мы, увидев чаек над рекой, будем знать, символом чего они являются. Но вспомним и сохранившиеся в памяти строки: «чайка крыльями машет и вперед нас зовет». Это слабое утешение перед лицом угроз.

И еще одно стихотворение Марии Суворовой. Я приведу его полностью.

Туман разбивается о бетон, бетонное море
Льётся рекой через город мой,
Переставший быть домом.
Спорят стоящие на берегу —
Моё всё вокруг или чужое...
Собака запрыгивает на корму:
Воет, воет, воет.

Закроешь глаза — и не молишься, и не видишь
Темно-зеленое облако, крымское
Предгрозовое.
Закроешь глаза, и спокойствие — беспредельно...
Как счетные палочки на столе чётки мои,
украденные из класса на параллели.

И волны проходят быстро, и катер уходит.
Собака уже молчит, а ветер надсадно ноет.
Но волны оближут губы,
И успокоят.
Весь мир состоит из камней,
А камни не знают боли.

Стихотворение состоит из трех катренов. В первом описан речной пейзаж, причем с использованием очень сильного фантастического выражения – «бетонное море», около которого люди стоят и спорят, а собака воет.

В третьем катрене продолжается повествование, начатое в первом – катер уходит, собака замолчала.

По сути, если б всего было два катрена, то было б одно готовое стихотворение, как пейзажная зарисовка с большой долей грусти. Однако, автор между ними вставляет строфу, в которой, казалось бы, не видно никакой связи ни с предыдущим, ни с последующим. В нем описано видение с закрытыми глазами, причем они упоминаются два раза, потому что это очень важно. Здесь прослеживается психологическое состояние лирической героини с описанием странного темно-зеленого облака, очень далекого, крымского, предгрозового. Но оно не тревожит, по словам лирической героини, наоборот, оно как бы успокаивает до беспредельного спокойствия. И даже воспоминание об украденных из соседнего класса счетных палочках не вызывает угрызений совести от совершенного греха. Здесь внутренний мир лирической героини противопоставлен внешней не комфортной, тревожной среде. Понятно, что в этом внутреннем мире если успокоение достигнуто, то большой работой души – на это указывает моление, четки. Логика чувств: «Закроешь глаза – и не молишься, и не видишь», а откроешь, значит, – и молишься и видишь. Заключительные строки стихотворения – «Весь мир состоит из камней, а камни не знают боли» показывают, что часто бывает так, что чрезмерно сильная закалка сердца превращает его в камень.

В стихотворении доминирует скрытая рифма: «море», «воет», «ноет», «успокоят», «боли». Внутренняя рифма формирует прочный структурный стержень стиха, как шампур с кусками, и не надо заботиться, чтоб катрены

(куски) были одинаковыми. В своей естественности они все разные.

Существует много языков, есть обычный стандартный язык, на котором все говорят, дипломатический, и есть поэтический. В то время как стандартный язык — это система правил, которая представляет существующий порядок, поэтический язык всегда является продуктом восстания против этого существующего порядка в попытке создать новый порядок («лучшие слова в лучшем порядке», (с) П. Вайль), непредвиденный, неожиданный, но отвечающий художественной правде. Настоящий поэт всегда бунтарь. Он использует язык, чтобы подорвать существующую систему правил, стереотипы, и сформулировать новую систему правил, основанную на уникальности как поэта, так и читателя. Повторяю — и уникальности читателя тоже. В совместном восприятии поэтический язык способен выразить бунтарский анархизм, хаос, самоорганизующийся в художественный порядок.

Но волны оближут губы,
И успокоят.
Весь мир состоит из камней,
А камни не знают боли.

С точки зрения стандартного языка здесь все неправильно, а на поэтическом языке — шедевр.

Мария Суворова в своем творчестве все это прекрасно демонстрирует, но она идет еще дальше. Она придумала и использовала в этом стихотворении эффектный композиционный прием, в котором повествование опять-таки нарушается введением фрагмента с описанием психологического состояния, пережитого в прошлом, что приводит к удивительному и неожиданному эффекту. Речь идет о второй строфе, о которой я уже упоминал.

Я сейчас сделаю эксперимент, гуманитарный. Делаю я это не ради игры, а, как и все эксперименты — для доказательства какого-либо умозаключения или гипотезы. Я

возьму известное стихотворение из русской классики, если не первое, то второе попавшееся мне в Интернете, и применю для него тот же самый «суворовский» композиционный прием. Итак, сначала стих, потом назову автора.

Лениво дышит полдень мгlistый;
Лениво катится река;
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет;
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

Теперь используем композиционный прием Марии Суворовой в вышеприведенном стихотворении «Полдень» Фёдора Тютчева.

Лениво дышит полдень мгlistый;
Лениво катится река;
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

Закроешь глаза — и не молишься, и не видишь
Темно-зеленое облако, крымское
Предгрозовое.
Закроешь глаза, и спокойствие — беспредельно...
Как счетные палочки на столе чётки мои,
украденные из класса на параллели.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет;
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

Вторая строфа полностью объясняет и придает совершенно новое понимание финалу стиха, его уже невозможно читать с тем же выражением, как вначале. Теперь нам понятно, почему «дремота жаркая как туман» — появился психоделический эффект, понятно, почему Пан великий, почему он спокоен, хотя мы не верим этому спокойствию, оно какое-то слишком тревожное. Тревожность этого пейзажа более реалистична, чем у Тютчева.

Вернемся теперь к обсуждаемому стихотворению. Лирический герой, или героиня, стихотворения Марии Суворовой показал нам свое состояние — второй катрен, наполненный психологизмом, изменяет, буквально ломает личность лирического героя или героини. Строки «город мой, переставший быть домом» наводят на мысль о том, что лирической героиней предстает сама Вологда, которая не может назвать домом то, что сжигают, уродуют, бетонируют, мы ведь знаем, что происходит с реальным городом. Для «души русского Севера», как позиционируют Вологду, это пагубно. В этом смысле стихотворение наполнено гражданским пафосом, хотя его в тексте нет совершенно! Такой эффект возник от свойства, присущего самой современной поэзии, как говорят англичане «poetrybeyondthetext» — поэзия за пределами текста. Более того, стихотворению легко можно придать политический смысл. «Бетонное море» как идеологическое промывание мозгов, «крымский» — как фантом власти и рана на теле России, от которой каменеют сердца русских и украинцев. И можно вполне так его позиционировать, но это будет не расширением, а сужением смыслов. А они многочисленны, и это опять-таки свойство всей современной поэзии.

Одна из целей физических наук заключалась в том, чтобы дать точную картину материального мира. Та же самая цель у поэзии, и мы на примере этого стихотворения увидели, как это происходит.

При описании современной поэзии западные литературоведы используют слово «ризоматика» от французского «ризомы» — корневище. В конце прошлого века, это лет двадцать назад, был использован этот термин, чтобы описать какое-либо состояние, которое допускает множественную, не упорядоченную в иерархию систему. До этого вся поэзия была как дерево, двухмерное генеалогическое дерево, из которого были понятны виды, ответвления и происхождения. У корневища же все переплетено, неожиданно, хаотично, трехмерно, часто непонятно, сложно, и допускает множественность толкований. В этом и заключен эффект поэзии за пределами текста при кажущейся хаотичности языка.

В России существуют премии за сохранение в поэзии традиций русской поэзии. Но нет премий за развитие поэтического языка, потому что часто, кроме самих поэтов, никто не видит этого развития и той ценности, что оно несет. Но именно Мария Суворова должна быть одним из первых претендентов на эту премию. Потому что вот уже второе десятилетие развивает поэтический язык. И приходится констатировать, что нынешние российские литературные критики не готовы к поэзии Марии Суворовой, они не знают, как к ней подходить, не знают, что она, ее поэзия, означает.

Мария Суворова их обогнала.

В подражание А. Пермякову

ГАЛИНА ЩЕКИНА

Писатель, журналист, поэт

Родилась в 1952 в Воронеже, там же закончила университет (экономфак). В Вологде с 1979 года.

Начала писать в 1985, публиковалась в местной периодике, газетах: «Книжное обозрение», «Дружба народов» (1996), «Литературная Россия»; журналах: «Журналист», «Вологодский Лад», альманахах «Илья», в литературном журнале «Стороны Света» (Нью-Йорк).

В 2008 вышли книги «Ор» и «Графоманка», в 2010 «Горящая рукопись».

Автор романов: «Тебе все можно», «Несвадебный марш».

Пишет прозу, критику, пьесы, стихи. В разные годы вышло пять сборников стихов.

Работала: экономистом, корреспондентом газеты, ведущей Гостиной в библиотеке, руководителем литературной студии «Лист»,

более десяти лет была старостой литартели «Ступени», основала молодежную литературную студию «Лист». Издавала журнал «Свеча», альманах «Листва».

Член Союза российских писателей с 1996, основатель Вологодского отделения СРП. Награждена премией фонда «Демократия» в 1996, памятной именной медалью Ильи Тюриня в 2007. Финалист премии «Русский Букер» в 2008. Секретарь Премии «Эхо». Участник Анчаровского движения.

Вспоминая Юрия Леднева

В декабре 2019 Юрию Макаровичу Ледневу исполнилось бы 90.

11 января 2020 ссорились члены ЛитО «Ступени», которое более 48 лет назад появилось на свет благодаря Ледневу. Решили вспомнить, кто что смог. Большинство его первых литовцев покинуло этот мир, в живых осталось мало. Но его облик рождественского дедушки с его доброй улыбкой и серебряной бородой — это не размывается временем.

Журналист и поэт, Леднев вписал в литературную историю Вологды яркую страницу и своим творчеством, и созданием литобъединения «Ступени», сейчас единственного в Вологде. Скольким он передал секреты ремесла, терпения и тепла! Он очень заботился о судьбе Нины Бахтиной, Валентины Якуничевой, Михаила Жаравина, Ларисы Новолодской, Валерия Архипова, Юрия Каранина... Еще задолго до моего появления он опекал Ларису Мокшеву, Владислава Кокорина, Наталью Маслову, Вячеслава Белкова.

Ведь именно с подачи Леднева я заинтересовалась судьбой Масловой и к 40-летию ЛитО собрала посмертный сборник ее стихов «Север мой серебряный». Сборник Масловой на торжестве 40-летия представила театральная студия В. Шахова и Т. Слинкиной (Центр Творчества детей и подростков).

Когда я впервые пришла на ЛитО при содействии Ольги Кузнецовой-Смирновой в конце 1988, там было два руководителя — Юрий Леднев и Михаил Сопин. Они затевали споры, они раскручивали публику. Я была новенькая, никого не знала, и никто меня не знал, а Леднев взял и прочитал мой рассказ выразительно и артистично. Ему заплодировали. Я была поражена. Незнакомые люди стали смотреть на меня с интересом.

Именно Юрий Макарович Леднев добился моей первой публикации в газете «Красный Север» в 1989 году. Таких, как я, тогда не печатали.

Однажды я зашла к нему за рукописью рассказов про Басю, а получила еще и рюмочку, и хрусткий гриб на вилке... «Ты должна писать, — убеждал он, — и не конспект, не пересказ. А вотпрямо от сердца. Ты должна описать эту маленькую девочку. И как она взрослеет». И мне пришлось вспомнить себя в детстве. Сначала-то я вспоминала, чтоб детям рассказать, а потом — для книжки. В качестве рукописи рассказы про Басю рассмотрели на одном из семинаров Союза писателей России, это заслуга Леднева. Комментарии дали: Балакшин, Оботуров, Цыганов и сам Леднев.

Я послушалась совета и дописала еще несколько рассказов. В 1995 вышел первый вариант книжки «Бася или десять несказок про девочку» (типография ВПЗ). В этой бедной книге направо были четные, налево — нечетные страницы. То есть — все наоборот. В ней были нарушены все законы полиграфии. Рисунки Л. Старикова были прелестны... Но макет... Одна девушка, помню, защитила кур-

совую, описывая этот типографский брак. Я реагировала рыданиями, но зато рассказы не лежали в столе. Их понемногу читали люди.

Между нами не раз кошка пробежала, да к тому же черная, на 25-летию ЛитО «Ступени» в помещении картинной галереи (ныне отдел РПЦ). Это было огромное мероприятие с приглашением литераторов из районов. Четыре презентации новых книжек (точно помню, что одна книжка Андрея ГШироглазова «Когда кончается игра» и сборник Наты Сучковой, может, «Нежнейшая пытка»). На этом вечере состоялся исторический запуск Сергеем Фаустовым Птицы счастья. Он, запуская ее, сказал: «В кого попадет – тот прославится». И Птица упала на Клеопатру Тимофеевну Головань, которая потом прославилась фольклорными рассказами, как Татьяна Вертосельга! И по ней целый словарь создали. В разгар праздника выступил отец – основатель и осудил наши попытки жить и писать. «Не туда пошли!» – заявил Леднев перед всей публикой. Я готова была провалиться от стыда. Все зашумели.

В машине, когда ехали в Каду́й, он, морщась, говорил, что на 25-летию все это сделал под нажимом Союза... Было понятно, что таковы обстоятельства... Иначе бы мы никогда не расстались... Я работала в журнале, который он начинал делать... Он стоял у истоков журнала «Мезон», где редактором стал И. Подольный. По следам той поездки в Каду́й я написала миниатюру «Сердце Свирида».

Но Сергей Фаустов сказал: «Я с Ледневым лично был незнаком. Вживую видел однажды, были у него дома с Г. Щекиной один только раз, я в беседе не участвовал. Фактов нет, о чем бы можно рассказать. Но я расскажу об ощущениях. После приезда в Вологду Астафьева я обратил внимание на вологодскую литературу. В. Астафьев учился на ВЛК у моего дяди Михаила Еремина. На ВЛК были еще Коротаевы, Виктор и Олег, вроде бы Владимир Шириков, он потом

уехал на Шпицберген искать новые темы. Они пришли в гости к нам домой, приехал Михаил Павлович, все сидели за столом. Звали Белова, но он, по словам Коротаева, куда-то уехал. Мой дядя — говорун, его никому не переговорить. Но когда после рюмки водки заговорил В. Астафьев, стало понятно, что никто его не переговорит.

Тогда я посмотрел на вологодскую писательскую организацию вблизи. Вторая половина семидесятых. Я ходил в Дом книги постоянно. Искал новое, увлекался Вознесенским. И никакого ЛитО еще не было. Я был просто пассивный наблюдатель вологодской литературы. В Доме Книги были полки с вологодской литературой. Раскрывая книжки, я испытал недоумение и стыд. Что это было такое по сравнению с Вознесенским? Я внутренне смеялся, этой притворной стилизации под все деревенское. («Это тебе было смешно, а у Леднева, может, крик души»). Конечно, хорошо, что Леднев освоил лексику девятнадцатого века и в любой момент мог писать стихи, но уж нового тут точно ничего не было. Или Чулков, который в конце жизни писал переводы немецких поэтов. (Макарова — у Карачева намного смешнее). (Общий смех). Карачева я тогда не знал. Вы читали эпиграммы в газете «Вологжане улыбаются»? Галерея этих авторов — счастливые люди. (Смех). Кто был в этом Союзе, они взяли от этого Союза все. И немудрено, что система заставляла их писать — так. Выступать — так. И они писали, как положено. Не буду говорить, какой Леднев поэт. Для меня Леднев — функционер, работавший в той системе. Надо было «это отребье» опустить (начинающих)? Он опустил.

Сопина: «Он вел политику компромиссов, работал на два фронта — и нашим и вашим. И я тут ничего плохого не вижу».

Щекина — Так зачем же было на людях! на 25-летию! опускаться, а в машине признаваться, что я всех люблю? Это горько было слышать.

П. Широглазов прислал его любимое стихотворение Леднева «Ты назови его Иваном» Стихи у Леднева были именно такие – традиционные, складные, умильные.

Что еще запомнилось из творчества Юрия Макаровича. Общеизвестно, что он писал стихи и рассказы для детей. Сборник таких рассказов «Домашние фокусы» написан, как говорят, твердым пером. Они все имеют сюжет, просты по идее и по содержанию, всегда есть дидактика, то есть урок, который читатель вынесет из прочитанного. С одной стороны – навязчиво. С другой – всегда есть идеал – то, к чему можно стремиться. Поражает любовь к белой собаке Снежке, ей посвящено несколько глав. Зеркальное отражение в тексте «Кошкин слуга». Они про синеглазого Пашку, который очень любит и жалеет кошек. Иногда мне, взрослому читателю, синих глаз и веснушек для образа кажется маловато, но зато необъяснимая доброта Пашки – она же от автора. Ведь Макарыч сам был очень добрый. Начнут его на ЛитО критиковать, а он только руками разводит: «Но, друзья мои...». Он стеснялся обсуждать свои тексты, а мы тогда еще ничего не понимали. А нам тогда отнестись бы к нему с таким же, как у него, милосердием.

Рассказ «Фигли-мигли» – это прямо карикатура на межнациональную рознь. Честно говоря, в той простенькой книжке никак не ожидаешь столкновения с трагедией, но как раз «Тарелка супа» про голодного человека и «Елка» – это тихая, но трагедия. И автор смог рассказать об этой трагедии осторожно и тактично, не пытаясь навязать читателю представление, что все, дескать, хорошо и прекрасно. Нет, конечно, есть и беда, она рядом... Я его в состоянии беды только раз видела. Шел по улице Мира такой обессиленный, постаревший. «Дача у меня сгорела», – только и смог сказать. Может, эта беда и приблизила его инсульт?

Пьеса «Никола Рынин» запомнилась, стихи из книги «Сон на заре». Помню, эту книжку про Рынина брала в детской библиотеке. Потом сканировала дома. Книжку с пьесой дал, опять же, Малоземов. Он был тогда единственный человек, к которому можно было прибежать, спросить. И Ледневу он тоже много книг сделал.

Макарычу всегда хотелось пьесы писать. Он, помню, написал пьесу про Рубцова по просьбе какого-то тетра. Но театр так ничего и не ответил на текст. Он-то и заразил меня желанием написать пьесу. Втолковывал про единство места и времени действия, про минимум персонажей...

Мне понравилась пьеса «Никола Рынин» своей темой и своим героем. Рубцов к тому времени был очень избит, в смысле темы. А Рынин – страдалец и помощник народный – никому не известен. Кроме того, это максимально выражало личность Макарыча, бесконечно доброго и гуманного человека. В Рынине он видел спасение для обиженных жизнью людей. Да и форма – пьеса в стихах – ему была по плечу. Что делает Рынин? Пророчествует, но не для себя. Не для вящей славы, а для людей. Очень это подкупает, к тому же сработало ученое автором железное правило драматургии – хороший человек в тяжелой ситуации, а именно в тяжелые ситуации Рынин попадал постоянно. Важно и то, что это историческая личность. Об этом есть в аннотации.

Содержание пьесы: деяния Николы Рынина, чудеса. Начинается с того, что бывший вор спрашивает: «Что за звон?» А заканчивается тем, что вор молится Рынину, как святому. По моему мнению, тема личности и толпы, выраженная в этой пьесе, до сих пор не устарела.

Я говорила о его первой книге «Сон на заре», которая состоит из исторических баек, только стихотворных. Некоторые действительно трогают, не при Фаустове говоря. Говорили и другие о пьесе Леднева «Никола Рынин», которая передает в иносказательном историю святого.

Нина Писарчик написала хорошую рецензию на эту пьесу (Н. Писарчик: Юрий Леднев НИКОЛА РЫНИН: рецензия на пьесу <https://www.proza.ru/2012/10/19/637>):

«Короткая пьеса Юрия Макаровича Леднева об юродивом Николе Рынине настолько масштабна по заполненности сцены (приезд губернатора, сцена похорон), что вряд ли она постановочна в театре. Возможно, она задумывалась как киносценарий. Но прописанные диалоги слишком коротки, материала явно мало для художественного фильма, даже если будет вставлена масса красивых картинок «с природы».

Интересно, что клиповость мышления (что удивительно для человека прошлого века), которую я наблюдаю у молодых авторов, в данном случае помогает сделать произведение выпуклым, стереоскопичным. Объёмные говорящие фигуры на фоне жанровых картинок дают представление об историческом периоде, о провинциальных нравах и ментальности народонаселения. Это может быть любой российский угол, не обязательно Вологда. Обыграно, конечно, реальное историческое лицо — Никола Рынин — в канонической манере «жития святых». То есть, история семьи, в которой родился будущий святой, причины, по которым герой отказался от рутины обыденной жизни и стал юродивым (иноком, страстотерпцем, монахом), жизнь его в миру с гонениями и непониманием, основные подвиги — в данном случае — дар предвидения и дар целительства, смерть на миру и возвеличивание его, как святого.

Возможно, пьеса и не предназначалась автором для постановки, она просто оказалась удобной формой. Такое произведение нуждается в пояснениях. И короткие авторские ремарки дают представление о героях и событиях. Сами же диалоги полностью отвечают языку описываемого времени (по крайней мере, нашему представлению о том времени). Язык губернатора отличается от языка

простой бабы, вор-бродяга начала двадцатого века отличается речью от бродяги-юродивого века предыдущего. В языковых характеристиках (в данном случае) и заключается мастерство автора. Читается пьеса легко, у автора замечательная техника. Это своего рода «Житие», но в новой, неординарной форме».

Офелия вологодской поэзии

О книгах М. Суворовой «Город об одном дне» (2012 г.), «Маленькие Мариин» (2017 г.)

Вы знаете, что после медового Спаса есть Спасение как понятие? Само понятие Спаса-Всеграда стоит в Яндексе прямой цитатой из Суворовой, мне это очень понравилось. В древней славянской мифологии есть понятие Славянского Спаса. Это были люди, владеющие Славянским Спасом. Основой этого боевого искусства является способность человека к переносу своего сознания на более тонкие уровни Бытия. Эти эффектные понятия, осознанно или нет, в книге «Город...» есть, но волей автора упрятаны глубже. Стихи этой книги как раз отражают поиски души, ее метания, ее существование на разных уровнях духовного развития.

В Городе у Суворовой так холодно, что начинаешь мечтать о чем-то теплом. Лирическая героиня все время стынет и ищет тепла. Посему создается невольная мечта о чем-то утраченном, которая и связана с этим мифическим городом... Когда среда недодает тепла и жизни, воображение переносит все это в мифический город.

Авторская речь этой книги зашифрована, в ней тоже есть мифология, не древняя, а новая. Интересно описаны явления природного мира, например, в стихотворении «В городах на горах» (а какие тут города, если речь идет о зелени

и о воде?) — но зелень и травы подминаются огненным змеем, все сгорает, желающие прочесть о страсти так и расшифруют, а если более общо — зной, сжигающий все живое.

Город может быть и об одном дне, как чемодан, но многие образы, напротив, очень странные, с двойным дном, иногда выглядят как оговорки по Фрейду.

Обращает на себя внимание многозначное понятие воды:

«Город, построенный на реке» — у воды, обозначение традиции;

«Как и в других городах на воде» — на воде, которой полна атмосфера;

«Лучшее время — дождь»;

«Девушки сушат у моря ласты

ждут, когда вернуться их рыбаки» — у моря, у воды, и как у пропасти, отнявшей моряков;

«В Спасе-Всеграде — городе об одном дне,

Помню, гуляли по самой холодной воде» — по воде, обозначающей холод, ну по вологодской площади, где был Спасо-Всеградский собор;

«Там, где стоял дом, и над домом текла река» — вода, которая похоронила;

«Летом кругом лишь трава, а зимой — вода» — снова природная лагуна;

«Спускаться к воде, холодной осенней воде» — возвращение в родную стихию;

«Озёрная вода по цвету брод напоминала» (а какой цвет именно — не сказано, отсыл к воображению);

«Когда мы маленькими были-жили» — вода из детства, будит воспоминания;

«На воде, на реке ты становишься рыбой, а я водолей» — среда обитания, возврат к изначальному;

«Следить, как вода изменяет свой цвет от апреля к июлю» — вода отображает течение времени;

«Заброшенный корабль давно затих,
И ждёт новоявления реки.

И ждёт, начнётся вдруг прилив» – символ возрождения.

В книге есть любовная лирика, хотя она и не выглядит таковой.

Поэтому в книге как-то чужеродно выглядят тексты о маме и бабушке, написанные прозой, это для совсем другой книги, наверное. Но зато они изображают особый срез памяти. А может, так и надо, чтобы внутри одной книги росла другая, как заложено в моем любимом стихотворении «Сливовая косточка»... Это означает, что внутри книги поэзии уже растет понемногу книга прозы. И жанровые рамки становятся второстепенными, когда автору есть, что сказать. А Суворовой есть, что сказать читателю. Ее слово давно уже переросло рамки лирического дневника, оно становится более масштабным, задевая вопросы памяти, веры, обретения себя и своей родины. Лирический герой Суворовой не желает быть «Иваном, не помнящим родства», наоборот, герой обретает себя через сложные родственные и общественные связи.

На протяжении двух этих поэтических книг мы видим, как меняется сложный язык Суворовой, его содержание и форма. Иногда он напоминает прекрасный лепет, иногда плакатную резкость, иногда строки складываются мягко, классически, иногда эмоциональный напор выплескивается через верлибры. В целом литературная состоятельность текстов Марии Суворовой не вызывает у меня никаких сомнений. Это сложный яркий необычный автор. Во многом благодаря этой необычности о Марии Суворовой сейчас много пишут, например, Н. Сучкова, М. Перченкова.

Д. Романенко, основатель поэтического клуба «Новый Диоген»: «Книга Марии Суворовой – актуальная поэзия.

Меня эти стихи очень тронули: в душе возник тот резонанс, который происходит только благодаря хорошим стихам. На мой взгляд, это дневник жителя города или самого города, состоящий из миниатюр. Здесь город представлен как живое существо: его душа, его одежда, его настроение, его реки и травы. У меня есть простое правило оценки стихов: если я их читаю, и после этого мне хочется писать, значит, я прочитал что-то очень хорошее, стоящее. И после прочтения Машиной книги я сразу взялся за перо».

Не всегда комплиментарно пишут. Приведу цитату из статьи д. ф. н. Романа Красильникова:

«Читая книгу Суворовой, я поймал себя на мысли, что в ней чего-то не хватает для молодой поэтессы. По-моему, нет эротической темы, нет экспрессивного крика, свойственного начинающим авторам. Это зрелая поэзия, которая выходит за рамки личного и склонна более к философичности и рефлексивности, к тютчевской традиции».

В книге Марии Суворовой «Маленькие Марии» множество нежных женских имен — Мария, Алина, Майя, Юлия... Но сколько бы их ни было, речь ведется от лица одной и той же лирической героини. Потому что манера изложения и тематика не меняются. Это медленный рассказ о холодных домах, непогоде, о враждебной среде. И о маленьких уголках, где можно укрыться. Трогательно упоминание вологодских улиц, но дело не в них. Все события — внутри самой героини. У нее только один адресат — ты.

Тот самый ты, из-за которого приходится пить невкусное сухое вино.

Или правильно варить кашу, перебирая крупу.

Или наблюдать за плывущим одеялом-облаком.

Грубый быт пересекается с природными образами очень неожиданно. И в этом особенность поэзии Суворовой. Особенности языка. Стихи направления верлибр очень зыбкие по форме. В них нет ни ритмики, ни рифмы, они сами подобны облакам. Эдакие словарные акварели. Красиво, непонятно, но хорошо. Среда, по-прежнему, лед и вода. Вода в озере и реке. Жизнь на этом фоне кажется такой хрупкой, это напоминает о бренности и краткости бытия. Цитата:

кажется, каждый в своём горе —
внутренней тишине.
этот песок найдут у него в ладони
или на дне.
этот песок отмерял время,
не более чем,
и по минуте снова и снова
падал, тонул, тлел.
если меня оторвать от дома —
дикий вьюнок,
то ничего не останется, только помнить
стёртое в порошок.
кажется, будет не так больно
сжимать кулаки,
но ничего не останется, кроме
тоски.

Важная особенность: стихи Суворовой дают простор для толкований, и автор не устает повторять, что так и должно быть. Можно привести пример: по стихотворению Суворовой «Туман разбивается о бетон» вологодский критик Сергей Фаустов написал исследование на четырех страницах. Вот фрагмент:

«В стихотворении доминирует скрытая рифма: «море», «воет», «ноет», «успокоят», «боли». Внутренняя рифма

формирует прочный структурный стержень стиха, как шампур с кусками, и не надо заботиться, чтоб катрены (куски) были одинаковыми. В своей естественности они все разные.

Существует много языков, есть обычный стандартный язык, на котором все говорят, дипломатический, и есть поэтический. В то время как стандартный язык — это система правил, которая представляет существующий порядок, поэтический язык всегда является продуктом восстания против этого существующего порядка в попытке создать новый порядок («лучшие слова в лучшем порядке», П. Вайль), непредвиденный, неожиданный, но отвечающий художественной правде. Настоящий поэт всегда бунтарь. Он использует язык, чтобы подорвать существующую систему правил, стереотипы, и сформулировать новую систему правил, основанную на уникальности, как поэта, так и читателя. Повторяю — и уникальности читателя тоже. В совместном восприятии поэтический язык способен выразить бунтарский анархизм, хаос, самоорганизующийся в художественный порядок.

*Но волны оближут губы,
И успокоят.
Весь мир состоит из камней,
А камни не знают боли.*

С точки зрения стандартного языка здесь все неправильно, а на поэтическом языке — шедевр».

Да, там есть светлые строфы, но в целом пространство книги это какой-то нео-декаданс. Печальное угасание, интонации баюкающие. Пусть будет для читателя загадка, ведь были же богатые обещания. Но это не болезнь роста, это такой сознательно выбранный стиль. Вся книга очень стильная. Не в смысле модная,

а в смысле выражения стиля и себя самой. Есть, правда, мотивы борьбы.

Против течения грести сложно.
Справлялся с трудом.
Под лодку затыгивало водоросли.
Просвечивало дно.
Всё, что ты помнишь — бурые волосы,
Зелёные водоросли,
Песчаное дно.
Всё, что я помню — хотела жемчужину
И плыть под водой.

Такова лирическая героиня Суворовой — сумрачная водяная нимфа, Офелия вологодской литературы. Эмоции не прямые, открытые, а приглушенные и будто бы условные. Если они есть -это, скорее, исключение, чем правило.

пусть этот стишок — коротенький и невзрачный,
написанный просто так, как говорится, в стол,
станет моим немного надломленным счастьем,
самым обычным счастьем,
вернувшимся в дом.
такое бывает, когда напряжённо любишь —
времени не щадя, не считаясь ни с чем,
радуешься беспредельно и даже ликуешь,
впервые за много лет — ликуешь,
не спрашивая, зачем.

Иной читатель еще подумает, светлый это стих или нет. Но для помнящих раннюю Суворову, многие тексты которой были сосредоточием горя, тот сочтет данный стих довольно светлым. По степени открытости и эмоциональности, пожалуй, выделяется стих «Это самое первое наслаждение...» Непривычный словарь, но довольно гармоничный, и в нем даже невольно проступает рифма.

после, после, но только не мне, а другим
расскажешь, как снег превратился в лёд на твоей реке,
расскажешь об уходящей под лёд воде,
и из чего складывается удача, расскажешь,
о денежке, показанной тогда луне,
монетке во внутреннем кармане на рукаве.
и всё это выстроится в неровный ряд —
белого озера невидимый циферблат.
из чего, из чего сделаны крылья твои,
бумажное оригами, папье-маше?
после, после расскажешь всё обо мне.

Психологическое напряжение книги достигает высшей точки, и центральным понятием снова становится боль, как и вранних стихах. То есть, это тот же автор. Только внутренне выросший, разветвившийся, как дерево.

ПОЭЗИЯ

ЖОРЖ ВАНДЫШЕВ

(Вандышев Евгений Лонгинович 11.03.1974 – 12.2019)

Что могу сказать про Женю... Он мой младший брат (разница 3года), все детство мы провели вместе, он лет до 8 очень часто болел, был худенький и слабенький, т.к.родители все время были на работе, мы даже иногда из д/сада уходили одни, дом был рядом. Женя был спокойным и скромным мальчиком, впрочем, по скромности и я не уступала. Играли и в куклы, и в машинки, и в солдатиков, ещё играли в школу, я была учителем, а Женя – учеником. Читать мы научились вместе, мне было блет, а Жене 3года. Самая первая книга у него после букваря

была» Батальон четверых», не помню автора, про ВОВ, в те годы нам очень нравилось читать про героев войны, про детей войны... Позже он читал разную литературу, читал постоянно. С детства ему пророчили великое будущее. Мы учились во 2 школе, сейчас гимназия. В начальной школе он учился на отлично, все легко давалось, видимо расслабился потом, родители нам доверяли и не следили за нами пристально. Дальше Женя стал хуже учиться, я уже период подростковой не очень помню, т.к. сама много занималась спортом, учёбой, было не до чего... Мне кажется, где-то лет в 12-13 Женя стал играть немного на гитаре, и у него уже тогда первые стихи появились, и друзья по интересам и увлечениям (Леша Казанский... позже и Женя Новикова, к сожалению не вспомню других ребят, многих уж нет...) Потом мы не очень дружно с ним жили — мне не нравились шумные компании, а у Жени всегда были гости, что говорить, вобщем, молодёжь тусовалась у нас... Еще что сказать, Женя с нами (с родственниками) не очень то делился своими мыслями, больше молчал, но в этом молчании мне казалось было что-то нам не доступное, как будто он знает что-то такое... важное или великое, не знаю, как выразить, ну, как бы смотрел немного свысока, не надменно, конечно, но мне было не комфортно иногда... Как будто он что-то знает, а мы нет.

Женя увлёкся рок-культурой, это были 80е и 90е годы, общался с неформалами, наверное, в это время и стал писать, перед нами он никогда не выступал, мне кажется не был уверен, что мы его правильно поймём. Первую книгу «Вансуав» он нам представил, по-моему мы даже с подружкой были на презентации... Но потом общались все меньше и меньше. Женя по жизни романтик, творческая личность с огромным внутренним миром.

К большому сожалению, ему не встретила та женщина, которая бы его поддерживала и понимала, и принимала таким, как есть. Это все очень сложно, но, как говорят,

мы сами творцы своей судьбы, он выбрал такой путь, ещё в ранней юности он мне говорил, что не долго проживёт на белом свете... По-моему мнению, он не был готов к физическим нагрузкам, хотя и спортом занимался в детстве, но ему нужно было учиться и выбирать творческую профессию... К сожалению деньги зарабатывать ему было очень сложно, в наше время жёсткой конкуренции... Женя никогда не обращал внимания на свой внешний вид. Не знаю, откуда у него это качество. Видимо, для него было важнее другое, он очень добрый, никогда не отказывал ни в чем друзьям, сочувствовал, сопереживал

Со слов его друзей, он и ушёл в мир иной, помогая (как говорится, чем мог) своему другу (друг имел какие-то заболевания и не выходил из дома). Очень хочется верить, что его смерть произошла на фоне хронического заболевания (ишемической болезни сердца, острой сердечной недостаточности), но не добровольного ухода из жизни. Я думаю, он бы тогда напоследок что-нибудь написал... Сложно сказать, может и хотел да не успел, так совпало... Очень жаль, что не пожил, недотворил, недовоспитал (у Жени 2 сына), и недолюбил... Многие талантливые люди рано уходят, но остаются их творения, фразы, мысли, которые живут вместе с нами... Скажу честно, я не поклонница Жениного творчества, но я мало что читала, поэтому не мне судить, каждый имеет право быть.

Елена Вандышева, сестра

Из сборника «ВанСуАв»

Между молотом и наковальней

Есть некоторое расстояние.

Там я и живу.

Думаю

О разном...

Зовет меня мохнатое,
Зовет меня лохматое.
Нестриженое, грязное,
Смешное, безобразное.
Далекое и низкое,
Жестокое и склизкое.
Вонючее, бездомное,
Знакомое, холодное.
Что это? Шутки дьявола
Килька в томатном соусе?
Чудовище рогатое?
Иль гибель в фотофокусе?
Господом проклятое,
Нечищенное, мятое
Зовет меня мохнатое,
Зовет меня лохматое.

Ода Хаосу

.Здесь тебе не тут.
Тут тебе не здесь.
Даже сосны врут,
Что где-то счастье есть.
Прославляя хаос,
Я рожден быть мертвым

Хмурым и голодным
На снегу холодном.
В зеркале же вижу
Волка одиночку.
Думы, ухмыляясь,
Больно бьют по почкам.
А веселья чаша
Выпита до донца.
Дав отставку счастью,
Я рожден быть мертвым
На потеху солнцу.

Мое имя- Печаль.
Мое прозвище- смех.
Мои дети- Беда,
Птица счастья и Грех.
Моя ноша-
Разрубленных вен синева.
Мое горе- цветы,
Моя радость- трава
Чертополох... оптимист

В моих карманах опять пустота,
Я гол как сокол, но свободен как птица.
Я радуюсь жизни, читая ее
Новую большую страницу.
Я весел и смел, и доволен судьбой,
Хоть часто она мне и строит ловушки-
Ведь это не повод, чтобы страдать,
И я оптимист от ног до макушки.
И знаю наверняка,
Несмотря на богини коварной проказы,
Вспыхнет зарей моя ярко звезда,
И будет на нашей улице праздник.

Домой
Вновь деревья за окном
Плавно уплывают в вечность.
И телеграфные столбы
Измеряют бесконечность.
Стоя в тамбуре вагона,
Вдыхая сигаретный дым,
Слушаю как стучат колеса
По рельсам гулким стальным.
Бежит по циферблату стрелка,
Считает время втихаря.
Наверное туда приеду,
Куда давно уж рвался я.
Где в сером полумраке леса
Грибы ребенком собирал

И где позднее на уроках
О первой девушке вздыхал.
Не знаю, многие ли рады
Приезду будут моему.
Хотя... Зачем об этом думать,
Пожалуй все же ни к чему.
Стоя в тамбуре вагона,
Где луч солнца золотой,
Песню слышу: В такт колесам
Все стучит: домой, домой

Домой-2

И снова поезд дал гудок,
И объявили отправление.
Опять я в тамбуре стою,
Пытаясь побороть сомнение:
Куда я еду, где мой дом?
Там где родные иль где солнце?
Там где враги иль где друзья?
Мой дом- Земля!

Я мог бы быть чертом.
Я мог бы быть богом.
А стал человеком
С простым серым мозгом.
А мог быть красивой
Цветущею ивой,
Ронять лепестки
На гладкую воду.
А мог быть водой
И катить свои волны
Куда- то
На радость народу.
И солнечным зайчиком
Быть бы хотелось,

По стенам скакать
Со счастливой улыбкой. щеки
Или змеей извиваться в болоте,
Или по дереву ползать улиткой.
Как трудно быть чертом.
Как трудно быть богом.
Легче стать человеком
С простым серым мозгом.

Та, что проснулась утром рядом
Вдруг соизволила сказать:
Мол мне теперь других не надо!
Опешил я: «Твою же мать!»
Что было расскажу вам вкратце:
Не помню восемь из шести,
Ответьте, разве можно, братцы,
Подобный бред с утра нести?!
Ни имени, базаров слишком
Одной из нескольких фигур...
Теперь же в телефонной книжке
Есть ТЧТПРСНУР

Ода последней сигарете

Я хочу курить, но я не буду!
Новый день грядет чрез несколько часов!
Как бы я хотел поверить в чудо
И расстаться с множеством врагов!
Как хочу сказать тебе, любимой,
Загорись и в пламени сгори,
Мне в отместку жизни суетливой,
Дымом и смолой в меня войди...
Но лежит в помятой пачке неделями
Бело-рыжая хозяйка яви и снов...
Искурю тебя с рассветом, «Прима»,
Хоть и сейчас уже на все готов!

Гости из Средиземья или белая горячка

В квартире с газовой колонкой вода течет
и днем, и ночью.
Здесь пьют безбашенные орки, и злые
эльфы стрелы точат.
Тут в кресле постригает ногти бродяга — гном
чудак лохматый,
А рядом невысоклик хоббит картошку чистит
всем собратам.
И с люстры три гаргульи свисли, а в туалете
троль зачах...
Откуда, гады, вы приплыли?!
Опохмеляюсь натошак.

Переставлены акценты, разрослись
соцветья дней
На отдельные моменты жизни
прожитой моей.
Что мечтать о том, что было? Что терзаться
по ночам?
Время зрелости вступило в фазу
«бегать по врачам»
Под личиной оптимизма
Млечной вечности реки
Ждать расплаты за грехи
В предвкушеньи новой клизмы!

Жизнь меняется по осени, время
поминать ушедшее.
По утрам дороги с проседью сеют мысли
сумасшедшие.
Лужи инеем покрытые ждут
переоценки ценностей...
Может завязать с поллитрами, да
подвыбраться из бедности?
Лень с хандрою, их высочества, что-то
шепчут одинаково.

В комнате закрыться хочется да
перечитать Булгакова.
Вечных истин гроздя спелые
в полусне переплетаются...
Как девчонка загорелая, жизнь по осени
меняется...

Взирая бесстрастно на раскуроченный мир
повседневности бытия,
Ставлю не точку, нет — многоточие: все
возвращается в круги своя.
Все возвращается. На смену хаосу придет прямая
(зови не зови).
Ангел, забытый под знаменем бахуса, старый
предшественник новой любви,
Снова прицелится в грудь неготовую,
не защищенную бронжилетом.
В нас, что как были и есть бестолковые, с вечных
небес вдарит из арбалета...
И с оптимизмом философа хренова верю, что
вся эта муть не напрасна...
Все возвращается. Все. И поэтому
на взбалмошный мир
взираю бесстрастно.
Вове Бомжу

Я в очереди за портвейном потратил лишних
полчаса!
Нет, мне не стать вождем Вселенной, я
безнадежно опоздал.
Вперед шмыгнул, собака, длинный и кривоногий
мой сосед,
И на раздаче апельсинов ему дадут приоритет.
Как Арамис с унылой рожей: «Влачу
безрадостный удел»,
Пойду повешаюсь в прихожей, раз в боги
снова не успел...

Разговоры, разговоры, посиделки, болтовня.
Мы словесные узоры вновь плетем уже три дня.
Нет ни денег, ни работы и с жильем не без проблем.
Ох, по женщинам охота, и по водке вместе с тем.
Мы б сходили поработать, но начальникам видней,
Много курим отчего-то между карточных затей...
Хороша командировка получилась у меня —
Разговоры, разговоры, посиделки, болтовня.

В горнице печурка жарит. Этот утренний мороз
под окно с моих окраин ветер северный принес.
Хорошо в мороз пылают и березка, и ольха.
Сладко душу согревают, а на сердце ни фига!
Ни фига, ни темной ночи, ни раскрашенного дня
— видно созерцатель очень расфилософствовался.
И куда мне, полубогу, не познавшему седин,
Размышлять о судьбах многих, если сам как перст
один...

В подоконник барабаню песнь мороза и огня...
Не пойти ли, братцы, в баню?! Это точно для меня.

Деревенька, огороды, Поселковая, дом два.
Мне готовит бутерброды развеселая вдова.
Разносолы, самогонка и парное молоко...
Мне от этакой бабенки, ох, уехать нелегко.
Может быть, не торопиться, дома жинка подождет?
Ох, студеная водица, ох, наполненный живот.
У нее на половине ни запоров, ни замков —
как тут быть, коль в русских селах не хватает мужиков.
И под звук ночной природы и разделась, и легла.
Так любила, словно годы честь девичью берегла...

...

ИРИНА ГРИГОРЬЕВА

Родилась в Вологде, 20.02.1981 г. Высшее юридическое образование. Начала писать благодаря студии Г.А.Щекиной «Лист» в 2018 году. Посещает лито «Ступени» 2018 – 2019. Жанры – поэзия, эссеистика. Публикация в в сборнике «Почему Анчаров?» №6

Стало легче. В переулках гоняет ветер
Жухлых листьев пустые блокноты.
В лабиринтах души купаются голые дети
И поют а капелла сонеты не попадая в ноты.
Полной грудью вдыхаю свежий воздух влажного леса

И топчу паутинку дорог засиявшего мира.
А тебя, словно старую кожу, снимаю потеревшись
спиной о завесу.
Прав был Бог, когда нас просил не создавать кумира.

Сползает шёлковое платье,
Скользит по коже, как ручей.
На шее тёплое распястье,
А на спине следы бичей.
Нагие плечи полыхнули
Дугой отметин от зубов.
В груди нежнеет след от пули,
На животе — от родов шов.
Ожог шлепка на ягодице.
Колени в хрунах и бинтах.
Раскинулась, как крылья птицы,
Сеть варикоза на ногах.
Покровы тают под ногами,
Свалившись рыхлой кучей вниз.
Что происходит между нами?
Не для соблазна мой стриптиз.
Я обнажаюсь слишком сильно.
Пульс до предела учащён.
Я под одеждой не красива.
Но ты, смотрю, не удивлён.
А как закончится «одежа»,
Я скину на пол скальп волос,
Начну снимать я с тела кожу
И окропляться солью слёз.
Когда к твоим глазам усталым
Волной прихлынет тошнота,
Возненавидь меня, пожалуй,
Но лишь смотреть не перестань!

С тонких веток души облетают последние листья.
В тихом шуме дорожном растворился твой голос
родной.

Холст прожжён, краски кончились, высохли кисти,
И портрет наш с тобой не допишет художник чудной.

Улетаешь. А мне оставляешь лишь камни земли,
И шагая по ним я уже все изранила ноги.
Извозила одежду в тяжёлой свинцовой пыли,
Потеряла разметку извилистой мрачной дороги.

Мне так страшно одной в лабиринтах холодной
судьбы.

Тщетно ищут тебя мои вдруг ослабевшие руки.
Растворились в кислотном тумане пустые мольбы.
Тихо падают с неба проржавевшие хлопья разлуки.

Я не буду кричать, что тебя больше жизни люблю.
Ведь слова оборвутся, опадут в тишине звездопадом.
Никогда не забуду глаза и улыбку твою.
Пустота повернётся ко мне нескончаемым душащим
адам.

Я хотела бы стать твоим лёгким нательным крестом,
Талисманом, лежащим в нагрудном холщовом
кармане.
Лишь бы только на этом быть свете с тобой и на том,
Мёртвой призрачной рыбой на волнах в твоём океане.
2019–2020

Дырочки

Разговаривать с вечностью,
лёжа под скомканным пледом,
Без задумчивых слов,
без заученных пафосных фраз.
Исчезая идти
за молчанием путанным следом,
Пропадать в темноте
от назойливых выцветших глаз.
Ночь набросила тряпку
на хрупкую зыбкую сферу.
Дыроватую, чёрную,
только что был день — и нет.
И сочится сквозь дырочки,
чувствуя власть над барьером,
Тонкий, тихий, зовущий, обманчивый свет.
Контур мира распался
и сгинул в сгустившемся мраке,
Слышен стрекот кузнечиков
где-то в уснувшей траве.
Лишь огромное небо
в блестящем отглаженном фраке
Ревизирует мысли
в уставшей от дел голове.

Глаз, увы, не хватает,
чтоб объять всё его превосходство.
Оно давит на память
тяжёлой бетонной плитой.
Ощущать себя пылью,
смириться с незримым господством,
Обнажиться под пристальным взглядом
заботы простой.
Вместо сердца почувствовать
талую чистую воду,
Дать протечь по щеке
набежавшей солёной воде.
Вдох и выдох, как птиц,
отпустить на шальную свободу.
Оказаться на миг
словно время — везде и нигде.
Прошептать, содрогаясь, молитву
простыми словами.
Проводить её взглядом
в дырявую чёрную бязь.
Светлой чёрточкой яркой,
мелькнувшей на миг над полями,
Получить от небес, как надежду,
Обратную связь.

Купание

Намокшие камни. Деревья в росе.
Песок лёг причудливо в змейки
На вновь обретенной прибрежной косе,
Начерченной как по линейке.

Волнение моря заметно едва.
Прибой нежно трётся о скалы.
Расправила спину слепая трава,
Пробилась сквозь ила завалы.

Размыты дороги, и каменных стен
Виднеются скорбные кучи,
А солнце лучами ткёт свой гобелен.
Как раньше. Не хуже, не лучше.

Взволнованный ветер взалкал голосов,
Но тщетно их ищет в купели.
В воде растворились громадины слов,
Растаяли сахаром трели.

Как белые перья летят облака
Промеж заколоченных окон
За горные пики цепляясь слегка
Сплетеньем прозрачных волокон.

Теплом тишина по умытой земле
Течёт как неровный набросок,
И капельки света дрожат на смоле
Обломков гоферовых досок.

День

Скрип сандалей тонет в шуме улиц.
Мутных окон взгляды холодны.
Тихим блеском вдаль летящих улиц
Бьются недосмотренные сны.

Город пьёт дыханья словно водку.
На закуску – запахи шагов.
Захмелев, играет не в охотку
Марш на балалайке проводов.

Лёгких платьев треплются подола,
Придавая лету новый смысл.
Утро ставит бодрости уколы,
Горизонт сгибая в коромысл.

Пустоту меж небом и землёю
Заполняют люди и слова.
Тоненькою ниточкой живою
Сдерживая расхождение шва.

Тот портной, что мир кроил небрежно
И булавки вынуть позабыл,
Шьёт для каждого из нас одежду
Из прозрачной ткани белых крыл...

Заблудившиеся

Ещё не зачавшись погибли их общие дети.
Как рельсы стальные текут в горизонт жизни их.
Зенит и закат отгемели еще на рассвете,
Слова не сложились в красивый и правильный стих.

Она мыла раму, он звезды топтал в поднебесье.
На книжных страницах искал обходные пути.
Плутала она, заблудившись в чужом мелколесье,
Не в силах дорогу из круга событий найти.

Столкнулись они в коридоре какой-то больницы,
Как шарик Марблс в неловкой ребячьей руке,
И старая память, очнувшись, мелькнула на лицах,
Заставив реальность как струны дрожать вдалеке.

Блестящую каплей, сорвавшейся с кисти небесной,
Впиталась под кожу цветная тягучая слизь,
И радужной кляксой внутри оболочки телесной
Она принялась нарушать их привычную жизнь.

Колочая тяжесть стенала в обжившихся душах,
Вползая, как вор, в полуночные хрупкие сны.
Подбитым крылом отражалась в разлившихся лужах,
Как левиафан наблюдала из их глубины.

В обычном движении дней, пролетающих кучно,
В плацкарте чумного вагона состава «в ничто»
Нарушить куплет, что со скрипом звучит благозвучно,
В нормальном уме не захочет, конечно, никто.

Всем с пулей в груди жить приходится, будто
с соседом,
Слагая в уме и на пальцах песчинки-года,
И каждому дышит в затылок жуком-людоедом
То слово, что смерти страшней — НИКОГДА...

Великаны

Смотри, смотри! Шагают великаны.
На стопах — пыль веков и пена дней.
Им нипочем цунами и вулканы.
Они в десятки раз богов сильнее.

Ты слышишь? Их шаги шуршат стихами,
Спорхнувшими с расплавленных страниц.
Их головы объаты облаками,
А на плечах — обитель синих птиц.

Они проходят быстро, но заметно,
Сминая время, будто простыню.
Свистит дыхание их прохладным терпким ветром,
Шатает мира яркую мазню.

Ты смотришь ввысь на их прямые спины.
Ты хочешь влезть в их маленький карман.
Не видят нас пришельцы-исполины.
Для них мы лишь оптический обман.

Нам остаётся в их следах огромных
Растить пшеницу, строить города
В калейдоскопе редких дней скоромных,
Текущих, словно мутная вода.

Нам остаётся вслушиваться в эхо
Их громких еле слышных голосов,
Разгадывая с призрачным успехом
Смысл новых не совсем понятных слов.

Ты плачешь и твердишь: «Не уходите!»
Так хочется сбежать из стен своих.
И люди молятся, мечтают о Визите,
Но великаном может стать любой из них...

Следы

Я пойду по твоим следам,
Что ты мне оставляешь на ткани.
Еле видимым, исчезающим,
Не идущим по бороздам.

Они будут мне греть ступни
И покалывать электричеством,
Обжигать холодком желаний
Улетающей в кэш болтовни.

В одиноком своём пути
К перекрестью лучей на рассвете,

Прикрываясь святым колесничеством,
Я продолжу, как семя, расти.

Буду я подбирать гроши
Твоего пикника на обочине.
Хлеб ломая, как в Новом Завете,
Его хрустом кормиться в тиши.

Мне тебя не настичь никогда –
Замедляться, в тебе нет привычки.
Приведёт меня вновь к Червоточине
Твоих мыслей живая вода.

Сгинул страх прошагать по золе
И прошу, воздевая ладони:
Трогай небо, как книги странички,
Только ноги оставь на земле...

Скалится полночь тонкой ухмылкой луны,
С неба, как иней, сыплются хрупкие сны,
В головы, в души, на крыши, на арки берёз
Патиной тонкой ложится небесный наркоз.
В мире сомнамбул не сыщется лёгких дорог,
Тел потерявшихся движется плотный поток.
В доме, где окна затянуты серым холстом,
Мрак коридоров тревожится вечным хлыстом.
Тесно дыханию в вязких белковых мешках.
От полироли вдруг явится блеск на глазах.
Тонкие синапсы рвутся под тяжестью слов.
Мир застревает в узком плену полюсов.
Циклится жизнь, киноплёнка мотает репит.
Смоет дождём пожелтевшую пыль с пирамид.
Толстые нитки, связавшие шарф на двоих,
Мысли обычные отформатируют в стих.

Послевкусие

Как же страшно любить не тебя, а твоё послевкусие.
Неуверенный запах шагов, эхо каменных стен, тишину,
Раскатившуюся по далёким углам, словно бусины,
Пробежавшую бойкой оляпкой по шумному дну.

Этот воздух пропитан твоим неземным излучением,
В инфополе висят брызги колотых скомканных слов.
Всюду полосы смыслов едва уловимым течением
Заплетаются в сети причудливых общих узлов.

Призрак долгого взгляда горит за закрытыми веками
И вот-вот упадёт на ту сторону будто бы пыль.
Заведённый тобою волчок режет мозг неудобными
стеками,
И мотает на вал впечатления, сказки и быль.

Твой портрет выпирает повсюду цветными осколками,
В темноте режет глаз, как кислотный рекламный неон.
Промежутками, брешами, порами, точками, щёлками
Окружает, сочится, топорщится с разных сторон.

Тщетны сотни попыток стряхнуть от себя
наваждение —
Не сменить одним пальцем тупые законы Земли.
Нет здесь кнопки такой, что позволит сменить
притяжение.
Невозвратная точка, как айсберг, маячит вдали...

Прокрастинация

Сгладились горы. Стали похожи на простынь.
Звезды осели светящейся пылью в траву.
Стал одаренным ребёнком каждый живущий
здесь взрослый.
Группы меньшинств угодили в клешни
к большинству.
Флагман простыл, накренился и сдулся, как шарик.
Мачты флотилии встали среди якорей.
Свет маяка поместился в карманный фонарик,

Лижут колени глубины тарелок-морей.
Горный орёл в жёны взял черноморскую чайку.
На Откровенье наклеен ярлык «ширпотреб».
Влезший в потёртые джинсы и белую майку
В супере Бог покупает по акции хлеб...

Тренды

Неистовое время ест границы.
В ладони многомирье — это тренд.
Не из бумаги сделаны страницы,
Да и вообще, страницы — личный бренд.

Мхом поросли античные колонны,
Для бложика пригодные, как фон.
Переоделись в свитера мадонны,
Младенцев заменили на смартфон.

Порталы в каждой типовой квартире.
В них тонут радости, печали, стыд и боль.
Сознание уже, мир смелей и шире,
Здесь верховодят палочка и ноль.

В мелькании дней сверхновых не заметно —
Они являются и гаснут каждый час,
Как мотыльки, сминаемые ветром,
Пыльцой блестящей оседают в нас.

Мир расслоился тонкой роговицей,
Давно изучена семантика чудес.
Есть алгоритмы, схемы и таблицы
Для гениев, талантов и небес.

Теперь любой — пиит. Плевать, что жалок.
Створить сумеет сытые стихи.

Он бога слепит из г..на и палок
И сам себе отпустит все грехи...

На книжных страницах картинки лежат
между строк,
Лишь нужно раздвинуть штрих-код для
вживления в образ.
Когда пробивает разрядом двойной потолок,
Задаст направление даже поломанный компас.

Когда обрастает картинками небытиё,
И вдруг снежный ком замирает на
бархатном склоне,
Под ноги ложится дорога с неброским
названием «моё»,
Черкая неровно заглавные буквы в законе.

Те ноги, что могут босыми ходить по камням,
По тысячам топких горячих от солнца песчинок,
Однажды свободно пройдут
по прохладным волнам
Без всяких волшебных светящихся
нано-ботинок...

Что-то лопнуло в мире, но тихо, без треска.
Гладь воды не шумит, не гудит на висках.
Оборвалась прозрачная тонкая леска,
Что держала остов на воздушных крюках.

Точка Б стала кляксой, а клякса — палитрой,
Вроде яркой, но красок не хватит на всех.
Точка А уже сожрана бешеной гидрой,
И не ждёт возвращенье триумф и успех.

Уж не кормит любовь, и герои Эллады
Постарели, одрябли, ушли на покой.
Тусклы свечи, мечи, булавы и баллады,
Не стремится рука вдаль бежать за рукой.

Кто-то стёр из генома понятие «время»,
И оно объявило бессрочный бойкот,
Отвернулось, и смыслы схвативши в беремья,
Удалилось туда, где никто не найдёт.

Нам остался лишь вакуум, ладно б с конями,
Но он пуст, безвоздушен, у каждого свой.
Что-то лопнуло в мире неслышно над нами.
Конец света в разгаре. Он пушистый и мягкий,
кайфовый такой.

ЭЛЕОНОРА ЖУКОВА

Родилась 21.05.46 года в деревне Уваровица Междуреченский р-н. Вологодская обл. Закончила Вологодское медицинское училище. Работала в Междуреченском р-н и более 35 лет на Урале в г. Североуральск акушеркой. Стихи люблю и любила всегда, а активно писать начала после 50 лет. Печаталась регулярно в течение нескольких лет (и стихи, и прозу) в газетах города Североуральска и районной газете МЕЖДУРЕЧЬЕ. Была их внештатным корреспондентом. В ЛитО СТУПЕНИ занимаюсь 8 лет.

Старое письмо

Я пишу, наверное, устала
От разлуки с вами, вдалеке.
Лишь в мечтах ещё не перестала
Снова жить на Сухоне-реке.

Говорят, во сне летают дети.
Ну, а мне опять приснился сон:
Детство, мама, солнце, лето, ветер.
Я спускаюсь к речке под уклон.

Сарафан из выцветшего ситца
Вновь летит на камни и песок.
Я бегу, боюсь остановиться,
К лодке, что стоит наискосок.

И плыву, от берега отчалив.
Не пугает вовсе глубина.
И качает, вновь меня качает
Парохода белого волна.

А потом ныряю без опаски.
На душе и на сердце — покой.
Приходи в мой сони явь, и сказку.
Помаши мне с берега рукой.

Напиши, что веришь: будут встречи
На реке, на нашем берегу.
Я живу. Твержу: ещё не вечер!
Но... Урал оставить не могу.

Падаю в небо

В повседневных заботах
Я иду по дороге.
И спешу по тропинке с булкой
свежего белого хлеба.
И ногами топчу рыхлый снег,
победившие камень травинки.
Забываю взглянуть
на бездонное синее небо.

А недавно на улице нашей вечерней,
случайно
Я увидела — бабушка тихо о звёздах
беседует с внучкой.
И почудилось мне — никуда не уйти от печали.
Мама рядом со мной загляделась на ковшик
со звёздною ручкой.

И припомнился вечер другой,
бесконечно далёкий:
Мама санки везёт, и шуршит под полозьями
снег, как солома.
И качалась на небе луна так печально,
устало и так одиноко,
Что, казалось, спешит отдохнуть
за трубу соседнего дома.

А потом, засыпая на тёплой и
ласковой печке,
(всяк поймёт, кто тепло это в детстве
изведал),
Замирало, щемило и билось сердечко,
И казалось, я падаю, падаю, падаю
в звёздное небо.

Память

Не напишу стихи — не велика потеря.
Шаги твои тихи. Войдёшь, не скрипнув дверью.
И будешь говорить, забыв про все напасти.
В иголку вденешь нить и вышьешь слово «счастье».

О, счастье! Краткий миг, почти как в глупых книжках.
И сколько не живи — всё не бывает слишком.
И снова самовар мурлычет, словно кошка.
И ночи светлый дар — луна глядит в окошко.

Важнее, чем стихи, моё к тебе доверье.
Шаги твои тихи. Уйдёшь, не скрипнув дверью.

Сыну

Выпал снег листком бумаги белой
И напомнил, тихо нашептал,
Как мой мальчик — «мама» — неумело
Буквами корявыми писал.

Шустрые синицы как когда-то
На снегу печатают следы.
Время, только время виновато:
Я старею. И взрослеешь ты.

Позвонишь. И в трубке телефонной
Слово «мама» музыкой звучит,
И надежда вновь в тиши бессонной
Вспыхнет, словно звёздочка в ночи.

Новый день, как лист бумаги белой,
Тороплюсь. Замечу набегу,
Как другой мальчишка неумело
Слово «мама» пишет на снегу.

Не досказала, не доделала.
И снова время расставаться.
И не цветные, чёрно-белые
Опять мне сны ночами снятся.

И равнодушно почтальон
Пройдёт, моей калитки мимо.
Как будто знает только он,
Что всё ушло невозвратно.

Прольются серые дожди.
Лишь сердце шепчет осторожно:
Люби, надейся, верь и жди.
Пока мы живы — всё возможно.

Снова вижу я кустик герани
на окне, в суете городской.
Вспомню детство и вспомню о маме.
И наполнится сердце тоской.

Где-то в дальней лесной деревушке
Нет дорог от сосны до сосны.
Одиноко вздыхает старушка,
Не надеясь дожить до весны.

Но подходит, прищурясь, к окошку,
Вот и радость — герань зацвела!
Будто снова играет гармошка,
Будто мама домой позвала.

Мне сегодня взгрустнулось немножко,
Только верю — плохое пройдёт!
И в руке моей внучки ладошка.
И герань на окошке цветёт.

Ночь. Больничная палата.
Дождь в окно стучит уныло.

Если в чём-то виновата,
Ты прости меня, мой милый.

Тишина. А мне не спится.
Чем я сердце успокою?
И листаю я страницы
Жизни, прожитой с тобою.

И плывут воспоминанья,
Словно льдинки по реке.
Наше первое свиданье
В том далёком далеке.

Столько зим прошло и весен...
Внучки первые шаги...
На висках порошей проседь...
Ты себя побереги.

Не готова я к разлуке.
Не умру. Вернусь домой.
Ты мои согреешь руки.
Я прижмусь к тебе щекой.

Только рядышком с тобою
Мне цветные снятся сны:
Небо нежно-голубое
В ожидании весны...

И цветут цветы на грядке,
Словно в сказке алый цвет.
Значит, будет всё в порядке.
Расставанью скажем «нет»?

Ночь. Больничная палата.
Дождь в окно стучит уныло.
Если в чём-то виновата,
Ты простишь меня, мой милый?

«Я чужую беду разведу руками» —
Так, когда-то давно, говорила мама.
На свою на беду не найду управы.
Та река глубока. Нет и переправы.

Говорил: Подожди, оба мы не правы.
Та любовь-не любовь, горькая отравы.
Плыли тучи черны — молнии, да громы.
Ты пройдёшь стороной, словно незнакомый.

Как тут быть, что решить. Спорить ли с судьбою?
Я навстречу тебе снова дверь открою.
И быть может, опять, не поверив маме,
Я все беды сама разведу руками.

Старый год уходит незаметно.
Похудел на стенке календарь.
И стучит в окно озябшей веткой
Белоснежный первенец — январь.

Новый год. И вновь живу надеждой,
Что ещё чуть-чуть, чуть-чуть, и вот
Улыбнёшься ты улыбкой прежней,
И печаль растает, будто лёд.

Дед Мороз, зову тебя без отчества,
Кружевных снежинок хоровод...

Мне в тебя, как в детстве,
верить хочется.
И душа наивно чуда ждёт.

Старшая сестра

А у меня есть старшая сестра.
И рядом с нею оживает детство.
И жизнь не суетлива, не быстра,
И неделимо общее наследство.

А у меня есть старшая сестра.
Она всегда поймёт, простит, поверит.
И пусть грехам моим не счесть числа,
Передо мною не захлопнет двери.

А у меня есть старшая сестра.
И с нею рядом молодею снова.
И память, вспыхнув искоркой костра,
Напомнит всё, что я забыть готова.

Пока ты рядом, старшая сестра,
Давай мечтать: «вот если бы, да кабы».
И загудят трудяги-катера,
И на реке бельё полощут бабы.

И аккуратно сложены дрова,
И пёс наш Тузик хвостиком виляет.
И будто мама строгая жива.
И бабушка тайком благословляет.

И дом родной над Сухоной-рекой
Стоит. Живёт. Не сломан. Не порушен.
И пусть не я, сказал поэт другой, —
Воспоминанья согревают душу.

И пусть в твой дом, любимая сестра,
Не забредут печали-огорченья.
Тебе желаю бодрости с утра.
И пусть твоё не прыгает давление.

Тебе спасибо, старшая сестра,
С тобою рядом оживает детство.
И жизнь не суетлива, не быстра.
И неделимо общее наследство.

Может, это звучит наивно.
Может, это звучит не скромно,

Но мечтала я стать счастливой
В этом мире земном, огромном.

Я мечтала, чтоб снег искрился
На январских еловых лапах.
Я мечтала, чтоб вечно длился
Век для бабушки, мамы, папы.

А ещё, чтоб мечты сбывались,
По утрам щебетали птицы.
Чтобы сердце не уставало
У хороших людей учиться.

Я мечтала, чтоб аист белый
Поселился на нашей крыше.
Я мечтала стать сильной, смелой,
А не робкой серенькой мышью.

Утверждаю: мечтать не вредно!
Облака, как сладкая вата...
Если станешь овечкой бедной,
Не мечтатели виноваты.

Верю, школу ждут перемены.
Пусть прославят её таланты —
Олимпийские рекордсмены
И поэты, и музыканты.

Мне б увидеть в рассветной зори
Город наш весь в цветах и чистый!
Все дома в кружевных узорах,
Словно в фильмах тех, заграничных.

Босиком по тропинке росной,
Убегу ромашковым лугом.
Кем же стала я в жизни взрослой?
Рассудите, добрые люди...

Мне жаль, не стала для тебя
Я лучшей бабушкой-подружкой.
Не мне, косички теребя,
Секреты шепчешь ты на ушко.

И злой осенью порой
Ты не ко мне бежишь вприпрыжку.
И вместе, рядышком со мной,
не загрустишь над умной книжкой.

Я знаю, нам не по пути.
Мои года ползут к закату.
Но вновь и вновь шепчу: Прости,
Себя считая виноватой...

Яблоки

Румяные, спелые яблоки лежат на соседней тумбочке,
На фоне стены больничной похожие на натюрморт.
А может, они из сказки, той старой волшебной сказки?
Там яблочко наливное царевна в руки берёт.
Закрою глаза. Не спится. А память опять рисует
Без спроса, вы мне поверьте. Рисует, как на мольберте,
Картину далёкого детства — детства после войны.

В моей Вологодской деревне не принято как-то было
Цветы сажать под окошком и разводить сады.
Важнее была картошка... И только у крайнего дома
Весной бело-розовым цветом, как в книжке
с картинкой
Цветною, там яблоня пышно цвела.
А летомсреди зелени листьев белели и будто
светились,
И с веток высоких манили, дразнили те яблоки...

Однажды соседский мальчишка, нарушив запрет
на чужое,
И весь в пузырях от крапивы, принёс мне в подоле
рубахи
Тех яблочек зелёных, не спелых. И яблочко маленьким
чудом,
В моей умещалось ладошке... И были те яблоки детства
Кислее, чем кислая клюква. А бабушка — мудрость
и нежность —
Нашла для меня утешенье, насыпав щепотку песочка
на блюдце
С каймой голубою. А после, вздохнувши, сказала:
— Вот вырастешь, яблоки будут, тогда и без сахара
сладки,
Размером как чайная чашка.

Румяное, спелое яблоко лежит на больничной
тумбочке.
И кислое яблоко детства.
Два яблока. А между ними — то ль миг, то ли целая
вечность.

Ты мне надежду подари
На ясный день, на тёплый вечер.
И тонкий краешек зари,
И обещанье новой встречи.

Ты подари надежду мне,
В ночи распахнутые двери.
И свет, немеркнувший в окне...
Ты мне солги. А я – поверю.

У жизни стоя на краю,
Почти поверя в безнадежность,
Тебе спасибо говорю
За ложь и правду, боль и нежность.

ОЛЬГА КОРОТИНА

Родилась в Вологде, в 1960 году. Окончила Вологодский Политехнический Институт и работала рядовым инженером в КБ завода Электротехмаш. Главным достижением своей жизни считает двух взрослых сыновей, а на сегодняшний день – троих внуков. В начале 90 годов прослушала курс на заочном отделении филфака ВГПИ. Писать начала в детстве. Публикуется недавно.

Счастьем окутанный остров

Над растоптанной веткой сирени
Горько плакал ветер — бродяга.
Нежно гладил растрёпанный локон,
Пил нектар, лепестков чуть касаясь.

Вдохновленный любовью прощальной
Прочь умчался несчастный, но гордый.
Нёс деревьям свободу и нежность,
Старых сосен гонец и законник.

Но, уставший, спускался в ущелье,
Выл, стонал, грохотал что есть мочи...
Вспоминал о сирени листочках...
Помнил трепет и вздох — тот — последний...

На кого похожа осень?
На беспечного котенка,
Рыжего — в полосках светлых,
С красным бантом, синим взглядом.

И на мокрого котенка —
В ярких искорках лучистых.
Вечереет — зябко, страшно...
Стук дождя... И голос тонкий...

А жемчужины — как луны,
По стеклу скользят, стекая...
Осторожно чьи-то руки —
Как тепло и сонно — сладко...

В блюде молоко и булка —
Две души, два сердца рядом:
Сердце — Бог и сердце — крошка.
Мир спасен! Какое Счастье!

Счастье не дается в одиночку —
Должен быть товарищ где-то сбоку,
Чтобы дать совет и утешать нас,
Или спать, сопеть и просто слушать...

Счастье не дается в одночасье —
Надо путь пройти и ошибаться,
И пролить ведро крови надо,
Долго ждать, как у моря погоды,

Башмаков ненювых не жалея,
Вверх ползти на кручи, на утесы,
Чтобы там с вершины — под орлами
Мир увидеть весь, как на ладошке.

В сущности, о счастье много знает,
Кто страдал и плакал в одиночку,
А потом уверовал в Свободу
Жить, творить и быть самим собою.

У синего неба спроси,
У волнистой березы,
Где парус твой, берег — пристанище —
Счастьем окутанный остров?

Там бледные лики,
Печальные розы сомненья —
Все жёлтых и палевых,
Белых цветов расставания.

Уходишь с рассветом,
Устали припухшие губы...
Заботами полнясь,
День кончится смуглым закатом.

Нелепые ссоры
У нас впереди, пересуды...
Я — хрупкое счастье твоё —

За невзгоды расплата...

Осенний сад уже пустой — сквозит,
Весёлых полон разноцветных рыбок —
Листвы, что вьётся на ветру, летит,
Виною нашей грусти и улыбок.

Как праздник листопад — он ярок, боек, свеж —
Там вместе с солнышком прохлады греет душу.
Истомы летней — вялости рубеж,
Он манит синевою — испить и слушать

Разлука

Сердечную тоску, далекий голос твой,
То бас, то баритон, сердитое бурчание...
Как снежная зима сулит покой,
Там желтой осенью всё грезится свидание.

Твой долгий поцелуй и громкий сердца стук,
Все ласки — нежности под ветра бормотанье...
А редкость встреч и долготы разлук...
В них больше радости, а вовсе — не страданья.

Молиться о тебе, превозносить и плакать
От слова нежного, прикосновенья рук...
И в ясный холод, солнечную слякоть,
Пока минуты чертят жизни круг.

Румяною зарёю губ вишневых мякоть
Вбирать и пить, и помнить наперёд —
Нам пыл святой не утаить, не спрятать,
Не утолить, когда придет черёд.

Рукам скользить в изгибах тел и верить —
В разлуке нежностью наполнен каждый слог.
Мы жизнь свою с тобою станем мерить
Стихами, письмами да верой в долгий срок...

Сосед

Он лыс и сед, ближайший мой сосед,
И видимся мы редко, то не слишком часто,
Не знаю я его ни радостей, ни бед
И потому ко всем тем безучастна.

А, впрочем, лгу – однажды видела,
Как он цветов к себе домой букетик нёс.
Взглянула я – улыбкой отвечал
Он странною на мой немой вопрос.

А вечером играл аккордеон,
И нежный скрипки стон достиг моих окон,
И рамы стук, и быстрый шелест штор...
И в зыбкой тишине затем бокалов звон.

Потом в тенистый двор сошли две пары ног.
Не удержалась я – волос златистый ток,
Вуаль густая, дивный тонкий стан...
И гулко каблучок вокруг дома вновь и вновь...

Да. Помню, что в ту ночь... Что не заснула я,
И робкий шепот мой: «жива — чиста любовь...»
Он домосед. Дражайший мой сосед.

Встреча

Будет пахнуть дождём в беспросветную сушь,
Заструит меж берёз шумно дождь в зной и тишь.
В этот миг ты придёшь — грянет колокол — гром,
Мы увидим — с небес — тихий свет... Ты смолчишь...

Снова буду глядеть в серый лёд твоих глаз,
Ты обнимешь меня, милым жаром дыша,
И оттаёт душа, холодок тихих фраз,
Тише станет в груди, и взойдёт не спеша

Только то, что царит между мной и тобой —
Не увидеть, не взять, не в пригоршни сгрести...
Можно, правда, вдохнуть или выдохнуть вдруг,
Или сердцем, душой ощутить и снести...

Эта радость с небес, это — близость — родство,
Тишина и покой — тёплый Счастья глоток.

Я видел, как двое стелили постель,
Уж день закатился, резвилась капель,
И звук нежен был и высок — как свирель...
Девятого. Век был двадцатый — апрель.

Ты — мой шажок спирали, ты — мой Бог.
Ты мой чудесный гений, ты мой бред.
Ты сон мой, моя давняя мечта.
Забывтой грёзы неугасший след,
Любви постылой, явью став, тщета...

Я — дней твоих в разлуке бег унылый,
Я — юной страсти воля, я — твой рок...

О, только б дольше, дольше не остыла...
Я — твой удел печальный, я — твой срок.

Ты мой чудесный гений — ты мой Бог...

Луна и розы

Луна — янтарная горошина
По небу тёмному катилась;
А вдохновенье, гость непрошенный —
Звезды печальной луч, явилось.

Хлеб не печён. Трава не кошена.
И дверь от веку покосилась.
Её судьба, что дом заброшенный —
Любви песчинки. Все — за милость.

Разлука снежною порошею
Устлала холодом мне путь весь,
И рана едкая — не трожь её,
И боль пророчила ей злу весть.

Навязчива, строптива боль сама.
В какой истоме сердце билось...
И смыслу здравому там грош цена,
Душа к душе где устремилась...

Луна слезинкой золотистою
Со щёк небесных в ночь катилась,
А Счастье розою душистою
Среди зимы вдруг распустилось.

ДМИТРИЙ ТРИПУТИН

Родился в Ленинграде. Сейчас живу в Вологде. В 1987 году закончил Ленинградский электротехнический институт связи им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. (СП ГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича.) Работал инженером в проектно-монтажной организации. Ветеран труда. Член Интернационального Союза писателей (ИСП), экс-член Международной гильдии писателей (МГП). Кавалер Международной медали имени Адама Мицкевича, учреждённой при поддержке ООН по вопросам образования науки и культуры (ЮНЕСКО) и ИСП. Два поэтических сборника,

более шестидесяти печатных публикаций, в том числе за рубежом. Ряд произведений переведен на шесть языков.

Капельки

Это просто капельки дождя
Растеклись слезами по стеклу.
Изнутри их вытереть нельзя,
А снаружи трогать ни к чему.

Там сереет одинокий мир,
Ожидая солнца и тепла.
Я бы небо протирал до дыр,
Чтобы засияли купола.

Звёздной ночью мне опять не спать.
В небе все дороги хороши.
Может быть, я научусь летать?
Просто так, случайно, для души!

Полёт

Вот падаю камнем и снова взмываю,
Здесь ветер, но ярче заря!
Я помню, как сладко внутри обмирало,
Когда приближалась земля.

Свет истины робко белеет вначале,
Но вдруг — ослепительный шквал!
И больше уже ничего не мешает,
Что странно — всегда это знал!

За краешком мысли в неясном тумане
То знание было всегда.
И, слыша слова «Человек не летает»,
Слегка улыбалась душа.

Всего лишь простое движение чувства,
Словами нельзя описать.
Летаю один, а от этого грустно,
И проще всего показать...

Солдаты ренессанса

Я выхожу, и с каждым шагом эхо
Поет, звенит — теперь возврата нет.
Ведь кто-то должен заменить поэтов,
Что, «не прошли» сквозь толщу трудных лет.

Тот — не дожил, другой — не смог родиться,
Над не воспетым миром тишина.
И что-то обязательно случится,
Когда на нас обрушится она.

Я не один и на душе теплее,
Взорвали ночь багровые костры.
Мы учимся, мечтая всё смелее,
Как выстроим в грядущее мосты.

Придут поэты армией могучей,
Где каждый опытом и мудростью богат.
Но не сейчас. Нам не поможет случай.
Далёк рассвет, редее цепь солдат.

А на развалинах немого декаданса
Уже пустил побеги дивный сад.
И вспомнят поднимавшихся без шанса
Неопытных, но преданных солдат!

Созвучие

Ты уходишь медленно и плавно,
Не тревожишь и не ранишь зря.
Листья шепчут, падая, о главном.
Заполняют книгу бытия.

Осень плачет, размывает чувство,
Укрывает милый сердцу след.
На душе торжественно и пусто,
И не ярок сумеречный свет.

Я созвучен общему несчастью,
До весны всё погрузилось в сон.
Чувствую себя ничтожной частью,
Брошенной в пучину стылых волн.

Одинокий и неторопливый,
Я иду по лужам не спеша.
Мир вокруг любезно молчаливый.
Хриплой флейтой мается душа...

Не благодаря, а вопреки
Буковкам казённого устава
Выжила культура на Руси,
Но склонила голову — устала.

И никто Вам Гёте не прочтёт
В сумерках вечернего трамвая.
Не сыграют Брамса дивных нот,
Просто день рожденья отмечая.

Может быть, услышите латынь,
Но обычно лишь: «Memento mori»
И печаль непознанных святынь
Всколыхнётся тяжко словно море.

Не блеснёт сочувствия слеза,
И чужая боль не потревожит.
Не горевший пламенем творца
За идею голову не сложит...

Выброшен малиновый пиджак
Вслед за френчем строго покроя,
Но невежества парад чеканит шаг,
Равнодушно — не теряя строя.

Расскажи мне

Расскажи мне, что такое счастье?
Пусть скрипят о чём-то фонари.
А холодный дождь — дитя ненастья —
Звонко бьёт по крыше до зари.

Расскажи мне о земных скитальцах,
Что для них уют и в чём покой?
Как они, мы — тоже постояльцы
И придем когда-нибудь домой.

Спой тихонько о такой отраде,
Что живёт в высоком терему.
О желанной многими награде,
Что не достаётся никому.

Погрустим о перелётных птицах,
О птенцах, встающих на крыло.
Замечаешь? Различимы лица.
Значит, в нашем мире рассвело!

Не жалея

Не жалея меня, не гладь рукою,
Мне тогда страшнее умирать.
Лишь один легко мирюсь с судьбою —
Все ушли и нечего терять.

Не пытайся, ты помочь не в силах,
Даже если будет много дней.

С радостью твоей, что так пуглива,
Мне порой становится больней.

И никто не выскажет упрёка,
Разве можно смертных упрекать?
Помнить это, может быть, жестоко.
Может быть, опасно это знать.

У тебя нет ничего, бедняжка,
Даже жизнь, как будто напрокат.
Отчего ж улыбка нараспашку
Топит лёд и побеждает ад.

Тебе

Хочешь, буду ветром южным,
Хоть согреешься слегка?
Если этого не нужно
Буду северным пока.

Ты совсем меня не знаешь,
Да и мне не до того.
Отчего ж не закрываешь
В светлой горнице окно?

Там пустынная дорога,
Да безлюдные поля.
И неясная тревога —
Вечно спутница твоя.

Хочешь знать пути иные?
Слушай пение цветов!
Это темы неземные,
Но понятные без слов.

Тихий вечер свет потушит,
Всё нечаянно пройдёт.
Отдохнешь, и будет лучше
И в груди растает лёд.

ТАТЬЯНА СНЕЖИНА

Родилась в п. Чагода Вологодской области, вторым домом стал г. Вологда, где живу и творю по настоящее время. В 2019 году вышла в свет дебютная книга «Раскрытое окно», собравшая в себя произведения разных лет и разных настроений. Посещает лито «Ступени».

Всё на свои места
Расставит кто-то свыше,
И жизнь вместо креста
Однажды гладью вышьет.

Полупустой стакан
Заменит полной чашей
И перекроет кран,
Что льёт невзгоды наши.

Добром заменит зло,
Провалы все успехом,
Наполнит светом дом
И звонким детским смехом.

Любовь найдя в сердцах,
Поймём, что в жизни важно...
Всё на своих местах
Увидим мы однажды.
март 2013г.

Мудростью Соломона
С вольфрамовой грустью дождь
Верен своим законам –
Проходит. И ты пройдёшь.
Вечный постскрипtum – лужи
Впитает в себя земля,
Как алкогольный ужин
Сегодня вкушаю я.
Челюсти сжаты с силой,
Дежурных признаний нож
С болью едва сносимой
Срезает слоями ложь.
Словно тату на теле
Твой образ сведу, а след,
Верю, затянет время,
Другой написав сюжет.

Жду от дождя совета,
Как мне не сойти с ума.
Мудрость «пройдёт и это»
Пытаюсь постичь сама.
05.06.2019

Ты, как Онегин, понял поздно,
Кто для кого был в мире создан.
Кусая локти от утраты,
Вдруг осознал, что был богатым.
Стремился к дикой в небе птице,
Держа в руках своих синицу,
Сжимая крылья ей до боли
Своей открытой нелюбовью...
Она исчезла — звать не нужно,
Все, что прошло, ей стало чуждо.
А ты теперь живешь в ненастье —
Была синица птицей счастья.
01.04.2012г.

Там были деревья больше,
И мама была моложе,
Там лето тянулось дольше,
Казался весь мир хорошим.
Проблемы решались просто,
Ведь дул, где болело, папа,
И чужды заботы взрослых,
Вернуться хочу обратно...
Бежать босиком на реку,
Подарки искать под елью,
Дома возводить из снега,
Подснежники ждать с капелью...
Увы, неподвластно время,
И детские годы дальше.
Их в памяти всё сильнее

Храню, становясь я старше.

10.12.2018

Что значит влюбиться на первом свидании?
Как школьники, снова забыв про задания,
При свете фонарном сближаться несмело
Начать, когда разум желаниям тела
Устанет противиться в нежной истоме,
Откинет все мысли о нормах и доме,
О часе столь позднем, морали и долге.
Заменит всё это объятием долгим.
Под взглядом упрямым смущаясь, друг друга
Коснуться губами слегка... И по кругу:
Объятия, руки, взгляды и губы,
Порой задыхаясь и выгляда глупо,
Стараясь отсрочить час расставания,
И ждать с нетерпеньем второго свидания.
16.05.2012г.

Мужчина с гитарой – особая каста,
Мужчина с гитарой – целитель и маг,
Ему мои чувства как струны подвластны,
Эмоций внутри разжигает очаг.
Чарующий шарм, когда сильной рукою
Уверенным жестом за гриф он возьмёт
Свой инструмент, и состоянье покоя
В этот же миг безвозвратно уйдёт.
С замирающим сердцем первых аккордов
Полна ожидания, силясь понять
Откуда явился он смелый и гордый,
Мужчина с гитарой, и начал давать
Свой сольный концерт перебором и боем,
Порой для души повторяя на бис.
Он в книге моей станет главный героем.
Мужчина с гитарой – мой женский каприз.
17.04.2018

В постоянстве твоих объятий
Раствориться кусочком льда,
И с реальностью связь утратить
За мгновение навсегда...
Твоих рук подчиниться силе,
Мужских ласк ощутить напор,
Это чувство, что мы возрастили,
На стене создает узор
Тенью тел, обнаженных в свете,
Проникающем между штор...
Обоюдных касаний сети,
Откровенных желаний спор...
Долгожданная близость манит,
Нет запретов и нет оков,
Нескрываемый сбой дыханий
Выразительней сотни слов.
Отдаюсь без сомнений, смело,
Лишь страшась наступленья дня.
Доверяя себя всецело,
Погружаюсь в твой омут я...
27.12.2018г.

Предвкушение счастья волной
в каждой клеточке тела.
Как круги на воде
превращаются в ровную гладь –
Исчезают тревоги, иду
удивительно смело,
Ведь мой внутренний мир
наполняет твоя благодать.
Ты как солнечный луч,
среди будней дарующий негу.
Пробуждаюсь в стремлении
вскоре коснуться любя.
Люди тратят всю жизнь,
чтоб найти «своего» человека...
За какие заслуги мне свыше
послали тебя?..
19.01.2019г.

Маленький дом с вековой историей,
Со скромным убранством застывший в пыли,
Гордо стоит на большой территории,
Покинутый и позабытый людьми.
Клеть из сосны почернела со временем,
В паутинах не видно старой печи.
Ему бы смириться со своим бременем,
Но всё же находится сотня причин
Верить – однажды нарушат молчание
И жизнь в его стены с приходом вдохнут.
Новых хозяев стоит в ожидании,
Готовый хранить их тепло и уют.
06.06.2018

Улыбок лёгкая вуаль
В оттенках бирюзы и лазурита,
За ней от любопытных глаз сокрыта
Разлуки томная печаль.

И слов размеренный поток
Спокойствием безветренной погоды
Ответных чувств робеющие восходы
Не выдаст, ни один росток.

Затишья после слышен гром,
Когда томленья станет неносимым,
Признания с неистовою силой
Прольются шквалистым дождём.
30.08.2019

Как переливы мыльных пузырей
В объятьях солнечного света ярки

Воспоминания прошедших дней,
Сюжетно разделенные на арки

Счастливый нам написан эпилог
По трафарету на кофейной пенке,
Пропитан карамелью каждый слог,
И видится всё в розовом оттенке.

Целуй меня засахаренным ртом!
Я мрачные выбрасываю краски!
Сомнения оставим «на потом»
И вдоволь насладимся этой сказкой!
14.09.2019

...

Прошу тебя, моя Вселенная,
Не обрывай святую связь,
Чтобы душа творца нетленная
Кому-то рифмами являсь
Через года или столетия
В час легкий или роковой
Своим коснулась разноцветием
И увлекала за собой
В мир неизведанный мой авторский,
Где так уютно и светло,
Как в день морозный этот мартовский,
Как солнцу, дай дарить тепло.
Дай, как дыханье, вдохновения,
Испить пьяняющий глоток,
Пусть не одно стихотворение,
А нескончаемый поток.
Поставь, не дав уйти в забвение,
Поэта четкую печать,
Дай мне свое благословение,
Я не готова замолчать...

21.03.2020г.

РЕГИНА СОБОЛЕВА

Журналист, поэт, фотограф. Родилась в 1987 году в Казани (Татарстан). Окончила отделение журналистики филологического факультета ВГПУ (ныне — ВГУ, Вологда). С 2007 по 2010 годы была участницей лито «ЛиСт» и «Ступени» (Вологда, руководитель — Галина Щекина). Публиковалась в «Дети Ра», «ЛГ», «45 параллели» и др. Участвовала в поэтических фестивалях в Вологде и Москве. Сейчас не состоит ни в каких творческих союзах и объединениях. Живет в Керчи. В 2020 году вышла первая книга стихов «Серебро и желатин».

Постой. Подожди, ты слышишь?

Наконец-то Христос перестал воскресать.
Пифагор отложил свой стек и сидит в тени.
Я хожу по парку, ходят по мне огни
Уличных фонарей. Ворчит вдалеке гроза.

Кажется, я в аду. Нет нужды умирать.
Все уже отгремело, каждый уже прощен.
Может быть, жизнь — это тот самый сон...
И о нем никому нельзя рассказать.

И пробуждение — смерть. Неодолимый путь,
Что божьих жуков выманивает на свет.
Мертвому плотнику разрешено вздохнуть.
Ветром прошелестит, скажет тебе: привет.

Пеплом могильным развеешься по степям,
Серым песком, из которого он воскрес.
Правильно умирать... что еще остается нам
В этом нелепом мире праздников и чудес?..

начало всему — бесплотная боль,
гвоздика галактики в темноте зрачка.
я просыпаюсь, и она со мной —
насекомая совесть моего сверчка,
разверстая пропасть моего окна,
искренняя нелюбовь моего отца,
смерть моей матери, звон стекла,
все тики и таки моего лица.

потом будет проще — проходит день,
несется мячом по скоростной пологой.
прицепилась, влачится за мною тень,
начиная с ног, откусывает понемногу.
потом будет ночь, затишье, затмение,
паническая атака, рыдания у окна,

уговоры, упокоения настроенья,
еще не громоподобный звон стекла.

закончится утром, когда забудусь,
укроюсь, уйду с головой в матрас.
мне тихо, не больно, собой люблюсь,
оставляю галактику про запас.
от боли проснусь — развернется космос.
подушку насквозь пропитала соль,
моя несерьезность, тревога, взрослость.
затмение, явь и начало —
боль.

москвою тошнит и уже вытошнило:
чебурешная, варенишная, рюмошная
собираются комом в районе ордынки,
образуют яркие пятна, черные дырки
в голове вон того кобзаря-забулдыги,
которому тоже эти фонемы обрыдли.
ему-то што — поблевал и баста!
а мы мечемся в поисках счастья...

на охотном? на площади революции?
на кузнецком мосту? на большой татарской?
все мы произвольным потоком — поллюции
этого города и его окраска.
а если смешать все цвета палитры,
получится черный, которого точно хватит
на город, пропахший аммиачной селитрой,
на город, протаскавшийся по кроватям.

москвою несет и уже вынесло.
пронесло по спотычкам и вымыслам,
легендам, захватанным анекдотам,
святым воскресениям и субботам.
кончилось, рассеялось по квартирам.
и там старается стать счастливым.

москва, что убогий шатун-шемяка,
раззадорит, рассорит, заставит плакать.

как не плакать, когда ты — пирог на блюде?
утром снова — пытошные да магазины.
утром — крики на улицах, утром — люди.
утром выйдешь, у города рот разинут.
ам! -- заглотнет. станешь кровавой кашей
в черном зобу демонической хищной птицы.
вот она сильными крыльями быстро машет,
вот и взлетает. чего тебе, друг, не спится?

когда я была совсем маленькой, годков пять,
я любила закрывать глаза и всякое представлять.
будто заглядываю в трещинку к тараканам, а они
молоко разливают по стаканам, на столе каша стоит.
тараканья бабушка с тараканьим дедушкой творог едят
тараканиха таракану гладит рубашку, зовет тараканят:
завтракать! маленькие непоседы, сколько вас ждать?
таракашки умываются, чистят зубки,
заправляют кровать.
все идут: на работу добывать кашу,
в школу дразнить кота.
и тараканий домик голубым раскрашен
до самого потолка.
красиво и чисто, и часики тикают,
совсем как у нас.
просыпаюсь, а васька тараканиху мучает,
прижмуривая глаз.
фу, васька, брось, у нее же дети только
в школу пошли!
отпусти таракана, противный котяра, вот тебе —
карандаши.

но коты любят жрать насекомых и не умеют
их рисовать.

значит, завтра тараканы в закрытом гробу
похоронят мать.

В этом наверное вся проблема —
в отсутствии якорей.
Нет ничего дорогого достойного...
верно, нет и людей.
Подруга за мужем, за стенами, за работой.
А как она?
Черт его знает. Мне не разобраться.
Я одна.
Родители ненавидят, брат презирает.
Хоть вой в ночи.
Ничего, никого. И свитер колючий.
И дом молчит.
Книги читаю, телевизор смотрю, хожу,
говорю слова.
Что еще надо, чтобы казалось,
будто бы я жива?
Если штормит, и якорь потерян,
и даже швартов маловат,
Что же мне делать, что делать, чтоб не уйти
в бакштаг?
Ну, капитан, раззадорь команду, скажи,
что они круты,
Молодцы, никогда не поздно: уменьшить ход,
подтянуть болты.

Но нет ничего за душой, а в душе лучше бы
не было ничего.
Боль на поля прямо в снег слетает первым
весенним грачом.

Хаос из дома выходит, овеществляет мир,
Наполняет звуками полдень, счастливо щурится и
Бредет на работу, шаркая, что есть сил.

В бесконечной его бороде дрозд себе гайно свил.
Старик и кивнет соседу, и в гости зовет, хохочет,
А вдалеке гремит, с каждой секундой громче.
Так он придумал небо — синий рябой платочек.
И от земли отделил, как день отделил от ночи.
Вот завернет за угол — за спиной пропадает мир.
Думает: надо еще придумать проявляющихся чернил.
Жизнь — это тайнопись бога и несчастливый клир.
Куда упадет, что скажет, будет ли богу мил?

Хаос развоплотился сам из себя во все,
Каждому по кусочку в потный кулак сует,
Так и дошел до службы да отработал срок.
Жалко его, беднягу. Где-то и мой кусок.

постой, подожди, ты слышишь? — скоро мы все умрем.
безногая хрипло дышит, опалая закатным огнем.
девяткой виляя в гору, нас сбросит с вершины в тень.
а вечность — это надолго. и вечность — не без потерь.
и вот уже понемногу, но душно, но жарко, но
испаряешься упоенно, но больно, но все равно.

приветливо ждешь, не можешь, скорее бы,
поскорей! —
сними с меня эту кожу и плоть по земле развей,
заставь меня разметаться, растаять, исчезнуть, ис-
тратиться, износиться... спуститься с тобою вниз
к титанам, чертям и духам, плывущим бесцельно по
стиксу, коциту, лете прямо в разверстый рот
хаоса и раздора, где высохнешь в полный ноль.
так горы в песок мельчают, так жизни дробятся. соль
остается после любого байкала, и
любой океан уходит во глубину земли.

постой, подожди, ты слышишь? — пока что еще живем.
дышу, и ты тоже дышишь. рассвет опалает огнем.
мир под ногами прочен: и плависься, и горишь.

сам еще не обесточен. так о чем ты вообще говоришь?
ничто в никуда не выйдет, не вытечет в никуда.
я повторяю мантру: закон сохранения вещества.

все, что отдала тебе:
миллионы попыток, тысячи побед,
сотни тысяч проигрышей, и яркий свет
того солнца, что храню в нижнем ящике
одежного шкафа, и маленький страшенький
секрет, от которого меркнет лампочка...
ничего не осталось. пустая карточка.

все, что отдала тебе,
оказалось в мусорном ящике.
там же где салфетки, огрызки и хрящики.
яблочная кожура, пластиковая бутылка
из-под молока, обертка от спичечного коробка,
резаная бумага... моя рука
ищет руку твою. от одного пустяка

до большой беды многие мили или один
шаг ли вздох, слог ли звук.
будто и не было у меня ни губ ни рук.
будто меня самой не появлялось вовсе.
будто в зеркале не мои карие, не моя проседь,
а чьи-то чужие. и той другой регине
плевать. она умерла и стынет.

но все, что отдала тебе,
выброшено и забыто. а то, что осталось мне —
разбитое корыто тела, ума и воли —
все мое и мое до боли.

и все это — я.

чем пустынной улица, тем пуще

в легких разгорается пожар.
я бегу, бегу по самой гуще,
не кофейной, уличной. нагар
на моих уставших драных кедах —
лужный, пепельный да холостой.
потому что потому что потому что
этот мир, как улица, пустой.

обежав хоть все твои кварталы,
чертова замашная дыра,
угляжу лишь кочки да провалы.
чтоб нелегкая тебя взяла!
чтоб она тебя, как жизнь, любила,
по подвалам тискала, драла.
да о чем я? ведь тебе, двужильной,
это все как вырека весла.

движешься, но в заданных пределах.
и плевать! и к черту! и пускай!
я в своих ужасных драных кедах —
как кипящий чайник без свистка:
разойдусь горячим влажным паром,
что плывет под самый потолок...
пусть хоть кочками этим да провалам
будет от моих попыток прок.

мы перед смертью все становимся собой.
как сам собой чудесен дождь, естественен прибор,
как солнца свет хорош, и как великолепен сон
в покое неге и тепле с любимым в унисон.
так каждый станет сам собой, себя переборов,
преодолев преграды глаз, примет и кандалов,
и рук и ног своих, и чувств, и памяти живой.
и станет просто и легко. вот так — само собой.
и пусть там нету ничего, чернее ночи ночь,
последний сон без сна, его не сможешь превозмочь,
пусть — пусто. это ли не благ превыше всех земных,

когда уже никто-ничто не сможет дать под дых?
когда ни тополь не цветет, не плачет соловей,
и нет у ясеня в саду ни веток ни корней?

нет ничего, лишь только в темноте
ревет гобой, поет гобой о том, как станешь ты
собой в последний миг в конце всех
мыслимых времен.
неужто только в этот миг и станешь ты собой?

АЛЕКСАНДР СОКОЛОВ

Родное

Речка. Плотик. Старый ялик.
Одинокий теплоход
Вскрикнул, свистнул... Не меня ли
За собою в даль зовёт?
Помню, в юности меняли
Дом родной на сто дорог.
А потом грустил не я ли
У чужих холодных вод?
Тёплый вечер, солнце ниже.
Запах сена. Тишина.
Как собака, ноги лижет
Набежавшая волна.
Мне сегодня не до книжек,
Слышу песню соловья.
Я к родным истокам ближе —
Только дома счастлив я.

На развалинах храма

Разрушен храм.
Печальный рот ворот,
И буйство трав, кустарников на крыше,
Фрагменты росписи.

Я в храм вхожу.
Вот клирос,
Ступеньки на второй этаж,
Алтарь,
И посвист ветра гулкий.

Я будто бы на месте преступления.
Грехи отцов и дедов.
И я не меньший грешник.
А с фресок Он глядит.

Прощенья заслужить у Бога — нет ни шанса.
Величие Его — и я.

Забилось сердце.
И стало как-то страшно.
Но что-то теплое струилось в душу мне,
Как час прошёл, я даже не заметил,
От крика галок вдруг ушло оцепенение.

И неумело в первый раз перекрестился,
Во мне рождалась вера.

Бессмертный полк

/Памяти деда Соколова Александра Ивановича/

А враг куражился, сжигал
И наши села, и посёлки.
И за спиной солдат была
Москва, и Родина, и Волга.
Его призвали в пятьдесят,
Пахать имевшего сноровку,
И насмерть был приказ – стоять:
И на троих одна винтовка.
На них обрушен шквал огня,
Земля смешалась с чёрным небом,
И даже плавилась броня.
Тот не поймёт, кто в пекле не был.
В бою добыл он автомат,
Со злостью действуя лопаткой.
Потом... со связкою гранат
Нырнул под гусеницы танка.

И всё: закончилась война...
Домой летела похоронка...
И вдовья плакала страна.
О, сколько их, погибших, сколько?
Враг задохнулся под Москвой.
Затем и в пух разбит под Курском.
Стал Сталинград, как в горле кость.
И вызрел, вызрел дух наш русский!
И вот пришёл Победный Май:
И слёзы, боль, шальная радость.
Дед о победе не узнал,
А я про подвиг его — знаю...

На фото он ну как живой,
В глазах улыбка, море чувств...
И он вступил в Бессмертный полк,
Со мной идёт плечо к плечу...

Идти вперёд...

Идти вперёд, не разрушая старое,
считают невозможным,
а инсталляцию того, что нам не нужно,
назвать искусством сложно.
А авангард есть терроризм,
слепое разрушение.
Демократичней реализм,
понятней для народа.
И всё ж, нам ближе — разрушать,
чем кропотливо строить,
а ту разруху прикрывать
красивых фраз игрою...

если долго...

если долго на солнцепёке сидеть —
мозги скиснут
если долго на солнце смотреть —

огненная река
а я — на твоей страничке
висну
онемела рука
если долго и планомерно варить
рис
будет не рис а каша
а я — на твоей страничке висну
и варю рис
лапоть по карте
от Вологды до Новосибирска
а так близко
что чувствую
как горяча твоя щека

побриться налысо — глупо...

побриться налысо — глупо
надеть пижаму задом наперед — смешно
в дождь в сандалиях брести по лужам — нелепо
плевать против ветра — в себя же и попадешь

ждать тебя — не меньшая глупость
всё равно не придёшь

два пальца в розетку — нелепость
всё равно не убьёт

мокнуть — глупо — ожидая трамвая
коль разобраны рельсы
грустно — лбом в сырое стекло
кабы — да — если
хоть тресни
ты в судьбе
под дождя перестуки
лысый
в сандалиях

в пижаме задом наперед
иду к тебе...

Кто виноват?

Времени река. Мост
Догорел совсем. Дождь.
Мы с тобой враги. Дочь
Спросит, где отец. Ложь
Льет из глаз рекой. Кто ж
Виноват?

Покосился дом. Гость.
Та была любовь. Ночь,
Нет тепла, огня. Дрожь.
Так зачем опять спор,
Ворошить костёр тот,
И искать опять, кто
Виноват?

Виноват и я. — Соль.
Виновата ты. — Боль.
Виноваты мы. Дождь
Виноват.

Не смогли любить дом.
Не могли прощать зло.
Не смогли делить горе.
Так зачем искать,
Кто же виноват,
Спорить!?

Мечта чиновника

Зашью карману рот,
Пусть взятки не берёт,
Душою буду чист,
И рту зашью карман,
Чтоб слов не лил туман, —
Чиновник говорил...

Но жизнь, она — есть жизнь,
В ней всё наоборот:
И слов течёт обман,
И тяжелей карман,
И даже нипочём
Законов строгих свод.

Стихи — это моя пища...

Живу. Годы летят смело.
Пою. В счастье страны верю.

Иду. Но, не легкое время.
Люблю. Вера меня греет.

Дышу. Ветер шальной болью.
Кричу. Я ведь кричать волен.

Зову. Знаю, что Бог слышит.
Приму всё, что дано свыше.

Грехи. Нет, я душой чистый.
Стихи — это моя пища.

ТАТЬЯНА СОПИНА

Журналист и литератор, хранитель литературного наследия поэта Михаила Сопина. Родилась в 1939 в Майкопе. Закончила Пермский университет. Работала в СМИ Перми и Вологды. Автор книг прозы «Приключения рукописи в эпоху разлома», «На краю земли», «Невидимка», «Белая скала», «Лодочка» и других. Автор документальной повести «Вызов судьбе». Ветеран литературного объединения «Ступени».

Ну, здравствуй

Брожение снов, материи и тайны,
Шуршание позёмки о крыльцо,
Передвижение странных очертаний,
И руки — незабвенное кольцо —
Поднимутся в мерцающем сосуде,
И в нём души неповторимый жест
Гореть огнём неугасимым будет
Над половодьем горя и надежд.

* * *

Оттолкнусь — и поеду на лыжах
По просторам оставшихся дней.
Чем конец мой естественный ближе,
Тем тропинки земные родней.
И случайной травинки касанье
Так значительно. Ветер так жгуч...
И закатных лучей осиянье.

* * *

Сеет дождик, сеет сито,
Слов случайных полотно.
Шум-шуршанье, шито-смыто,
Да не всё ли нам равно?
Шито-смыто, всё повито,
Рассветает. Не дойдёшь?
Барабанит дождь в корыто,
Очень тёплый летний дождь.

...

Мне надо отойти за грани.
Большое — видится вдали.
И поплывут родные страны
Прекрасною волною лиц.
И закруглившееся гребнем,
Начало сблизится с концом.
В солёных брызгах просинь неба
Над запрокинутым лицом.

* * *

Снег прочертило солнечным забором
Теней берёз, дыханием зимы.

Здесь неуместны смех и разговоры.
Пусть будут только тишина — и мы.
Но вот слетела с голой ветки птица,
И прочерк крика вдалеке угас.
И знаешь, что движенье возвратится
На вечность. На мгновение. На час.

* * *

Окно открою и вздохну свободно.
Уйдёт земля в мерцании огней.
Подёрнутое дымкой инородной,
Нам станет небо ближе и родней.
Туда, туда! — в межзвёздное смещение,
Где крест и меч — веление судьбы,
Где предстоит нам вымолить прощенье,
Где, может, нас успеют долюбить.

* * *

Моей реки простор зеркальный,
И свет — до камушка на дне.
Мир ускользающий, овальный
Открыт в прохладной глубине.
Не утонуть и не вернуться...
И неизбежность — как вода.
Года, секунды рвутся, рвутся.
Зачем?
Куда?

* * *

Мой мусор отведу рукою.
Здесь мало места для войны.
У края вечного покоя
Простора дайте, тишины.

И пусть хрустальный купол — память —
Сияет в полумраке мер.
Сведение линий и окраин.
Исчезновение химер.

Ну, здравствуй

Так вот каким ты мог бы быть... был. И я могу общаться с тобой монологом. Впрочем, мы всегда общались монологами — даже сорок лет назад, когда были юными. Не знаю, произносил ли эти монологи наедине ты. Может быть..., я узнавала это по некоторым деталям стихов, которые для других оставались тёмными и непонятными.

Я встретила тебя вчера на портрете в книге, которую принесла подруга. Какой-то мало знакомый — отяжелевшие черты лица, за толстыми стёклами очёчков прочитывается мудрость. Так и кажется, что если потереть хорошенько, на доньшке запылённого, законопаченного наглухо сосуда распустятся зелёные клейкие листочки и вспыхнет солнечный зайчик. Впрочем, в жизни такого быть не могло. Когда бы мы ни встретились, время сжалось бы в гармошку, отбросив напрочь 20, 30, 40 лет. И мы снова стали бы 26-летними. И я, как тогда, сказала бы что-то резкое и обидное, чтобы немедленно прекратить контакт. Ты это знал слишком хорошо. Ни одной трещины не должно быть в дамбе, где море выше отвоёванной долгим трудом плодородной нивы. Негоже шаровой молнии разряжаться в мирном жилище.

Наши судьбы летели в параллельных пространствах, вот и славно. Жить и дышать можно в мире, а не в антимире; одноимённые заряды расталкиваются, а разноимённые взаимно уничтожаются. Есть выход: пустить ток по изолированным проводам. Тогда всё будет спокойно и разумно. Но сорок лет назад мы с тобой не стали изучать электротехнику. И я ни о чём не жалею.

Твоя жизнь оборвалась раньше, рассыпавшись яркими огнями. Под личным контролем ты никогда не позволял ей

так озаряться. Тоже жил за дамбой, тщательно замуровываю и заполировываю трещинки. И вот световое половодье хлынуло. И я стою, как в юности, на полярном снегу, задрал кверху голову перед развёртывающимися голубыми, красными, зелёными воланами северного сияния. Безопасно... и даже красиво.

Не без удивления понимаю, что мне очень даже интересно по стихам проследить «другую» жизнь, отяжелённую временем — так палеонтолог по отпечаткам на камнях воссоздаёт в воображении доисторический лес. В этом мире мне не надо посторонней помощи, даже если что-то воссоздастся не так. Что найду — всё моё.

Вижу, что ты стал шире и богаче, чем я могла представить себе это раньше. Искренне радуюсь, потому что это теперь тоже становится моим. Ни одного автора в сборнике «Приют неизвестных поэтов» я не буду читать так пристально, как тебя. Спасибо за богатство твоего мира.

Спасибо, что ты был ярким.

АЛЕКСАНДР ЧЕРНИЦКИЙ

Родился в Вологде. Работаю на подшипниковом. Иногда пишу стихи. Продолжение следует, надеюсь.

В городе моём идут дожди,
В комнате моей застыло время.
Кто бы мне сказал: что впереди?
Кто бы мне сказал, а я поверил.

Только я не верю никому,
И уже везде расставил точки,
И сижу один в своем доме,
Разбираю время на кусочки.

Скоро первым снегом занесёт
Всю мою нездешнюю усталость.
Только белый снег, и это всё —
Всё, что в этой жизни мне осталось.

Выйду на заснеженную грусть,
Белые пушинки сосчитаю...
Там, среди снегов уснула Русь,
И того не ведая, не зная,

Что однажды отложив дела,
И призвав на помощь силы света,
Моя мама всё же родила
Для России грустного поэта.

А казалось: сколько бы вокруг
Правильных мужчин, и мудрых женщин.
Только заколдованный мой круг
Крепко взял меня в стальные клещи.

И своєю грубою рукой
Дарит мне подарки дорогие.
Хочется узнать: кто я такой?
Чтоб меня услышали другие.

И какими будут берега?
Кто бы мне сказал, а я поверил.
В городе уже идут снега,
Пусть идут, я им открою двери!

Баллада о пользе курения

Утренняя сигарета,
Я не курю её, пью!
Тает за окнами лето,
С неба смывая зарю.
Утром стираются грани,
И забывается сон.
Звоном прозрачным трамваи
Будят заречный район.

И к проходным в Оружейный
Под сигаретный дымок,
Воздух глотая осенний,
Тянется людный поток.
Я захожу в эту реку,
Каждому встречному рад.
Как тут забыть сигарету,
Если закурит твой брат.

Эх, заводские «курилки»!
Это ж иные миры!
Сам генеральный Курилов
Тоже пускает дымы»
А цеховые мадонны
Разных объемов и лет
Тонкие смолят патроны
Дамских своих сигарет...

Вечер. Устал как собака.
Еду на «лайне» домой.
Тульские свечи заката
Тают в полях за Упой.
И наступают мгновенья,
Где совершенно один
В воздух и без сожаленья
Я поднимаюсь как дым.

Там собираю кусочки,
Сверху то всё повидней.
Строчки ложатся в листочки
Музыкой светлой моей.
Я оставляю планету,
Где не живу по ночам.
И воскресая с рассветом,
Пью по утру сигарету,
В мир возвращаюсь поэтом,
День новой жизни начать!

Калина красная

Запах хлеба белого
На исходе августа,
Лето моё спелое,
Дай мне, ну пожалуйста!
Дай мне, моё ясное,
Крылья журавлиные,
Да калину красную,
Да глаза любимые.

Дай мне зиму снежную
С лютыми морозами,
Чтоб ночами с нежностью
Вспоминать курносую,
Чтоб за дальним волоком
Там, где зори ясные,
Вспоминалась Вологда
Да калина красная.

Дай мне песню звонкую,
Что над Белым озером
Золотою пчёлкою
В край летит берёзовый.
Там девчонка рыжая,
Словно солнце ясное,
Ждёт меня бесстыжего,
Рвёт калину красную.

Не пугайся, это я – совесть.
Признавайся, где твоя вера?
Не написана ещё повесть,
Знать не вышло у тебя время.

Привокзальные огни манят,
Отрывают от оков дома.
В багаже моём одна память,
Только весом не в одну тонну.

Кто-то скажет: тяжела ноша!
Тяжела, и еду я тихо.
Может, даже проживу дольше,
Если только не будить лиха.

Но везёт меня опять поезд
На любимый километр,
На сто первый.

Не пугайся, говорит совесть,
Я поеду за тобой, с верой.

Невозвращение

Возвращается память по капельке,
Вытекая из чаши забвения.
Вырезается прошлое скальпелем
Под рукой беспощадного времени.

Там ещё не написанный набело,
Ни одним не притянутый полюсом,
Наливаюсь на солнышке яблоком,
И ни сердцем не болен, ни голосом...

Дни проходят пустыми вагонами
С проходящими мимо составами.
Ничего не привозится нового,
Лишь одно забытое старое.

ПРОЗА

НАТАЛЬЯ БРАШКИНА

Родилась в Вологде в 1976 году. Публиковалась в журналах:

«Сказ про Василису Прекрасную, про злодеев да добрых молодцев, журнал «Вологодская литература №8; «Американский детектив» журнал «Искатель» №6/12; «Семейные ценности» журнал «Искатель» №11/12»; «Мертвяк» журнал «Создатели миров» №1/14.

Артефакт

Последний закатный луч стёр серебро с куполов церквушки, залив алым. В лёгких сумерках кладбище легкомысленно пестрело крестами, оградами и венками, отказываясь от скорби. Алексей свернул на обочину напротив церковной ограды и остановил машину. Певший в ивах соловей умолк, настороженный вторжением, но вскоре успокоился и засвистал, и защёлкал вновь.

Служба закончилась давно. Прихожане должны были покинуть церковь, однако внутри находились люди. Алексей приблизился к воротам и услышал голоса. Обсуждали жизнь прихода. Колдуну ничего не оставалось, как ретироваться к машине и дожидаться, пока люди разойдутся.

Коротая время, он закурил, вполуха слушая соловья. Дым лениво плыл в неподвижном, прохладном воздухе июньского вечера, а колдун размышлял о зловредном попе и превратностях судьбы. Оставалась загадкой причина, по которой епархия назначила служить молодого священника сюда, в церковь святого Лазаря. В её алтаре находился самый удобный из известных вход в подземелье. Поэтому колдун и священник сталкивались возле церкви намного чаще, чем хотелось бы обоим, и с каждым разом отец Викентий становился непримиримее. Пока он выпускал злобу в мелких пакостях: задерживал колдуна, забывал оставить ему ключ от церкви, или заклинивал люк, так что Алексей возвращался обратно в подземелья и выбирался через другой лаз. Епархия не обращала никакого внимания на жалобы, и этим словно бы поощряла неумное поведение священника.

Сегодня колдуну отчаянно не хотелось спускаться в подземелья, и он даже обрадовался заминке. Алексей рассчитывал, что разбуженный авантюристами горыныч Сивунец, спящий на сокровищах, разберётся с кладоискателями, и ему не придётся ни за кем гоняться в мрачных

туннелях. Колдун не просто не любил подземелий — каждый раз он делал над собой усилие, спускаясь в тёмные и замкнутые пространства, пугающие его с детства. К тому же, с утра его мучило предчувствие беды. Алексей вынул из дедовского секретера потрёпанную колоду Таро и разложил. Дважды выпало «Друг» и «Предательство». Так странно! — Ему некого называть другом. Попы видели в нем врага, паства боялась, а других в городе просто не осталось.

Наконец из церкви вышли люди. Последним появился отец Викентий. Тощий попик завистливо глянул на его иномарку и, не здороваясь, побрёл к своей, отечественной развалюхе.

«Спасибо, что не плюнул!» — подумал Алексей с иронией.

Открыв багажник машины, колдун вынул потёртый плащ из тяжёлой драконьей кожи, рассовал по карманам кое-какое оружие и направился к незапертой церкви.

Сиреневый вечер остался за дверями, а здесь царил полумрак. Под образами едва теплились свечки, выхватывая скорбные лики святых угодников. Шаги в безлюдье звучали гулко и тревожно, напоминая, что колдун ступил на чужую территорию. Алексей прошёл через Царские врата в скудно освещённый алтарь. Сдвинул висящую на стене икону Георгия Победоносца, поражающего змея, и потянул за рычаг в нише. Что-то надсадно заскрежетало под полом, и плита отползла в бок, открыв узкий лаз в подземелье.

Железная, изрядно проржавевшая лестница закончилась, не доставая до пола. Не нащупав ногой следующую перекладину, Алексей спрыгнул. Резиновая подошва кед смягчила удар о каменную плиту. Он отряхнул руки от ржавчины, огляделся. Вокруг стояла глухая тьма и тиши-

на. Колдун взглянул вверх. Отсюда, снизу, узкий люк выглядел дверями в другой мир, залитый светом. Алексей задержался на нём взглядом, затем включил фонарь.

Луч заскользил по потолку и стенам. С последнего раза в подземелье ничего не изменилось: тот же красный кирпич сводов, местами влажный от сочащейся воды.

Почудилось, будто фонарь светит тускло, Алексей встряхнул его, подосадовав, что не проверил перед вылазкой. Через секунду сообразил, что забыл снять очки с затемняющими, дымчатыми стёклами. Как и любой колдун, он был глазлив с детства, а затемнённые стекла помогали избежать лишних неприятностей.

На исследование подземного лабиринта было потрачено много времени, и Алексей отлично представлял себе систему ходов, соединяющих между собой Кремль, мужской монастырь и несколько старых городских церквей.

Царь Иван Грозный имел намерение перенести сюда столицу. Первый тайный ход прорыли одновременно с постройкой Кремля. Подземный коридор вёл из кремлёвской башни в укреплённый Прилуцкий монастырь. Так подозрительный царь надеялся обезопасить себя от заговорщиков и врагов.

Подземелья не пригодились изменчивому Ивану Грозному, но их не забросили, и даже выкопали новые. Со временем из прорытых ходов сложился настоящий лабиринт, состоящий из тупиков, сквозных переходов и перекрёстков. Спустя века город разросся, система туннелей целиком очутилась под его кварталами.

За сохранностью ходов следили монахи. Советская власть закрыла монастырь, и заброшенные коридоры обветшали, обвалились, в них завелась нежить, а Сивунец одичал. Вернувшись в родной город и решив, что осядет тут, Алексей потратил первые годы, очищая подземелья от нежити, и в то же время обивая пороги возрождённой епархии, упрашивая, чтобы монахи снова взялись за ре-

монтаж туннелей. Церковники долго упирались, предвидя крупные расходы, пока не обвалилась одна из центральных улиц, под которой проходил туннель. Из провала ползла всякая дрянь, так что ночью в городе стало небезопасно. Молебен не действовал, святая вода не спасала. В конце концов Епархия раскошелилась, а потом заключила сделку с колдуном. Впрочем, церковники записали это ему на счёт.

Под землёй Алексей взял направление на реку. Вскоре каменный коридор стал уже и ниже, пол накренился, подгоняя ходока. Туннель спускался под ложе реки.

Впереди блеснула тёмная, стоячая вода, по которой брести метров двадцать. Здесь неглубоко, воды набиралось под колено, но нельзя вообразить лучшего места для засады какой-нибудь твари. Туннель настолько узок, что не размахнуться, и так низок, что придётся идти согнувшись. К тому же, с потолка падали крупные частые капли, со звоном ударяясь о воду, мешая обзору и скрадывая звуки.

Алексей с удовольствием бы выругался, но даже не изречённая мысль в подземельях имеет большую силу и обретает плоть или её подобие, напоминая, что мир сотворён мыслью. Плохое предчувствие зашевелилось где-то в районе желудка.

Сжав зубы, колдун ступил в холодную воду, охотно залившуюся в обувь, и, пригнувшись, двинулся вперёд. Вскоре луч фонаря упёрся во влажные камни отвесной стены. Голова закружилась, и Алексей заметался от стены к стене, рванулся назад — почудилось, будто его поймали в каменный мешок. Позади в свете фонаря блеснула вода, и разум стыдливо шепнул, что это обман зрения, одна из ловушек подземелий. Алексей наклонился, зачерпнул пахнущей тинной воды и плеснул себе в лицо. Стало легче, но все же он почти побежал к отвесной стене, и потом торопливо, цеп-

ляясь и оскальзываясь на влажных камнях, влез на крутую горку. Посветил фонарём вдоль коридора, убеждаясь, что очутился в нужном месте, и преград дальше нет. Он сел на пол, пытаясь выровнять дыхание и изгоняя остатки страха.

«Пусть это будет худшей частью», – сказал себе, развязывая кеды и выливая из них воду.

И тут почувствовал толчок. Сначала он решил, что это стук его сердца, которое еще не успокоилось. Удар повторился. Сомнения исчезли.

Звука было не слышно, но сила удара впечатляла – вздрогнули каменные стены, будто при землетрясении. Из тварей в подземельях только горыныч Сивунец обладал подобной силой. Его рык и тяжёлая поступь не доносились сюда, а значит, он ещё довольно далеко. Алексей поспешно надел обувь, вскочил и побежал по коридорам.

Сивунец стерёг не только свой клад, но и артефакты, о существовании которых знали немногие. Колдун лишь примерно представлял, что это за вещицы, но и этих знаний хватало, чтобы понять – они не должны попасть в чьи-то руки. Чего стоил хотя бы один Алатырь-камень, чудовищная сила которого смела заповедные леса и повергла в прах терема, пахнущие смолой и древесными маслами, по всей Русской равнине. После историю подчистили и переписали, уничтожив упоминание о катастрофе, но Русь уже не оправилась, не стала прежней таинственной страной лесных кудесников и томных царевен в высоких теремах.

Алексей выскочил из-за поворота и едва увернулся от струи пламени горыныча, нырнув обратно за выступ стены. Волна жара прокатилась по коридору.

Прежде чем спрятаться, Алексей успел заметить высокого широкоплечего человека, стоявшего к нему спиной, и напротив незнакомца – горыныча, приземистую уродливую тварь с маленькими крокодильими глазками на рогатом черепе.

Наступило затишье. Стало слышно, как тихонько потрескивают, остывая, кирпичи в кладке. Алексей поднял высокий воротник плаща и осторожно выглянул. Человек остался невредим. Вокруг него мерцали золотистые полосы, заворачивая его в светящийся кокон.

Колдун! Сказать мягко, Алексей удивился. Кто он, и что делает тут? Пришлые колдуны — редкие гости в провинциальном городке, а самый ближний из его товарищей обитает за полтысячи километров.

Между ладонями чужака быстро вращался раскалённый, будто маленькая звезда, шар — пыл. Алексей не умел работать так эффектно. После его трудов оставалась куча сырой и темной земли, холодный камень или простыни, испачканные кровью и гноем, вытянутым из больного тела. Колдун не любил результаты своей работы, они казались ему отвратительными, делающими мир ещё уродливее.

Как замороженный, Алексей наблюдал за колдуном, с лёгкостью управляющим огненной стихией. Он бы досмотрел представление до конца, но стряхнул наваждение, припомнив, что будет в финале.

Колдун приготовил огненный шар не просто так. Его расчёт понятен: он метнёт пыл в горыныча в тот миг, когда Сивунец раскроет пасть для вдоха перед новой огненной струёй. Чёрная пасть горыныча, сложенная из странно изогнутых костей, уже дымилась, предупреждая, что он готов атаковать пламенем. Пыл в руках колдуна стал почти белым. Такой раскалённый снаряд способен уничтожить Сивунца.

У Алексея имелось две возможности и секунда на решение. Под ногами закачалась земля. Разделяя колдуна и горыныча, на глазах росла стена. Чужак удивился, завертел головой и едва успел отскочить, чтобы его не засыпало вздыбившейся глиной и камнями. Он очутился в нескольких шагах от Алексея, и тот появился из укрытия.

Два колдуна встали друг напротив друга. В руках пришлого искрился пыл, а Алексей был готов обрушить на противника тонну земли.

— Зачем бы ты ни пришёл сюда, — тихо, но очень внятно проговорил Алексей, — горыныч не должен погибнуть.

Пришлый колдун сжал кулак, и пыл угас. На миг они остались в темноте. Подозревая коварство противника, Алексей едва не похоронил чужака под обвалом, но вспыхнули и рассыпались вокруг белые световые шары. Фоты выхватили из темноты момент, когда стена посреди коридора поднялась до потолка и слилась с ним.

— Хорошая работа, — произнёс чужак с небольшим акцентом.

Попроси Алексея указать человека, полностью противоположного ему, то колдун выбрал бы пришельца. На вид чужаку лет двадцать пять — он моложе, чем показалось сначала. Из-под воротника плаща, сшитого, как и у Алексея, из драконьей кожи, виднелся сложный орнамент татуировки, заканчивающейся на бритом виске.

— А мне и не нужен дракон, — продолжил чужак очень мягко выговаривая согласные и выделяя шипящие, отчего Алексей решил, что он поляк. — Наткнулись на него случайно в ваших лабиринтах.

— Где твои товарищи? — насторожился Алексей, приготовившись в случае чего покончить с пришельцем.

— Товарищ, — поправил его колдун. — Он убит драконом возле сокровищницы. Мы думали, что эта тварь давно издохла — за двести лет о ней не доходило никаких слухов!

Сокровищница! Конечно же, колдуны нашли её! Кто ещё, если не они?!

Алексей мысленно представил, как в мгновение осыпается целый коридор. Затем бросил взгляд вниз. Утоптаный глиняный пол под ногами чужака пошёл трещинами, собираясь обвалиться вниз до самого ада.

— Я ищу могилу вурдалака, — продолжил пришелец уверенно. — Знаю, что сто лет назад он бесчинствовал тут.

Вурдалака?! Неожиданный поворот! Алексей удивился. Трещины перестали расползаться по полу, образуя воронку.

— Владислав, — назваля чужак, шагнул вперёд и протянул руку в тату.

— Алексей.

Они пожали руки, приглядываясь друг к друг и сверяя со своими впечатлениями то, что слышали друг о друге.

Один колдун с запада, другой — с востока. Алексей много слышал об Ордене, но никогда не встречался с его паладинами. А пришелец, без сомнения, много слышал о мрачных лесных колдунах.

— Так что там с вурдалаком? — Владислав сразу взял быка за рога.

Алексей решил сразу. Это было предложение, от которого, как говорится, нельзя отказаться. Сердце вурдалака — ценный артефакт. Но в одиночку его не добыть. Проклятый пробудится, едва из него вынут кол, и высосет кровь у своего избавителя. Второй колдун затем и нужен, чтобы не позволить случится такому. В этом смысле никаких дополнительных страховок не требовалось. Судьба одного колдуна становилась и судьбой другого, а стать отребьем вурдалака — честь сомнительная.

— Идём! — решил Алексей.

Через реку он повёл чужака другим путём. Владислав освещал путь фотами, и казалось, что для него поддерживать свечение не труднее, чем дышать.

Второй туннель, такой же низкий и залитый водой, как и первый, но на этот раз Алексей, чувствовал себя увереннее, пропустив Владислава вперёд. Почти до самой реки они ощущали, как вздрагивает земля — это горыныч, потеряв противника, обрушился на стены.

— Эта тварь — сама злоба. Твои стены вряд ли удержат его надолго, и он разнесёт полгорода, — заметил Владислав, прислушиваясь к глухим ударам.

— Город лишь испытает едва заметные подземные толчки, и на ту сторону реки Сивунцу доступа нет — ему не пролезть через узкие туннели.

Коридоры, куда они попали теперь, оказались выложенными бетонными плитами, и выглядели, как наследие холодной войны. Лампы дневного света вспыхнули и осветили серые стены, едва колдуны перешагнули через черно-белую линию на полу.

— Все думали, что тут бомбоубежище, — пояснил Алексей, отвечая на немой вопрос своего спутника.

Владислав дунул на ладонь, потушив фоты.

— Эту часть строил мой отец, — продолжил Алексей. — Он был военным инженером, проектировал бункеры. Заодно и спроектировал склеп для вурдалака, которого уложил в могилу. Через пару лет сюда привезли остальных со всей страны.

— Остальных? — изумился Владислав. — Я думал, он единственный.

Алексей усмехнулся:

— Мы способны удивить!

— И у вас, и у нас было горячее времечко, — проговорил Владислав чуть погодя. — Мой дед бежал из Украины в Польшу, опасаясь расстрелов. Большевики неплохо почистили колдунов.

— Да, — подтвердил Алексей. — Безбожное времечко! Дали нечисти вволю порезвиться. Но мы дождались перемен. Церковь сильна, как никогда. Вот только ею управляют люди, и они завели старую пластинку, мол, в колдунах сила бесовская.

— Ангельская, — отрезал Владислав с накопленной злостью. — Мы и есть его воинство, спустившееся на землю ради блага людей. Мы и есть их защитники от козней дьявола.

— Мы уже давно не ангелы, — покачал головой Алексей. — На Западе вы все ещё цепляетесь за наше прошлое, но пора признать, что первоначальная истина для нас утрачена, также невозвратно, как Эдем для людей. Наша кровь давно смешана с человеческой.

— Чтобы не стать кучкой чужаков, изгоев или карающих недосягаемых правителей, — возразил Владислав. — Ведь мы могли бы править!

— Власть сделала бы нас хуже вурдалаков, — произнёс Алексей тихо.

Они оба замолчали. Алексей давно не обсуждал этих вопросов ни с кем. Никогда вслух с тех пор, как умер его отец. Правда, отец — человек своего времени: уверенный в своей непогрешимости и жёсткий. С таким не очень-то поспоришь! А после его смерти стало очевидно, что вокруг нет никого, с кем можно поговорить на подобные темы. Если бы хоть слово дошло до Епархии, то колдуна приговорили в тот же час.

— Далеко ещё? — спросил Владислав. — Уже устал от серых коридоров!

— На следующей развилке направо, и мы — в расстрельных подвалах.

Туннель привёл в просторное подземелье. Лампы дневного света и бетонные блоки остались позади. Владислав трижды взмахнул рукой, каждый раз выбрасывая по полудюжине фотов, которые разлетелись, освещая пространство. Впрочем, дальние фоты погасли, едва коснулись стен, но перед тем осветили подземелье, выложенное коричневатым камнем, и подземную реку в искусственном русле. Из трубы лилась тёмная вода, падая с шумом и жёлтой пеной в каменное ложе, а затем спокойно и размеренно, словно решила не сопротивляться и быть паинькой, катилась по каналу, чтобы снова исчезнуть в трубе.

— Запашок так себе, — заметил Владислав, морща крупный нос.

— Подвалы не зря называются расстрельными. Трупы сбрасывали в реку через канализационные люки, — Алексей указал наверх, на колодцы, невидимые в темноте. — Здесь всегда пахнет смертью. Она въелась в камень.

— Сегодня есть причина посвежее! — Владислав кивнул на реку.

Наполовину погрузившись в воду, в канале лежал обглоданный труп мужчины. Вокруг возились непугливые и крупные крысы. Зверьки садились на задние лапы и шевелили усами, внимательно рассматривая пришельцев, словно бы оценивая их шансы стать обедом.

— Теперь наверху ресторан и дом культуры, но люки до сих пор пользуются популярностью, как верный способ избавиться от тела, — пояснил Алексей.

— Связь времён! — хохотнул Владислав.

— Зачем тебе сердце вурдалака? — поинтересовался колдун, хотя точно знал единственное применение этого артефакта, щепотка которого избавляла от вампирьих клыков и привычки заходить в дома без приглашения при полной луне.

— Магистр года два назад испепелил вурдалака молнией, и его сердце тоже сгорело. А теперь вурдалачье отребье полезло изо всех щелей. Пятерых наших уели, гады!

Алексей остро ощутил одиночество. Вот она разница во всей красе! Орден отправил рыцарей в богом забытое место за артефактом, чтобы спасти своих. А у Алексея своих не осталось. Товарищи, с которыми судьба свела в столичном университете, повзрослели, забились в медвежьи углы и с недоверием глядели друг на друга при редких встречах, а он тосковал по прежнему общению. И случись ему попасть в такую беду, как-нибудь вечером придёт ближний его сосед заросший бородой до самых глаз дед Иван, и проткнёт сердце колом с присказкой ласковым голосом, мол, слаб ты и ни на что не годен, раз не смог выдюжить! Впрочем, это все лирика. История паладина вы-

глядела правдоподобно — Алексей был наслышан о ней. Правда, в прессе она подавалась, как охота за маньяком с печальным для него финалом, но знающие люди догадались, в чем соль.

Алексей остановился в конце подвала перед массивной железной дверью. На ней не было ни ручки, ни следов замочной скважины. Он вынул тонкий стилет и порезал себе руку. Подождал, пока на ладони накопится кровь, обмазал ею дверь.

— Магия крови, — Владислав наблюдал за ним. — Считается, что она от дьявола. Почти всегда ею владеют колдуны стихии земли.

— А как считаешь ты? — поинтересовался Алексей, сжимая руку в кулак и стряхивая капли крови на пол. Он раскрыл ладонь, и на ней не осталось и следа пореза. Колдун наклонился и, скатав шарик из пыли, смоченной его кровью, сунул его в карман плаща.

— Мне почти ничего неизвестно о магии крови, — ответил Владислав неторопливо. — Но знаю, что многих вещей не случилось бы, будь с нами подобный тебе.

Алексей взглянул на него внимательно, и Владислав кивком подтвердил свои слова.

Дверь проскребла по каменной плите пола. Владислав не стал дожидаться, когда проход откроется полностью, и бросил внутрь фоты. Они широко разлетелись и повисли у стен. Склеп оказался вместительным помещением, облицованным черным камнем. Его зернистая структура поблёскивала серебряными вкраплениями. На полу, поднятые от земли на каменных постаментах, стояли пять закрытых каменных саркофагов без украшений.

— Ого! — сказал Владислав уважительно. — Да у вас тут, в таком захолустье, настоящее вурдалачье кладбище.

— Не в мавзолее же на Красной площади их держать! — пробормотал Алексей.

— Целых пять основателей родов! Всего известно двенадцать, включая Дракулу!

— Ну что сказать! Несчастной России-матушке особенно везёт! — едко отозвался колдун, досадуя, что Владислав отвлекается на такую ерунду и совсем не думает об опасном деле, предстоящем им.

Они вошли в склеп, и дверь со скрежетом встала назад, отрезая их от мира. Туннели казались тихими и темными, но в этом склепе они достигли нового уровня тишины — здесь не было жизни вообще. Не скреблись крысы, не висели по углам пауки на своих сетях, не копошились микроскопические жучки в щелях стен. Каждый звук, который рождался, здесь и умирал.

— Мы не выйдем отсюда, если что-то пойдёт не так, — тихо, под воздействием этого места, проговорил Алексей.

Владислав лишь кивнул, тоже придавленной тишиной.

— Какой? — наконец спросил пришлый колдун, разглядывая саркофаги.

— Тот, — Алексей указал на крайний слева.

Они приблизились к каменному ящику и встали в его изголовье и ногах.

— Сто лет для него не срок, — проговорил Алексей. — Когда ты вытатишь кол, он бросится на тебя.

— Я?! — переспросил Владислав.

— Это же ты пришёл за его сердцем.

Владислав, будто бы усомнился в своих решениях. Оглядел соседние закрытые саркофаги.

— А нет ли кого-нибудь, не такого свежего?

— Нет. Что поделать?! У нас огромный спрос на сердце вурдалака — кровососы на каждом углу. Но если ты передумал...

— Нет, не передумал, — качнул головой пришлый колдун. — Но иногда стоит поискать простое решение. Ты ведь знаешь, что делать с адской тварью?

Алексей коротко кивнул.

— Тогда погнали!

Отбросив колебания, Владислав взялся за плиту. Алексей с другой стороны ухватился за её края, и они с натугой сдвинули гладко отёсанный камень. Через щель наружу проник тяжёлый дух тления, и оба колдуна отшатнулись, прикрываясь рукавами. Запах вытек и растворился в пространстве склепа, став не таким невыносимым. Колдуны снова ухватились и сдвинули плиту ещё немного. Световой шар завис над саркофагом, осветил скрюченный иссохший скелет с воткнутым в сердце колом, в который вцепились костлявые руки. Тёмная кожа, обтягивающая кости черепа, обнажала глазницы и черные выступающие клыки.

Владислав взялся за осиновый кол, проткнувший вурдалака, потянул на себя. Иссохшее лёгкое тело приросло к колу и приподнялось за его движением. Две серебряные пули выпали на дно саркофага через прогнившую плоть. Едва выпало серебро, как багровым вспыхнули черные провалы глаз. На колдунов уставился сам ад. Труп разжал костлявые пальцы с длинными когтями, позволяя вытащить из себя кол. Алексей шагнул назад, нащупал и вынул из кармана старинный револьвер с полным барабаном серебряных пуль. Он наблюдал и выжидал.

Владислав вынул осиновый кол из груди вурдалака и замер. Мертвец из саркофага смотрел прямо на него. Колдун не шевелился.

— Заклинание! Давай заклинание! — крикнул Алексей.

Но под взглядом вурдалака Владислав оцепенел. Вурдалак вылетел из саркофага, будто вытолкнутый пружиной, и приземлился прямо на грудь колдуну. Тварь была в два раза меньше него. Пасть с клыками очутилась напротив шеи Владислава. Вурдалак извернулся, приготовившись впитаться в вену. Алексей прицелился.

Серебряная пуля пройдёт через присосавшегося вурдалака, не причинив ему вреда, но убьёт Владислава. Вур-

далак остановиться не сможет, напьётся мёртвой, отравленной крови. Отрава его не убьёт, лишь ослабит, тварь потеряет ориентацию. Вторая пуля застрянет в теле, обрастающем плотью, и ослабит ожившего мертвеца, так что тот не сможет пошевелиться. Тогда Алексей вырвет его сердце. Вурдалак рассыплется прахом, на этот раз навечно. Правда, его место в гробу займёт мёртвый пришлый колдун, с воткнутым осиновым колом, чтобы он не обернулся в вампира.

Все это представилось Алексею за короткий миг, прежде чем он нажал на курок, и он подумал, что нужен другой способ, который позволит обойтись без потерь.

Но вурдалак отшатнулся от колдуна, которого оседлал, и издал звук, похожий на шипение спускаемой шины. За отогнутым воротом плаща, Алексей увидел кожаный ошейник с серебряными шипами, на которые наткнулось чудовище. Тварь утратила контроль над Владиславом, и он, справившись со ступором, оторвал от себя вурдалака и отшвырнул прочь. Лёгкое иссохшее тело перелетело через саркофаги куда-то к стене.

— Плохо дело, — сказал Алексей, оглядываясь в ожидании нападения, — теперь нам придётся гоняться за ним по всему склепу.

— Твоя очередь служить приманкой. Готовь шею! — нервно хохотнул Владислав, стряхивая с кончиков пальцев новые фоты взамен угасших в те мгновения, когда он потерял над собой контроль. Колдун подумал и добавил ещё света:

— Это даст нам небольшое преимущество.

Вурдалак перескочил из-за одного саркофага за другой настолько стремительно, что Алексей не успел прицелиться. Все затихло. Оба колдуна, встав спиной друг к другу, озирались, стремясь угадать, откуда нападёт тварь.

Это случилось внезапно. Алексей повернулся и увидел летящего на него вурдалака. Удар был неожиданно силен,

и колдун рухнул на пол, выпустив револьвер, отлетевший прочь. Вурдалак ударил его наотмашь, прижал к полу. Боль обожгла лицо, а сознание онемело, будто ему вкололи новокаин, и мысли застыли. Исчезло все, кроме острых, надвигающихся черных клыков. Что-то тёмное вторглось в пространство между ним и пастью твари. Алексей в каждой мелочи рассмотрел подошву, заметил кусочки красной глины и камушки, налипшие на неё. Окованный железом носок высокого, зашнурованного ботинка Владислава врезался в морду вурдалака. Что-то хрустнуло в хлипком теле, и тварь снесло прочь.

Время вернулось к обычному течению.

Вурдалак отлетел на пару метров, приземлился на четыре конечности, словно гигантский и опасный паук. Вся его поза выражала неукротимую злость и голод.

— Спасибо! — поблагодарил Алексей колдуна, вскакивая на ноги.

Владислав едва кивнул. Он был весь сосредоточен на твари, не сводил с неё глаз. Что-то в нем менялось.

— Я есть свет и очистительный огонь! — произнёс пришлый колдун, и голос его наполнил склеп. Слова уже отзвучали, но голос звенел в склепе, носясь между стен. Владислав изменился и сам. Он стал выше, и образ его просветлел. Алексей, которому была недоступна такая магия, отступил на шаг, поражённый зрелищем. Вот почему Орден не забывает о том, что колдуны произошли от ангелов! Колдуны Ордена сохранили в себе частичку той великолепной силы, которая заставляла моря расступаться, солнце останавливаться, а демонов повергала в ад.

Вурдалак задымился. Он перевернулся на спину, извиваясь, пытаясь потушить огонь.

— Сердце! — воскликнул Алексей, очнувшись от наваждения, и предвидя, что вурдалак сейчас обратится в пепел. Сам он не мог вырвать сердце — огонь паладина был опасен и для него. Владислав подошёл к вурдалаку, ткнул

ладонью ему в грудь, проламывая ребра и вытащил чёрное слегка дымящееся сердце. По иссохшему скелету вурдалака пробежала волна синего пламени, и прах опал на пол.

Все возвращалось на свои места, и колдовство рассеивалась. Тот свет, который сжёг исчадие ада, померк в колдуне, и Владислав опять стал пришлым чужаком. Он вынул из внутреннего кармана плаща кожаный мешок с гербом Ордена и запихнул в него вурдалачье сердце. Алексей подобрал с пола револьвер, по пути зачерпнув пепла, оставшегося от вурдалака, и стряхнул его в правый карман.

— Надо вернуть плиту на место, чтобы те, кто придёт после нас знали, что мы справились со своей миссией, — произнёс он.

Колдуны, напрягая жилы, задвинули каменную плиту на опустевший саркофаг, оставив зазор, через который можно увидеть пустую внутренность каменного гроба. Отряхнули руки, отдуваясь.

Алексей сунул правую руку в карман плаща. Пальцами растёр пепел, размазал его по ладони. Возле дверей Алексей взял нож в левую руку и чиркнул по правой ладони. Выступила кровь, и он провёл по металлу двери, оставляя кровавый след. Ничего не произошло.

— Он тебя укусил? — тихо спросил Владислав, наблюдавший за ритуалом.

Алексей помедлил с ответом. Ещё один поворотный момент. Ещё одно решение. Сколько же их будет сегодня? Выбор из двух вариантов всегда казался ему невыносимым, и жизнь свою в такие моменты он ненавидел.

— Оцарапал, — Алексей показал отметины на лице, оставленные когтями. В порезах запеклась кровь. — Я не думал, что заражусь.

— Это не зубы, — заметив Владислав. — А значит, он не попробовал твою кровью, и ты не безнадежен. Зараже-

ние не через укусы крайне редко. Есть хороший шанс выбраться из передраги.

Алексей покачал головой.

— У нас обоих его нет. Ты же видел, что моя кровь не принята. Ее больше не признают кровью хозяина. Это не укусы вампира, который можно излечить. Это отметина самого дьявола. Я уже не выйду отсюда, а значит, и не выбраться и тебе. Варианта у нас два: или ты убьёшь меня, и сам умрёшь медленно и мучительно, или я убью тебя, и мы оба, обращённые, проведём тут вечность.

Привалившись спиной к стене, Владислав пожевал губу, обдумывая варианты:

— Ни один не устраивает, — заключил он. — Придумай что-то ещё.

Алексей нащупал в левом кармане шарик, скатанный из его пыли и крови, вынул покатав в пальцах и незаметно сыпанул под ноги Владиславу. Затем он оперся спиной о стену с другой стороны запертой двери, проговорил:

— Только моя кровь откроет нам выход. Или у тебя есть ещё такой же туз в рукаве, как и ошейник с серебряными заклёпками.

Владислав ухмыльнулся. Расстегнул его и небрежно сунул в карман.

— Очень давит, а я никак не привыкну, хотя во время охоты приходится все время быть в нем.

— Ты не слишком обеспокоен тем, что заперт в склепе наедине с вампиром.

— Предпочитаю решать проблемы по мере их наступления. До обращения сутки, или больше, и пока моя шея в полной безопасности. Почему бы не провести несколько часов в беседе с другом?

Алексей сжал руку в кулак так, что ногти впились в ладонь. Как это у Владислава все выходит так легко? Он не мучает себя вопросами, и, кажется, всегда знает, что говорить и делать...

— Что будет с разбушевавшимся драконом? — с той же лёгкостью Владислав переключился на новую тему.

— Сивунец надолго не оставит сокровищницу. Он вернётся обратно. А пока никому туда не добраться — я засыпал единственный вход тогда же, когда выстраивал стены между нами и горынычем.

Повисла тяжёлая тишина.

— Твои товарищи, наверное, погибли под этим завалом, — добавил Алексей и пристально взглянул на чужака. Говорили, что таким взглядом можно снять кожу с человека. Но он не на того напал.

В глазах Владислава вспыхнуло пламя гнева, вспыхнуло и сразу погасло. Он обдумал что-то, а потом спросил:

— Когда ты догадался?

— Не сразу. Туннель засыпал на всякий случай. Вы хорошо подготовились. Продумали, как выманить Сивунца, и чем занять меня. Другие колдуны в наших краях большая редкость, конечно, я не мог упустить случай добыть вурдалачье сердце — ведь для этого нужны двое. Хороший план, сложный, многоходовый, продуманный.

— Да, магистр — умный человек, — откликнулся Владислав, почему-то успокоенный его ответом. — Но наша миссия не отменяет всего того, что я тебе говорил. Вы, русские, диковаты и недоверчивы, держитесь — как это говорится? — наособицу. Алексей, тебе не обязательно гнить в этой дыре. Ты сильный колдун, и мог бы занять высокое место в Ордене. Зачем тебе жить на полуполюгальном положении и дожидаться, когда за тобой придут? А ведь они придут за тобой...

— Кто-то гниёт в дыре, а у кого-то планы править миром, — с иронией произнёс Алексей.

— Я этого не говорил! — возразил Владислав.

— Подумай сам: для чего ещё нужны артефакты из нашей сокровищницы?!

Владислав недолго помолчал. Голос его прозвучал так, словно он сдался в долгом споре:

— Кто-то все равно будет править. Уж лучше мы, чем они.

— Тебе не хватает уверенности в своей правоте и одержимости, которая есть у одного моего знакомого попа, — заметил Алексей насмешливо.

Владислав качнул головой, показывая, что не собирается продолжать эту тему. Оба опять замолчали.

— Есть поговорка: где родился, там и пригодился. Если такие, как я, уйдут, то кто останется здесь? Тут, в России, спрятаны удивительные и опасные артефакты, и кто-то должен сберечь их в неприкосновенности.

— У тебя комплекс мессии. Какой смысл ломать хребет под тяжестью этого креста? Зачем и кому нужен подвиг?

— Давай закончим разговор, — устало проговорил Алексей. Он и сам часто размышлял о своей доле. И хотелось, и мечталось другого, но он сам выбрал провинциальный городок, и считал, что по сравнению со многими другими его жертва невелика. При небольшом старании себя можно убедить в чем угодно, со временем привыкаешь к любым неудобствам, разношиваешь их, как новую обувь. Начинаешь испытывать удовлетворение от собственной праведности, и крест уже не кажется тяжким.

Главное, чтобы на пути не попался человек, предлагающий вместо тюрьмы свободу.

Вот как сейчас Владислав...

Оба надолго замолчали, обдумывая каждый своё. Алексей, чувствуя, что время поджимает, а ему известно ещё не все, нарушил молчание первым:

— Скажи лучше, как ты намерен выпутываться из нашей скверной истории?

— За мной рано или поздно придут, — ответил Владислав равнодушно. — В Ордене знают о склепе. Магистр что-нибудь придумает и разрушит даже твою магию крови.

Плохо только, если они не успеют спасти тебя, поэтому будем ждать до последнего.

— Как великодушно с твоей стороны, — пробормотал Алексей. — К сожалению, я не таков.

— Что?! — не понял Владислав.

— А ты не чувствуешь моего заклятья? — проговорил колдун. Он должен бы торжествовать: одолеть такого сильного мага огня не каждому под силу, но Алексей испытывал лишь горечь. — Твоё тело превращается в камень, и это не метафора. Я бросил тебе под ноги горсть заговорённой земли. Заклятье, которое опутало тебя, неприятное, но не смертельное, и тем хуже. Может, ты проведёшь тут вечность, прежде чем тебя освободят, а может, не освободят никогда.

Владислав посмотрел вниз, на ноги. Попробовал сделать шаг, но ноги окаменели, приросли к полу. На его ладони вспыхнул огненный шар. Алексей смотрел, как он поднимает руку, и бездействовал.

«Может, так лучше? — мелькнула мысль. — Хотя бы не придётся жить с этим. Устал...»

Рука Владислава замерла в середине пути. Белый огненный шар на его ладони остыл, став сначала оранжевым, затем красным, а потом и вовсе угас. Пару минут светились кончики пальцев колдуна, пока не стали серым камнем. Превращение завершалось, и фоты, освещающие склеп, потухли один за другим. Алексей поспешно включил фонарь и навёл луч на Владислава. На лице пойманного в заклятье колдуна жили только глаза. Выражение в них было такое, что Алексей поспешно убрал свет.

— Убей меня! — выдохнул Владислав, едва разборчиво.

— Не могу. Ведь ты прав — мы друзья. Я оставляю тебя в темноте и одиночестве, а все потому, что мне больно и стыдно смотреть, что я сделал со своим единственным другом...

Алексей остановился, вспомнив гадание, казавшееся утром таким нелепым. Он всегда, всегда боялся доверять, боялся, что друг предаст его. И вот — предатель он! Как жизнь умеет перемешивать карты!

«Не буду больше гадать! И без этого погано», — с тоской пообещал он себе.

И продолжил говорить:

— Но я оставлю тебе надежду: артефакт останется у тебя. Однажды кто-нибудь придёт за ним. Знание этого, может быть, сохранит тебе рассудок...

Он вздохнул и устало добавил:

— А пока я сделаю для тебя, что могу — останусь с тобой, пока ты не потеряешь способность слышать и видеть...

Позже, когда превращение закончилось, колдун обтёр пепел проклятого с ладони и с ожесточением полоснул себя по руке. Кровь была принята.

Из склепа он вышел скорбно сутуля плечи, и каждый шаг давался ему с трудом, точно он попал под действие своего же заклятья, но чем дальше он уходил, тем быстрее несли его ноги. Где-то в подземельях свирепствовал Сивунец и, возможно, ещё живы другие колдуны Ордена. Они не должны получить артефакты.

ТАТЬЯНА ВЕРТОСЕЛЬГА

Об авторе

Клеопатра Тимофеевна Алёшина-Матюшина родилась 3 декабря 1936 года в городе Вытегра Вологодской области в семье коренного вертосёла Тимофея Тихоновича Алёшина и Татьяны Ивановны (урождённой «Кирилловой» из города Казани). После окончания семи классов общеобразовательной школы №11 в городе Вологда окончила Кирилловскую культпросветшколу; работала в клубах, Домах культуры, в управлении культуры Воло-

годского облисполкома, в областном научно-методическом центре культуры.

В писательской среде проявилась как писатель в 60 лет (об этом – в моих рассказах «Откровение» и «У подножья Парнаса»). Пишу прозу под псевдонимом Татьяна Вертосельга, а мои стихи подписываю просто – Клео. Тим. (кстати, хочу сказать, что человека с именем «Татьяна Вертосельга» никогда в природе не существовало, а имя «Татьяна» – имя моих пращуров, повторявшееся с 18 века, а «Вёртосельга» – это моё «АА-Ууу!» вертосёлам, родившимся в деревне Вёртосельга).

Моё первое произведение «Редкая вещь» было опубликовано в 1996 году в пресс-релизе литературного объединения «Ступени»; затем издавала свои книги самиздатом: «Визави», «Холи-моли», «Оборванная нить», «Язык моих предков», «Брыська и другие», «Небеса мои земные», «Перекрёстки», «В краю пустельги», «Банановый город»; несколько книжечек стихов («Чудеса для Мариечки», «Родные пороги», «Жаль», «Ты есть», «Стало быть»), «Воскресенье» и «Вертосельга» (краеведческого характера), «Вяньги» - почти автобиографична, все герои книги носят имена своих прототипов – моих родственников и знакомых, живших в городе Вытегра в 20-40-х годах 20-го столетия.

Радиозаписи Гостелерадиокомпании Вологда в радиопрограмме Татьяны Ляпиной «Семейный очаг» – звуковые кассеты под названием «Сказки бабушки Клеопатры» имеются в фондах: Вытегорского краеведческого музея; в библиотеках вытегорских школ; в Московском архиве звукозаписи, у Н.Б.Солобай; в Мичиганском университете у адъюнкт-профессора кафедры славистики Майкла Мэйкена.

В 2005 г. журналист Гостелерадиокомпании Вологда, автор радиопрограммы «Родной очаг» Татьяна Ляпина в Тюмени на фестивале «Сибирский тракт». представила запись моего голоса с моими сказками и получила специальный

диплом «Приз Союза журналистов Тюменской области»; в 2007г. на профессиональном конкурсе журналистов северо западного региона «СеЗаМ-2007» Татьяна Ляпина получила Диплом победителя в конкурсе «За лучшую радиопрограмму», заняв первое место «Без песни солнце не вставало» – звукозапись (моего голоса) моих рассказов, кстати, названием программы послужило название одной из глав моей краеведческой книги «Воскресенье», изданной в 2004 году; издававшихся в 1997 – 2002 гг. в издательствах «Свеча» Галины Щекиной и «Евстолий» Юрия Малозёмова г. Вологда.

В 2001г. публиковалась «Рождественская сказка», (Журнал «Мезон» №12, издательство «Учебный центр Мезон» г. Вологда, и в Вытегорской газете «Красное Знамя» №150 от 27 декабря)

В 2004г. вошли в хрестоматию для школ, изданную Вологодским госпедуниверситетом: «Сказы и были старой Вертосельги» (Хрестоматия -вып.3 «Устное народное творчество Вологодского края», составители сборника С.Ю.Баранов, М. А. Вавилова, С.Н.Смольников, г. Вологда изд. ВИРО, 2004).

В 2005г. Сказ об озере из рассказа «Овсяник» вошёл в учебник для 8 – 9 классов общеобразовательной школы под редакцией Е. А. Скупиновой и О.А. Золотовой – в учебник «География Вологодской области», изд. Вологодский госпедуниверситет, ООО «Учебная литература», группа компании «Ворота Севера».

В 1997 Рассказ «Овсяник» из книги «Огнищяна» был опубликован в краеведческом альманахе «Вытегра-3» изд «Русь».

В 2004г. – Рассказ «Овсяник» из книги «Огнищяна» был опубликован в региональном журнале «Север», изд. Союза писателей России, в городе Петрозаводске.

В 2005 г. театр самодеятельных артистов Шекснинского Дома культуры поставил

пьесу по книге «Холи-моли».

В 2011 году театр «Чебурашка» поставил спектакль по моему рассказу «Охобетье».

В 2016 г. я стала номинантом премии «Писатель года», но издаваться в альманахе отказалась из-за безденежья.

2017 год – вновь номинант премии «Писатель года!» («Оборванная нить» и «Любушка»). На этот раз решила идти до победы, благо появилась копеечка (доктора приговорили мои глаза к первой группе и прибавили пенсию). И ещё была номинантом премии «Писатель года» в альманахе «Георгиевская лента – 2017».

В 2018 – номинация на премию «Писатель года» (рассказ «Солнышко моё», платной публикацией его участвую в издании альманаха «Писатель года» -2018).

Порезуха

«Всю-ту ночь посудой брякали – запомнище на век:
цётуре малиньких х...и

на девить целовек» (молодецкая нонешная)

Было раннее морозное утро, когда Васька возвращался с вечерованья. Нынче он провожал с игрищ весёлую хохотушку Малашку. «Приходи взавтре на кйсели!» – Малашка искоса глянула на прихехёну, расхохоталась, взбежала на высокое крыльцо, обернулась: «Ай далёко бежать?» «А цё ждать завтра?» – распахнув полушубок, Васька козлом скаканул на крыльцо, но Малашка шустро заскочила в сени, и тяжёлая дверь захлопнулась перед самым носом разгорячённого парня. Васька отпрянув, постоял, остывая, независимо хмыкнув в ответ на ехидно-прижмуренный глаз луны, вышел за ворота, и от полноты чувств, заорал во весь голос: «А ми-иня милка-дык не цэ-лует, гово-рит:

потом-потоо-ом...», и скинув с плеча гармонь, рванул меха так, что псы во дворах взвыли благим матом. Приятелей, провожавших малашкиных подружек, не стал дожидать: «Мот до зорьки проваландающе ак...» — и заливая морозную округу замысловатыми переливами гормоники, веселя себя, и тревожа ночную тишину, вышел на росстани. Дорога вилась полями, перелесками, с холма на холм... Луна, рассыпая снежное сверкание по обочинам, ползла следом, то обгоняя, то заглядывая в глаза. Малашкина улыбка пьянила воображение, и скор был шаг влюблённого парня. Васька и не заметил, как отмахал несколько вёрст, и две сонные деревни были уже позади, когда усталость в коленях и боль в стёртых пятках как-то сгладили ощущение счастья, зародившегося в душе от лукавых Малашкиных глаз. «Ажно в Ряпсины — не близкой свет! За семь вёрст киселя хлебать!» — вздыхает Васька, поправляя давно закинутую за спину гармонь. И тут из-за гребня ельника широкой огненной полосой выплеснулось зимнее солнце. «Воно уж сонцё в неби, а минё-ка ищё топать и топать!».

И уже первые солнечные лучи нежно золотили снежные пуховики, свисавшие с крыш, когда он, наконец, переступил околицу родной деревни. Синие ночные тени ещё дремали за углами и под стенами домов, и деревенская дорога была ещё пустынна и широка, но деревня, привычно поднявшаяся ещё затемно, уже курилась печными дымами, брякали подойники, мычали коровы, встревоженные гусиным гоготом, влаивали псы. Тёплый солнечный луч, сверкнув малашкиной улыбкой, тихо прильнул к васькиной щеке, и лёгким маревом затрепетало васькино воображение. Но тут за спиной раздался отчаянный поросячий визг. Васька вздрогнул и, суматошно отскочив к обочине, оглянулся. В ближнем от дороги хлеву, мужики суетились над кабаньей тушей. «Хоссподи!» — вспомнил он: «Ак ыть нунько порезуха!». Над деревней струился запах жареного мяса, занозой впиваясь в голод-

ный васькин пупок. «Дядька Ларивон!» – Васька обрадованно встал у знакомых ворот. Запах жаркого щекотал ноздри, перебирал пустые васькины кишки. И Васька решительно сдвинул шапку набекрень, сдёрнул с плеча гармонь и шагнул на крыльцо.

Из распахнувшейся избы вместе с клубами вкусно пахнущего тепла выплеснулось к его ногам и взмыло в морозную высь под нахмуренную сугробом крышу печально-пьяненькое: «...а по-утыруу онаа-а просыну-улаааьсь, кыругомы помя-а-тая-а травааа..». «Ну, цё стал? Прохóдь ко столу, перекрестясь! Ну́нко день такой – ко́жной гось до-рогой, а ишо и з гармо́нёй!..» – пригласили вошедшего.

«А пе-эцька то-пицце го-ла-ноцика, варйцце рата-тууй-Уй!» – ухнул с порога гость, обрадованный ласковым обхождением, и пальцы его привычно забежали по кнопочкам, и немислимыми переливами зацокали пуговики заливистой гармошки; и задышали, заходили её васильковые меха, радуя и веселя всё живое. И оживились, запритапывали мужыцкие валенки под столом, и... «А по-о́кыра-ямы лежыты кары-тошыка...» – растянули хмельными улыбка-ми рты собутыльники. И уже отодвинуты стаканы, и сотрясается в горьке посудь, и прогибаются половицы под удалой пятой косматого, одуревшего от праздничного обжорства мужика. «А-аккулина – кума Яшыы-на», – не выдержал и павою поплыл из-за стола Илюшонок: «...у-у Кузи-мы кошолыку сытяшыы-ла» – старательно выписывал он кренделя заплетающимися ногами, жеманясь и крутясьвокруг игрока. Пьяный язык плохо проговаривал слова, сызмальства знакомые всему застолью. И все весело хохотали, глядя на представление.

«А за игру твою весёлую спасибо, гармонист», – крунула подолом молодайка, поднося стакан игроку. «Давай-дав-ваай!» – ободряет племянника хозяин: «Закусывай, закуу-сывай!» – пододвигает он ближе к гостю блюдо с жирными кусками жареного мяса, посыпанного колечка-

ми репчатого лука. Тот, согласно покивав, отставил стакан, прожевал кусок: «Не слышал? — У Нэти с Талінсельги поли́ницу розкатали!» Рты медленно закрылись, ложки застыли на пол-пути к мискам (новости были не из приятных и могли коснуться каждого), в глазах застыло нетерпеливое любопытство: «А ишо што?» «Ну, да́ле-то, дале!» «Дале-дале..», — огрызается Васька на нетерпеливых слушателей: «Не виш — мяса дали!»

«Ну дак ишо-то, ишо-то што, не томи́, ну-у!»

«Не понукай, не запряг!» — Васька ловко управлялся с сочным куском мяса, не обращая внимания на встревоженных сотрапезников.

«Ну-у!» — не терпится слушателям.

«Не погоняй, не поехал!» — неторопливо сдабривает мясо тёртым хреном и чесноком Васька: «А у Питейка на Розмёги, — бросил он кость под стол: «...вороты унесли».

«Балуют, ой, и балуу-ют молодяжка», — вздыхают слушатели: «Ну, ак на то и святошны веце́ра — пусь покудэ́сят, по́ки молоды-ты.!»

«А у Кире́я с Ма́теньжы кобеля запрегли, да в полё прогнали».

«Дурак — кобель-от, эк доверилсе!»

«Буш дурак, как мяса дадут!» — хохотнул хозяин, склонясь в сторону племянника: «Да, ты еш-еэш, не стесняйсе!».

«А кобель отворотилсе, да — в подворотню!».

«Нн-ну!» — округлились интересом глаза слушателей.

«Копыльё гну! Розворотил плетень-от!»

«Нн-даа, Кирею нунько не до смеху!» «Ужо, выдас кобелйшке!» «Пропишот с прозвончиком!» — похохатывая, прохаживались мужики в адрес киреева кобеля, радуясь, что святочные новости, не коснулись их дворов.

«А в ро-шшы у те́шшы соло-ушки поку-т, те́ш-шы моёй оны спаа-ти не да-ю-ут», — рывкнул вдруг, слегка протрезвевший, Илюшонок.

«Ну-к што, мужыки, шарнём!» – поднял стакан Егор.

«Шарнём!» – согласно зазвенели стаканами.

«Пой-ду я в ро-шшу, убью со-ло-вьяа...» – бесшабашно потрянул кудрями, Илюшонок. «Давай!» – чёкнул стаканом о стакан Илюшонка Егор: «На помйн души». Замерли поднятые стаканы. «Знатной был боровок!» – хохотнул Егор, глядя на растерянные лица. Мужики молча плеснули в себя и остервенело захрустели огурцами.

«...а пусь спит спокой-нинько тё-шша моя», – уронил голову на стол Илюшонок, не успев закусить.

«... и не жырной, навроде, а такой-ли, понимаш!..» – ухватив со сковороды кусок, обернулся Егор к хозяйке.

«Ну, тык-ыть, и кормили на мясо, а не на прёдаж», – просияла та: «А сало, куды ёво, ишо прошлогоднё воно где стоит!»

«А мы пёки не думам свово-то колоть», – задумчиво глядит в окно Егор: «К свадьбы оставляю» «И тоо, и то-о!..» – согласно кивает хозяйка.

«Ак ыть ёму пора уж делить хозяйство-то!» – вмешался Ларион, закидывая в рот очередной кусок мяса: «Середней-от у ево старшово догонят. Но-ко, давай, шарнём за сынёв!» «Уй, лаа-дно, уй-и хорош-шоо!» – Парамон провёл по темечку стаканом, опрокинутым вверх дном: «Ровно Исус в лыковых лапотках протяпал – как лехко изделалосе! Егорша, а ты цё зло оставлеёш? Допивай давай, допивай! Што-бы де-неж-ки води-лисе, штоб яа-иця клалйиись!»

«Ак, а последня-та – девка, ак тожо не мало што нать!» – потянулся к сковороде Егор. «А меньшуха-та, ак всяаа в тибя, ну вык-копаной патрет!» – жуёт кусок Парамон: «А вот уж старшэнькой...», – он прижмурил один глаз, а в другом заиграло злорадное ехидство: «...старшой-от – весь в твоо батюшку.»

«Ты-ы на што намекаш, на што намекаш, аа?! – резко отодвинул стакан Егор: «Ты ццёо?!». «Цёо – «цё»? Тут и намякивати нёцё-о! – ухмыльнулся Парамон.

«Хазыбулатудаа-алоа-ай, бедына саа-кля ты-во-яааа» — отчаянно высоко взвился голосом Васька, и дёрнул гармонь вростяжку, в попытке заглушить назревающий скандал.

«Дело жытэйско, нецевё зазёрнова туока нёту!» — поняв его маневр, призывно поднял стакан Ларивон: «Ить и все досюльни-ты старики перву сношэнькину ноцьку за своё правобрали! Сыспокон, с веку — первой-от сын за всегда на свёкра схож».

«А другой-от и вовсё — на Митьку Кудряша смахиват!» — откровенно захохотал Саватёнок. Взгляд Егора потемнел, взпухла вена на крепкой шее, руки налились яростным желанием всё крушить.

«Да, не ярисе ты! Сиди! Он ковда у те народилсе-то? Цц... стало быть, на Олёксу Преподобново. Н-нуу, вот и шшытай: три мисяця наперед откидай... цц-ээ...», — безнадёжно развёл руками Ларивон: «...тут те и Купальня ноцька приспела — понял-нет!? На-ко глони», — подал он стакан: «Пей! Пей да закусывай! Не ты первой, не ты и последней. Да ты, Егорей, и сам-от не промах на цюжой коровой!»

«Ак, а пёки можно, да лъзя, ак знай-успевай, на то и русальни ноцьки. Ии-эх харра-шшо!» — опорожнив стакан, утёрся рукавом Егор.

«Хорошо-то хорошоо...», — глотнул и погладил свой кадык Парамон.

«Хорошо-то хорошо — коли выпьёш, да ышò!» — сыто икнув, захохотал Саватёнок.

«А пей умнёненько, дак ишò нальют!» — подмигул Васька Лариону, ставя на стол пустой стакан. Оживлённо мелькали над столом ложки, смачно чавкали рты, похрустывали огурчики на крепких мужыцких зубах.

«Да, ты поштò пецялуиссе-то? — прервала молчаливую трапезу хозяйка: «Вон у те девка-та — краса-авиця девка, настояшша славнұха — любо-дòрого гледеть —

девка-та!» – выпевала Марфа, пытаясь сгладить ситуацию.

«Ну-к и што-што девка, ак затò опеть жо какà-не какà, а выгода!» – не удержал языка Саватёнок: «В армею не забреют – раз!» -загибает он палец: «А нето, гледи, с кем из богатиньких породниссе – эт те два! А и в подоле принесет, ак опеть жо, всё – в дом, а не з дòму!» – увернулся он от кулака приятеля, скрипнувшего зубами.

«Да не слухай ты ёвò, пустельгù, мелёт што пòпада, язык бредёт под хмельком-от! А ты ишо и сам-от крепкой, ишо нарòдйш сибе богатыря – бúde кому хозяйство оставити!» – успокаивал дружка Ларион: «На-ко вòто похрусти огùрчиком, али вòто ишò грибòцьки!»

«Аоай и росыполы-нымы-поо-лынаа моя короо-бушка...», потянулся к нему с поцелуем очнувшийся Илюшòнок.

«Знà-атной был боров!» – вспомнил Еремей: «Цярство ёму небèsно!»

«Да ты цёё-о?» – вытаращилась от дверей Марфа, крестя его забытой в руке ложкой: «Борова- скота в Цярстве Небесно! Опупел ли ты, што ли?»

«А што?» – опèшил Еремей: «Тамо, пои, тожо ись хотят»

«Окстйсе! Цё лябондаш-от, об цём? Проспись, да не пей бòле!» – махнула на него тряпкой Марфа.

«А когыда-а бы-мелы златэ-е горы...», – лихо затянул тот, пытаясь исправить допущенную оплошность. «...и реэки по-лэ-нэе-э вина», – рьяно поддержали застольники. «Паа-ажыле-ээии-ий, душаа мая зазынòо-бушыка...», – не слушал никого Макарёнок, недавно вернувшийся с заработков из Питера: «...маа-аладèцы-кова плицяа-а, и-ээхы паажыле-ээи...»

«Давай, сват, пей, допивай! Ты цё – сердисе, ли цё?» – обнял друга Ларион.

«Ай!..» – махнул бесшабашно рукой тот и одним махом опустил стакан.

«Йй-эх, как хлеснул! — Тольке волны пошли!» — засмеялись одобрительно мужики.

«Ажно камень з горла покатилсе, а то и дышать было нецем!» — выдохнул, утирая усы Егор.

«Давай допьём, што-ли!» — повернулся к Егору Лазарь.

Марфа, довольная мирным исходом стычки и ещё больше скорым завершением дела («и мясо на крючьях вывешано на мороз, и шкура вычишшона как-нать, нани и следу в хлѣви от убюю не осталосе, не то, што в прошлomu годи!»), подливала самогону в стаканы, квасу в кувшин, подсыпала картохи, подкладывала в миски грибков и поджаренную до румяной корочки свежатинку. Все были довольны (сыты-пьяны, деньга в кармане) — хлопотный порезухин день заканчивался ко всеобщему удовольствию весёлым застольем. Вспыхнувшая было ссора затихла, никто больше не выкобенивался, не умничал, не заедался. А Егор — мужик, в общем-то, не скандальный не стал «тѣшить беса» — выяснять отношения с приятелем. «Ну наступили на больну мозоль...», — думал он: «...все однѣм миром мазаны... Ак а вслух-от пошто?!» — вновь закипал он обидой. «Ак, а Саватѣнок и сам-от, поговаривают, бутто зацят в Купальню ночь... ак ыть ево сызмалку и дразнили русаликом ...Ак так и есь — ить он другой в семье-то — вот и выходит, што «русалик!» —

Егор злорадно расхохотался, отмщённый. На душе стало просторно, и жизнь опять стала светла и празднично приятна. «А хо-рош-шы русалии — как-кѹ хош бабу лапай!» — сладко ухмыльнулся он в пьяную бороду: «... Ак мот и Стѣшка...», — подло исподтишка ударила мысль. «Быть тово не можот!» — трезвеет он. «Можот-моожот!» — нашѣптывал в ухо бес. «А эту сволоць, этова Ларивошку!..» — ярость вновь плеснула в глаза. Столешница подскочила под крепким кулаком разъярившегося мужика. Звякнули стаканы, брызнула на рубахи горячим жиром сковорода, попадали на пол карики, вскочили, го-

товые к драке, собутельники, испуганно взойкала Марфа...

А Егор уже ничего не замечал, не слышал. Перед глазами мелькали картины Купальной ночи: белели в кустах рубахи, голые тела, венки из цветов и духмяных трав на распущенных косах, шорохи, шёпоты, говор, пенье, костры Ивановой ночи; ухмылки и гогот дружков... И среди этого содома, откуда-то из-за дыма кострищ умные, родные отцовские глаза и его рука, любовно глядящая голову старшего внука. Егор встряхнул головой, отгоняя нехорошие, не нужные мысли, и набрав воздуха так, что в груди стало тесно, выдохнул во всю силу лёгких: «Пойду я в рёоа-шшу, убью соловьяаы...», — голос бессильно опал. Несколько мгновений натужно вглядывался в кромешную тьму, вдруг окутавшую его сознание: «Стёшка, едрит тя!.. Нну-ппапаа-ня, хрен старой, я т-те!..» Внезапно в голове его прояснилось. Хмель отступил. Сквозь глухой шум в ушах, он услышал далёкий, испуганно звенящий от напряжения родной голос: «Я те охера́ю, я тте охе-ра́а-ццю, едрит-твою!..» — пятился за самовар отец: «Го́шка — пёсьи твоё глаза! Ты што удумал-то? Ты на ково свою погану руку-ту замахну́л? Ты што се позволяёш-от, а? Погли-ко — с лаптям на рожу! За́лил зёнки-ти!? Но-ко, ма́ти, плесни ёму в рожу-ту святой воды!»

«Пошто ты, сынок, пошто? Но-ко оксти́се, давай, сядь на мулявинку-ту, прижми иё!» — суетилась рядом мать: «На-ко, на — выпей цяйку-ту горяцинькова! И што ты збелени́лсе-то?» «Шлея́ под хвост попала!» — пробурчал, успокаиваясь отец.

«А ты Стёшку-ту не виновать, не надэ, не забижай иё!» — поглаживая сына по голове, успокаивала мать: «Ить не нам заведено: свёкор на сноху — што орёл на ути-цю!»

«Но-о... ты ёму ишо про свою перву ноцьку доложи!» — зы́ркнул на неё Михай. Егор даже дышать забыл -

«Дед Илья!..То-то он на миня так уповат!» – внезапная догадка ослепила...

«Да не забудь про Купальни костры!» – отскочил Михай от вскинувшегося вдруг сына.

«А сам-от... жэрепцём церес костры скакал, сивой мерин!» – презрительно усмехнулась Агриппина, успокаивающе прижимая голову сына к своей груди. И пьяная ярость его, приглаженная материнской рукой, тут же погасла, как гаснет сверкнувшая летней ночью зарница.

«Ак а цё теряцце-то, пòки можно, да лъзя!..» – ехидничал Михай.

Вслушиваясь в перепалку родителей, Егор затихал в материнских объятиях. «И што ото я?..» – осмысленно глянул он по углам родительской избы. Живем мирно, не лаимсе, не как другий... Да, Бох с имà – з другиймà-та! Вот одделю стàршово...», – привычные мысли потекли по привычному руслу: «ожэню серёднёво, а там...». «Эх-хе-хе-хе-хе!» – услышал он отцовские сетования. «Прости мя, тятинька», – покаянно уронил он голову на руки: «...хмельно в голоу ударило! Прости!» «Повинну голбушку и мець не секёт!» – удовлетворённо хмыкнул отец, с достоинством поправляя ворот рубахи. «И ты, рòдна мàmынька, простиш-ли!?» –сын спрятал мокрое от слёз лицо в мàтериных коленях.

«Ну, вот и ланно, вот и ланно!» – утирает его глаза своим подолом мать: «А то иш – заходил кòдером-от, завыкамьыривал!»

«За ради Христа, простите!»

Пояснения разговорных слов: виш – видишь; дàле – дальше; завыкамьыривал – стал вести себя недостойно, закапризничал, завредничал; замысловатыми – сложными; зёнки – глаза; зьёркнул – быстро, исподлобья глянул; карикй – глиняная посуда, горшки; кòдером – задиристым петухом; кòжной – каждый; копьльё – верхние за-

гну́тые поло́зья саней; набекрень — набок; не виновать — не обвиняй; не выкобенивался — не красовался, не выхвалялся; не заедался — не задирался, не скандалил; нонешна — современная; нунько — сегодня; порезу́ха — сего дня (30.12 ст. ст.) резали свиней, заготавливали мясо впрок: солили, вялили, варили колбасы; по свиной печёнке и селезёнке судили о зиме: если селезёнка ровная и гладкая, то зима будет суровая, а если селезёнка толще к спине, то холода придут в феврале; толстая середина печени обещает морозы с перезимья (середина января); прихехёня — кавалер без серьёзных намерений; прихоть — желание; проваландающе — провозятся, затянут время; «пропишот с прозвончиком» — отхлещет ремённой плетью с металлической (звенящей) пряжкой; рѹсстани — место расставания — развилка дорог, околица деревни; руса́лии — ритуальные игрища в ночь Ивана Купалы; руса́лик — в языческих обрядах имело законное место право каждого мужчины поиметь любую девушку, женщину в возрасте до 30 лет; а, поскольку, замужняя женщина в этом возрасте уже имела одного (первого) сына, то второй мог оказаться сыном не от её мужа; снохачество — право свёкра на первую брачную ночь с молодой женой своего старшего сына. Поэтому наследником всего хозяйства считался младший сын (уж он — точно родной), т.к. старший — сын свёкра, средний — неизвестно чей — стало быть, русалик; упова (е) т — надеется; шлея — предмет лошадиной упряжки.

«Хош верь, хош нет, а я своими глазами!..»

(недавняя быль)

«Над селом фигня летала

серебристого металла...»

(совр. Вологодский фольклор)

Летняя ночь ласковой тишиной окутала уставшие от дневного шума улицы и, сторожко прячась в зарослях городских парков, звёздно глянула в прозрачные стёкла окон, закравшись мягкими сумерками в распахнутые двери подъездов засыпающих многоэтажек, просочилась в квартиры. И снились людям сны... Мне же эта ночь навевала бессонницу и поэтическое настроение. Лето наисходе. Ночи ещё не холодные, но уже прохладно-влажные, и не такие светлые, как в начале лета... И звёзды по-осеннему ярко поблескивают в тёмно-синей глубине неба, и душа желает вознестись туда и закутаться в этот мягкий бархат блаженства, и кажется, вот сейчас — только раскинь руки, и полетишь как птица... Уий, моё-моё?! — изумление пронзило меня, стрельнув лёгким испугом в пятки, ажно дух перехватило, сердце замерло и затрепыхалось у самого горла — а-а...

А над балконом, над моим балконом девятиэтажки под номером 72 по улице Герцена, прямо надо мной чуть выше соседней пятиэтажки торчит странный такой, разноцветный и мигает-мигает... Пока тарачилась соображая, в себя приходила, сомневалась да оглядывалась — слинял! Пропал и всё: ни следа, ни адреса — был да нет! Как говорится — вы были, но выбыли. Вот и поди докажи! Вижу, не веришь. Я и сама-то думала — померещилось. На другой день на работе вся, знаешь ли, на нерве, никому — ничего, а сама всё на часы поглядывала — конца рабочего дня дожидалась. А время-то, сама знаешь, когда ждёшь дак оно, как назло — черепахой ползёт. В кино, конечно же, не пошла (обычно с работы — в кино, дома-то не ждёт никто — вольная птица!). А в ТОТ день — сразу домой! Летела-торопилась, словно на первое свидание! Едва сумерек дождалась. И только стемнело, я — на балкон! Встала, глаза — в небо, стою вся в ожидании трепетном, жду!.. Небо разглядываю: воон там ЭТО было вчера! Сегодня — пусто. Ладно, жду. Тихо, спокойно в округе моего

балкона. Звёзды, звёздочки дрожат, и загадочно так перемигиваются. Но я на ихнее ехидство — нолём, мне эти фйгли-мйгли — пофиг, потому как я — вся в ожидании чуда. Вот!.. Нет, слишком высоко — вглядываюсь — а вроде, и не очень. Самолёт? Нет. Может спутник? Их там сейчас оё-ёй сколько! Едва ползёт, спутник-то — быстрее. Здравасте — следом ещё двое! Уже не отвлекаюсь, напряжённо фокусирую странное движение в небе: не высоко, не быстро, нешумно. Ещё пара, ещё... и, главное, все на одной скорости! Дистанцию держат как на параде! Не-ет, думаю, это не звёзды, и не эскадрилия краснозвёздная. Уй, мама дарагая, да сколько же их там ищёт!?

Только это я так подумала — все выползли. И ты знаешь, тихо так, безшумно, и меедленно- меедленно, и парами, и не в ряд, не строем, а клином таким — углом. Выползли и вот те на те — згасли! Разом все! А вот так: пропали! Отбыли, так сказать, в неизвестном направлении! Да кто их знает «куда». Ак ведь уж года два, как... ты чё, первый раз слышишь? Нуу-у здрасте, сватья — новый год, не слыхивала она! Да и по радио, и в газетах писали, будто Америка (такие дошлые!) поймала парочку этих летунов. Ну, не знаю, а только уж ежели говорят, ак уж зря не скажут! Ну, а тут ещё и народ стал пропадать! Как-как! Не слыхала ли чё ли? Ну уж, не знаю, ты как не тут живёшь! Кругом только об этом и разговору, а она — «Не слыхала!» Ну дак слушай! Пишут, будто пропадают, ну куда-то деваются, неизвестно и куда, люди! Вот пропадут — прямо пропадом, а потом вдруг откуда ни возьмись, объявляются в газетах: «Ой и где я был!.. Оой и што я там виидел!..» Такую лапшу на уши развесят! Тоже мне — герои неизвестности! И я бы так смогла! Ойй, а бабы-бабы!.. Офигеть можно — бабье толпами попёрли в точки приземленья! И поползли тут слухи шыре да боле: одна, слышно, забеременела в гостях-то. Ну дак её наши-то химики изучать начали — чуть не под микроскопом, как бу-

кашку какую: условия создали, на полное удовольствие поставили. А што-о, так-то дак и я бы согласилась: тридцать три удовольствия — вот повезло же, а! Даты чё, и впрямь газет не читала? Н-ну, мать моя — женщина без мужчины! Обожди-ко, ак и до тебя доберутся! Кто-кто! Дед Пехто да баба Пухтя, как не понимаеш ак! Да пришэльцы с космоса — вот кто! Я-то? А я-то чем хуже? А вдруг, и мне повезёт — чем чёрт не шутит, а вдруг!

Ну дак слушай, что дальше-то было: до утра простояла я тогда и так ничегошеньки и не выстояла. Но зато вечером, представляешь, ЭТО опять повисло над моим балконом, только с другой стороны с западной, и понимаешь-ли, низко так повис. Висит — голубеет, и разноцветно мигает-мигает... Может, думаю, мне какие сигналы подаёт! И оторопь меня взяла: а вдруг я — очередная жертва похищения! Мама моя рѳдная! Оторопелая стою, гляжу на него, а и ТОТ тоже стоит. Минута... другая... Стоим. Я на балконе, ОН надо мной. И не круглый он вовсе, а такой — чуть приплюснутый, как пышка, нет, скорее на юлу похоже. Помнишь, в детстве игрушка такая была? Ну-у. А по серѳдочке-то у ево поясок, и огоньки разноцветные по нему, по поясочку-то, мурашками бегают-мигают, навроде как новогодняя гирлянда, аха! Стою — люблюсь, а он помигал-помигал, и згас — как и не бывало его, потух и всё! Ну чѳ-чѳ?! А вот чѳ: на следующий-то день я и надумала: позову-ко я его в гости! Сама ты дура! А может ЭТО — счастье моѳ само мне в руки плывѳт! Кто не рискует — тот не сексует, поняла? Вот я и решила — была-не была! В урочный час стою на своём балкончике, в звѳзды вглядываюсь. «Лунный вальс» на магнитофоне крутится — интим создаѳт. Как погляжу, мать моя — мамочка, летит! Только теперь со стороны вокзала почему-то! Летит, сверкает, издаля уж мигает! Ну, думаю, неужель сейчас свершится! И тут ОН мигнул и встал, и прямо напротив меня! Резко так остановился! Повис.

Вертолёт (о самолётах и говорить нечего) так не могут, а спутники, те и вовсе: «пи-пи-пи» и мимо! А этот, как вкопанный! Стоял-стоял, минуты три стоял, и вдруг, веришь — нет, затанцевал! То влево качнётся, то вправо... и опять стоит посверкивает. Ну я поняла, что привлекает он меня по-своему, по инопланетному. Ну. Думаю, пора! Замахала приветственно руками, мол, давай сюда заруливай! Мол, танцуй ко мне! Улыбочку дружественную изображаю и даже пытаюсь извлечь из себя чарующие модуляции в тональности «Лунного». А приплюснутый вдруг, свечкой вверх, резко так рванул и сгас в мгновение ока! А кто его знает, может, испугался, а может, я не по нраву пришлась... Не судьба, видать, мне прославиться! На что и подумать не знаю. Да я не переживаю, чего уж тут — не корова пропала! Плевать и размазать! Это тоже не хлеб, ну-ко в лапы к нелюдям! Кто знает, что у них на уме-то! А не читала, в газете-то пишут, что на этой неделе опять баба пропала неизвестно куда. А в Харовской шла куда-то, говорят, в красном платье... эх, вот знатьё бы дак, мне-то надеть было бы тоже красное! Ну везёт же людям, а!

А этой осенью к зимы ближе, ак пой ак ты опять — тёмна бутылка, невидала-не слыхала! А ОНИ крутились над «Белым Домом» — дак новый-то облизполком у Золотухинто выстроено! Вот ОНИ чё-то там и крутились — я своими глазами видела! В небе там такое творилось, такОое!.. Ну, просто, я бы сказала, вакханалия света и красок: небо пятнами разноцветными играло, сияньем северным сполыхивало! Я суету эту поднебесную наблюдала со стороны лёнкомбината, на остановке стояла. Зачем-зачем! Надэ было и стояла. «Шестёрку» ждала. Ну, снова здорова — тролейбус-то шестой там останавливается, забыла што-ли? Ну, слава те хосподи, спомнила. Ну дак вот я там и стояла. Как гля-ну-лаа: оОп-пыньки! Мамынька родная! Энэлошники! Но они-то они, но — ТАМ! А я — ТУТ! Вишь ты, как

дышать стало полегче, но что-то, чувствую, жарковато: из ноздрей моих пар валит, с горла — пламень... Может, думаю, попростыла где на сквозняках, а может этот змей потусторонний.

Ах, ты (это я ему — обабку-то этому), ах ты, говорю — гОгля-мОгля! И, веришь-ли, проглотила сопливого! Ооий, уж лучше бы этого было не делать, потому как тотчас же взвилась в небеса я шариком воздушным праздничным. Выше, выше несёт меня нелёгкая. Ой-ёй, — думаю, не свалиться бы в тар-тара-ры вверх тармашками! И мысли всякие ненужные в голове хороводы канитёлят, по извилинам снуют-шастают; а перед глазами круги вьются-завиваются. Ну, думаю, как завьёт до девятого круга — всё, пиши — капец котёнку! Оо-ёёё-йи... за што бы зацепиться — ищу глазами. Душа в пятках, сердечушко у горла-а-АА! А внизу... — я на Землю-то как глянула, а там внизу город белокаменный и люди ровно муравьи туда-сюда... А я над ними лёгкая прозрачная, и в глазах моих сияние... А тот — змей-то зигза́гнутый, не дремал интервент вонючий, взял, да «хлоп-хлоп» меня по затылку кудрявому! Позеленели глаза мои карие, и поплыли туманами сизыми. И тут — «бздыннн-нь-здрынь!» — мелким звоном рассыпались все те грибочки на мелкие брызги — дрызги — дребездочки разноцветные, и много-много-много их, то есть меня много — а я ведь это я, я об землюшку-то дрызнула, я! Ой-ии как много-то меня — и вся белая, пушистая! Я сиянье в себе ощущаю, но чего-то вся шаю, шаю... Но, жива, понимаешь-ли, дышу, хоть и в разбросанном состоянии, серебрюсь снежным инеем наветях, у людей на плечах... «Ой-ой!» — вдруг я слышу, кричат: «Падает, падает! Вам куда?» — «А домой — отвечаю, и веришь-ли, таю-таю. А меня люди добрые вносят в троллейбус. А я из окна тёплым паром выплываю-уйю-у и белым туманом стелЮусь — к чудесам в исполком то-роплюсь. Но погас горизонт, и ничто там уже не светит

мне, только мост над троллейбусом вжжыкнул... вот по глазам твоим вижу — не веришь! Можешь, конечно, не верить, а я всё-таки в гостях побывала! Но только и понять-то нечего не успела, не токо што побеседовать! Да не выдумываю я нечево, своими глазами всё видела, а хош верь- хош нет — дело твоё, а я своими глазами... Ей Бо! Когда? Да, вот как сейчас помню, а осень была 1995-го, нет, вроде девяносто восьмого. В общем... да, совсем недавно — в прошлом веке и было-то! А я всё-о, как сейчас, всё помню!

ИРИНА ГРИГОРЬЕВА

Истинное

Ночь удалилась из города, махнув своим кружевным пеньюаром. Звезды растаяли в лучах новорожденного солнца. Оно вылезло из-за каменного горизонта серых пятиэтажек и не спеша принялось за свою рутинную работу – светить всегда и везде. На жёлтых листьях и прохладных лужах расплескались его лучи. Заиграли, забегали по крышам, нагревая остуженный за ночь воздух, бесстыже полезли в стекляшки окон.

На обнажённую ногу Риммы Кропоткиной медленно заполз солнечный луч. От неожиданного теплого прикосновения она подняла голову и попыталась разлепить глаза. Сон тяжёлыми хлопьями ещё висел на ресницах. Римма застонала от боли в боках. Села на кровати. Кровать хрустнула и больно впилась в ягодицы. Ноги, коснувшись пола вздрогнули. Пол был непривычно твёрдый и холодный.

«Что это?» – спросила она сама у себя, протирая глаза кулаками. Огляделась и в ужасе вскочила. Желание закричать, как можно громче, она подавила и даже прижала ладонь ко рту. Пробежала от кровати к двери, бросилась к окну, прижалась к стене. Фактурные обои вдавились в кожу. «Боже мой! Что происходит?» – шептала она, ощу-

пывая своё тело. Голые плечи, обвисшая тряпочками грудь, розовые лучики растяжек на животе, располневшие за лето бёдра. Присела и провела руками по полу. На кончиках пальцев остался мелкий серый песок. Он прилип и на стопы и неприятно колот. Комната выглядела чужой. Запах пыли щекотал нос. Римма чихнула.

Солнечный луч провалился в щели деревянных реек кровати и выхватил в глубине подкроватной темноты детские игрушки, покрытые мохнатым серым налётом, крошки, обрывки бумаги.

«Где матрац? Где простыни? Где моя ночнушка?» – повторяла она, заглядывая под стул с фанерой вместо мягкой сидушки. Там же она нашла розовые резиновые подошвы. Подняла их и, вскрикнув, выкинула.

С опаской подошла к шкафу и быстро открыла дверцы. На нее стыдливо смотрела черная пустота полок. Лишь пуговицы разноцветными пятнами пестрели в сумраке. В ящичке для нижнего белья она обнаружила металлические пряжки поясков и пластмассовые запчасти бюстгалтеров.

«Это какая-то бредятина!» – сказала она громко и со всей силы шлёпнула себя по щеке. Лицо зажгло сотнями мелких горячих иголочек. Растёрла щёку. «Нет. Это не сон. Но что же тогда? Вроде вчера я не напилась до усрачки. Ой.»

И она тихонечко вышла из спальни. Из гостиной по коридору растекался звук, похожий на дребезжание вагона с металлоломом. Крючки в прихожей сиротливо поблёскивали, отражая бодрое утреннее солнце. Россыпью на полу валялись чёрные пуговицы, резиновые подошвы разных размеров лежали в обувнице и напоминали сухие лепестки какого-то космического цветка.

Вжав голову в плечи, она приоткрыла дверь гостиной. Заглянула туда. Резкий тяжёлый запах ударил в нос. Пода-

вив приступ тошноты, она зажала лицо ладонью и на цыпочках подошла к окну. Распахнула его и глубоко вдохнула свежий ветер, влетевший в дом. Опахнуло прелостью и влажностью. Улицы были пусты, что было довольно странно для утра понедельника. Ни дворников, заметающих листья, ни мамочек с кричащими детьми, ни вечно спешащей молодёжи не было видно. Двигатели машин таинственно молчали. Слышно было только крики грачей на берёзах у соседнего дома.

На полу около её ног лежал муж – Савелий Кропоткин. Он был абсолютно голый, как и диван, с которого он свалился. Мясистое волосатое тело содрогалось в приступах храпа. Римме даже показалось, что книги на полке ритмично вибрируют. На живот и щеку мужа налип серый песок, в ёжике волос застряла какая-то чёрная паутина.

От ветра, уже всю хозяйничавшего в комнате, стало холодно. Римма поёжилась и растёрла плечи. Отряхнула подошвы от песка. С отвращением посмотрела на мужа. С жалостью на диван.

По квартире пронёсся визг. «Дети!» – обожгла её вспыхнувшая мысль. Она забежала в туалет и закрыла дверь. Судорожно принялась обматываться туалетной бумагой. Замотала грудь, бёдра. Мягкая трёхслойная нежность с перфорацией плотно обнимала тело и приятно пахла клубникой.

В детской царил веселье и металлический скрип. Мальчик и девочка прыгали голышом на пружинах. Мать изумленно смотрела на их бледные худенькие тела, то и дело застревающие ногами в том, что прежде было кроватью. Лица их раскраснелись, тонкие паутинки волос девочки лёгким облачком взлетали и опускались на плечи. Рисунки, висевшие на стенах и изображавшие желтые и красные листья, подлетали от воздушных потоков детских прыжков.

– Мама! Мама! Смотри, мы голые! – кричали они наперебой.

– Мама, а почему у Лины нет пи...? – запыхавшись, прокричал мальчик.

– А ну-ка слезайте! – Римма забежала в детскую и поставила детей на пол.

– Мы хотим пыигать! – заныла девочка.

– Успокойтесь! – громко сказала мать. – Одевайтесь и марш в кухню! Блин! Одежды же нет.

Она подошла к шкафчикам и убедилась, что у них внутри тоже самое, что и в её гардеробе. Пустота, пуговицы, молнии и клёпки. Вздохнула.

– Мама, это у тебя что, туалетная бумага? – спросил мальчик.

– Да. Павлуша. Именно туалетная.

– А ты тоже выла гоинькая, как и мы? – с интересом рассматривала её лицо Лина. Она обняла мать своими тонкими ручками. – Ты такая тёпая!

Тонкие пушинки детских волос мягко коснулись плеча. Римма улыбнулась и сказала:

– От тебя пахнет карамелькой. Ты что, уже конфету ела? Лина высунула язык. Он был малиновый.

– Я нафла её под каватью!

Мать покачала головой и сказала:

– Так. Сегодня в садик Пашик не идёт.

Павлик запрыгал на месте и громко крикнул:

– Урааа! В садик не надо! Мам, а папа тоже голый? Я хочу посмотреть на голого папу!

– Я тооозе! – взвизгнула девочка.

– Нееет! – закричала мать и бросилась к двери гостиной. Она присела и загородила руками проход. – А ну быстро в кухню!

Дети засмеялись и, шлёпая голыми ногами по светлому полу, скрылись в ярком луче, бившем в кухонное окно и торчащем треугольным осколком в коридоре.

«Чёёёё за херняаяя!?» – послышался хриплый рёв и возня из гостиной.

Римма закатила глаза и пошла в кухню. Дети сидели на табуретках. Было странно видеть их голыми за столом. «Это же моветон» — подумала она и открыла холодильник.

Зажужжал телефон, прикрепленный проводком к розетке. «Свекровь», — горела надпись на экране. Римма причмокнула и проигнорировала вызов.

За стеной, соединяющей квартиру Кропоткиных с другой квартирой, раздался громкий визг и рыдания, которые сменились воем и стуками.

— О! Похоже Анька Коровина, мадель-то наша гламурная шкаф свой со шмотками открыла. Плакали её Гуччи-фигуччи. — Она улыбнулась и поправила бумажную обмотку на груди.

Дети что-то кричали, но Римма внимательно вслушивалась в звуки соседней квартиры. Привычным движением она достала из шкафчика коробку хрустящих шариков, со звоном насыпала их в красную и белую миски, бросила горсть себе в рот. Улыбнулась от приятной шоколадной сладости. Вытащила из холодильника бутылку и налила в шарики. В мисках зашипело. Дети заверещали. Римма поняла, что налила в миски пиво.

— Тыфу ты! — мотнула она головой и выплеснула всё в раковину. Дети заревели.

— Где мои трусы!?! — загрохотало в гостиной. — Куда спрятала!?!

Римма отломил от пшеничной буханки два больших куска и подала детям. В кухне наступила тишина. Только похрустывание хлеба и ритмичное чавкание её нарушали. Глаза детей блстели. Римма погладила их мягкие головки.

Из пакета для мусора и скотча она слепила детям какую-никакую одежду. Лине подобие платья. Павлику тоже.

— Я не хочу платье — завопил он.

— Паса — девчонка! Паса — девчонка! — закричала Лина, указывая на брата остатками булки.

Ловко превратив платье в шорты, Римма отправила детей в детскую и наказала не выходить оттуда. Два шуршащих комочка скрылись за дверью.

Она стояла и смотрела в окно. Одинокие облака, подгоняемые ветром, быстро пробежали по небу. В обезшторенных тёмных квадратах домов мелькали обнажённые фигуры. Они то появлялись, то таяли в сумраке комнат. Римма встала на цыпочки и, вытянув шею, стала наблюдать за безжизненной улицей. Теплый солнечный луч пригрелся в ямочках ключиц, застыл на веснушчатом носу.

Туалетная бумага соскользнула с бёдер вниз и упала на пол.

— А ты ничё такая при свете! — услышала Римма голос за спиной. Вздогнула и обернулась. Муж стоял посреди кухни и жмурился от солнца. Он прикрывал срамное место семейной фотографией в голубой рамочке. На фото вся семья в новогодних декорациях и нарядных арендованных костюмах натянуто улыбалась. Муж смотрел на неё не отрывая глаз. От такого пристального взгляда Римме стало не по себе. Она быстро спряталась за дверцей холодильника, обнажив его содержимое для мужа.

— Башка трещит! Где моё пиво? — спросил муж, стучая рукой по виску. Его лицо смялось неаккуратными складками, в которых исчезли мутные глаза. Он громко зарычал, замотал головой, грузно опустился на табуретку. Семейное фото упало на пол.

— Это ты во всем виноват! — громко крикнула мужу Римма. Глаза её наполнились слезами. Она швырнула носом. — Ты, зараза такая, обещал же вчера не напиваться! А домой пришёл как свинозомби! Грязный, вонючий, в одной кроссовке! Терпеть тебя не могу! Гадкая свинья!

Тело её передёрнулось от отвращения. Горькая слюна наполнила рот. Ей захотелось плюнуть прямо в заплывшее лицо Савелия, но она заплакала.

— А чё я-то? Чё я-то виноват? — заурчал муж, рассматривая продукты на холодных полках и голову жены, выглядывающую из-за его дверцы. Он схватил пластиковую бутылку с молоком и жадно заглотал. Молоко белыми ручейками текло по лицу, капало на живот, ноги, пол. Он осушил бутылку и зарычал, вытирая рот рукой.

— Ты видишь, что дома творится! Посмотри на себя! Ты голый! — громко говорила Римма и трясла рукой в воздухе.

Савелий потёр ладонями лицо.

— А давай, я лучше на тебя посмотрю! Давно не видел тебя такой! — он встал и медленно пошёл к жене.

Молния стыда и отвращения пронзила всё её тело. Она подскочила на месте и взвизгнула:

— А ну, пошёл отсюда! Не смей ко мне приближаться! А то завизжу! Ты знаешь — я умею, — она открыла рот, набрала воздуха в грудь.

Глаза мужа округлились, и он замахал руками:

— Не, не, не! Молчи! Только молчи! Не надо Риммовизга! У меня голова лопнет! Ты же не хочешь оттирать от дизайнерского кафеля мои мозги?

Улыбка слегка скользнула по лицу Риммы. Успокоившись, она закрыла холодильник и деловито зашуршала пакетами для мусора. Скотч затрещал, и через пять минут она уже стояла перед мужем в коротком чёрном платье.

— Классика! — гордо сказала Римма и, покрутившись на пятке, забрякала туркой.

— А мне сделаешь? — тихо попросил муж и погладил ногу жены. — Какая у тебя ровная и нежная кожа. А вот моя любимая родинка. Сто лет её не видел. — Он обвёл пальцем коричневый бугорок.

— Убери свои грабли! — оттолкнула Римма руку мужа и подала ему пакеты и скотч. — Вот тебе твоя одежда, свиныйш!

Кропоткины сидели на полу в гостиной, пили кофе и смеялись. Программа новостей выглядела как комическое шоу. Диктора закрывал цветной баннер, виднелась лишь голова.

– Вот умора! – сотрясалась Римма от смеха. – Они прикрыли ведущего рекламой лыжных костюмов! Ой, не могу!

– Лучше бы они засунули его в ту штуку, которая на масленице стоит. Ну, куда рожу пихать надо. Помнишь, мы так фоткались? – Громко хохотал Савелий.

Шуршание пакетов было чуть тише.

– А! Точно! Эти штуки называются тантамарески! Вот был бы угар! – Римма улыбнулась и положила голову мужу на плечо. Горячий кофе разливался во рту и протекал внутрь обжигающим нектаром.

В комнату забежали дети. Они были обклеены стикерами, цветной бумагой и надели туалетные втулки как браслеты. Павлик спросил:

– Мама, а мы всегда будем так ходить? Можно мне в садик так идти? У меня костюм супергероя! Только пакеты колются немного.

Маленькая Лина, прикрепившая белый пакет-маечку на волосы, схватила с тарелки печенье и запрыгала вокруг отца:

– А я – невеста! Я как невеста!

Волосатые руки подняли девочку и подкинули несколько раз. Она засмеялась. Шелестящая фата покачивалась на голове. Пополнив запасы провизии, дети ушуршали к себе.

Римма допила кофе и вздохнула:

– Как ты думаешь, Сав, почему так произошло? Может, это и правда ты виноват? Ты же поклялся, что дома будешь в одиннадцать. А сам под утро пришёл?

Лицо Савелия налилось краской. Он размял затёкшие ягодицы, отлепил прилипший к ним пакет:

— Прости меня, Римка! Прости скотину такую! — он взял её лицо в руки и зачмокал его.

Римма задыхалась от запаха нахлынувшей нежности. Родные волосы приятно покалывали. Он обнял её.

— Ты такая тёплая и пахнешь печеньем. — Он зарылся в её густые каштановые волосы. — И платье тебе идёт.

Они смотрели друг на друга и молчали. С экрана лилась информация об оголившемся мире. Мелькали голые люди, вертолёты, президент светил из-за высокой трибуны мышцами, показывая единение с народом в трудной ситуации, и говорил о чрезвычайном положении. Римма прекратила поток телевизионной паники, и в комнате повисла тишина.

— Представь, как эскимосам плохо сейчас. Может, они уже умерли от обморожения, — всхлинула Римма. — О чём они говорят? Какая эвакуация северных народов? Они же не успеют! Солдаты голые что ли туда поедут?

— Не парься, у этих эскимосов есть олени! Они вспорют им брюхо и залезут в животы. Как ДиКаприо. Олени тёплые и влажные внутри. Похоже на ванну. Но воняет, наверное, — Савелий скривился и подошёл к окну. — Ты смотри, чего делается!

Римма подбежала к мужу. Осторожно выглянула из-за его плеча. На улице наблюдалось движение. Голые тела и тела, обёрнутые бумагой, картоном, целлофаном перебежали из кустов к машинам, забегали в дома. Хлопали дверцы автомобилей, кричали дети. Суэта была заметна в каждом дворе.

— Надо к матери валить. В Заземье. Там сейчас хорошо, — сказал Савелий.

— Только не в Заземье! В лес, в пещеру, на военную базу, но только не туда! — замотала головой Римма.

«Свободаааа!» — орал какой-то мужик, влезший на детскую горку, махал руками и тряс всем, чем можно трясти. К нему присоединились еще несколько человек. Они хватали палки и камни и бросали в окна. Витрины магазинов рассыпались градом осколков. Улица наполнялась визгами, истошными криками и грохотом.

— Сава, мне страшно! Закрой скорее окно! — умоляюще проговорила Римма и потрясла мужа за плечо.

— Смотри, полицейские бегут! — ткнул Савелий куда-то в зелёные заросли.

С высоты восьмого этажа Кропоткиным было видно, как отряд полиции, вооруженный пистолетами, дубинками и пластиковыми щитами, облаченный в картонные коробки, приближался к группе голых мужчин. Послышались выстрелы, крики.

— Он убил его! Убил! — завизжала Римма и упала на пол. — Скорее отойди от окна! Закрой, закрой его!

В комнату вбежали испуганные дети.

— Мама, мама, что это? — прижался к матери Павлик.

— Папа, я боюсь! Боюсь! — заплакала маленькая Лина. С её головки слетел пакет. Она сжалась в комочек.

Римма обняла детей. Их горячее дыхание и колотящиеся сердца заставили руки матери дрожать. Волнение охватило её, и готово было вырваться рыданиями.

— К окнам не подходить! К дверям тоже! — крикнул Савелий. — Он схватил опустевший гардероб и со скрежетом придвинул к окну, тем самым загородив его. В комнате стало темно.

Кропоткины сели в центр комнаты. Дети плакали и жались к матери. Она целовала их пушистые макушки, солёные щёчки и гладила спинки.

— Чччч, всё будет хорошо! Сейчас хорошие дяди полицейские запрут в клетку плохих дядей. Фабрики сошьют новую одежду для всех, и всё снова станет хорошо. Так ведь? — Сава, скажи, что так и будет!

Резкий звонок в дверь заставил всех вздрогнуть.

— Мама, это зомби? Там зомби? — завыл Павлик и бросился к шкафу. Закрылся там.

— Без паники! — Сказал Савелий. — Я пойду посмотрю.

— Сава, не ходи! Не ходи, милый! — заплакала Римма, хватая мужа за пакет. Кусочек чёрного полиэтилена остался в её руке.

— Тихо! — шикнул муж.

Забрякал замок.

— Сава, у вас есть валерианка или чего там ещё? — слышался усталый голос соседки Элеоноры Коровиной. — Анька моя в истерике. Трясётся вся. Скорая уже два часа едет.

Римма вышла на голос как зачарованная.

— Здравствуйте, Элеонора Арнольдовна, — проговорила она сквозь солёную плёнку на губах. — Как Вы?

Соседка стояла обёрнутая в блестящую упаковку от букетов цветов. От неё пахло розовыми лепестками. Лицо выглядело заметно постаревшим и осунувшимся. Неприлично было видеть её без макияжа. Жидкие волосы свисали на сморщенные плечи. Нехотя она сказала:

— Да что я-то! Аня, как увидела с утра, что её вещи испарились, так до сих пор как в бреду находится. Шубы, дизайнерские платья, туфли, из США привезённые, костюм от Тома Форда, юбка-шар от Феррагамо. Бедная, бедная... Я ей предлагала пакет надеть, так она на меня с кулаками! Лучше голая буду ходить, говорит, чем, как бомж, одеваться. — Она всхлипнула и вытерла нос рукой. На костяшках пальцев блеснула слизь. — Римма, а скотча у вас нет лишнего?

– Возьмите. И вот. Это пергамент для выпечки, – Римма подала соседке длинный рулон и завернутые в фольгу бутерброды с курицей. – И еду возьмите.

Ночь вернулась в город и не узнала его. По дорогам носились полицейские машины. Пожарные сирены разрывали вечернюю тишину. Окна серых пятиэтажек были заклеены газетами, салфетками, детскими рисунками. Лужи бордовой жижи виднелись на влажном асфальте. Синие фургоны равнодушно принимали в себя чёрные мешки в форме людей.

Кропоткины лежали в бумажной куче. Обрывки газет, салфеток, страницы книг – всё было аккуратно сформировано и уложено в угол комнаты. Дети, прижавшись к матери, тихо сопели, иногда вздрагивая. Пижамы из пакетов покрывали их маленькие тела. В комнате было темно. Только светящееся облачко ночника в виде единорога слабо очерчивало контуры мебели и фото в синей рамочке. Запах котлет и жареной картошки висел под потолком пленником закрытых окон. Савелий и Римма лежали, тесно прижавшись друг к другу.

– Завтра утром, как уберут караул от подъезда, поедем к маме в деревню, – прошептал на ухо жене Сава. – Я звонил ей. Она будет нас ждать.

– Я знаю, что там хорошо, – чуть громче сказала Римма. – Но, может, пересидим дома?

– Надо срочно валить отсюда. Хрен знает, что дальше будет, – настаивал муж.

– Блогеры говорят, что все выезды перекрыты. Фаис Комов умудрился как-то заснять кордоны на видео. Читала, что его арестовали, – встревоженно сказала жена.

– Кому ты веришь? Каким-то хайпожорам! Они вон всю ленту засрали своими лайфхаками «сделай брюки

из макарон», «платье из листьев за 10 минут» или «как выжить в одеждопокалипсисе». У меня свой план. — Сава погладил жену по спине.

— А как же твоя работа? — Римма, прищурившись, всматривалась в его распахнутые глаза. В их глубине плясали забытые искорки.

— Чёрт с ней, с этой работой! Новую найду! Мне, главное, вас увезти из всей этой хрени.

Римма приподнялась и поцеловала мужа в губы. Она закрыла глаза. Всё её тело налилось теплом. Оно разлилось по комнате и тонким одеялом укутало детей.

ОЛЬГА КОРОТИНА

Луна и челн

...Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам чёрный чёлн...

Чуждый чистым чарам счастья
Чёлн томления, чёлн тревог...
К. Бальмонт

— Хорошо бы вовсе об этом не думать, — мысль была посторонняя, приبلудная — скользила, словно челнок, по идеальной глади... И он уже причалил, глухо ткнувшись, застыл у берега.

Подумалось Анне, стоявшей у постели, с которой она только что осторожно сползла, тихонько подоткнув край одеяла, сохранив тепло для худенького сынишки. Накинув халат, прибирая волосы, Анна переступила узкий прозрачный луч, пронзивший пол. Подошла к окну, подвинула штору. Полная Луна красовалась на темно-синем небе, словно печально сияющий нимб, и казалось, ясный лик сейчас проявится — одарит скорбным волооким взглядом. И припомнилось всё сначала, и отозвалось новым чувством, похожим то ли на боль, то ли на грустное недоумение.

Странно — ведь было даже что-то забавное во всей этой истории. Разве не наивно, к примеру, было думать, что злодейской смерти, обиды от руки негодяя можно избежать, если подготовиться к ней заранее? Превозмочь страх и ошеломить, ошарашить его ласковым словом, прикосновением бесстрашным и нежным, которыми, говорят, они всю свою жизнь обделены...

Мечтания эти, однако, стали спасительными и подбадривающими, когда ей одной случилось идти в ночь на вокзал через весь город. Анна решила съездить к сестре — истомилось, истосковалось сердце по родному всё-понимающему теплу, счастливому покою сестрициного дома...

Страх пошел по пятам тотчас, как только ступила на гулкую, хрустящую ледяную дорогу. И Анна, вздрагивая и шарахаясь от собственной напряженной тени, всё же немного погодя улыбнулась: «Забавно — ну и трусиха!»

Вокзал не так страшен — люди кругом. Усталые, странные — мутно глядящие, сонные, смотрящие в одну точку... Или тихие, вполголоса вяло болтающие, как те две кумушки, рядом с которыми желтело свободное место. Анна устроилась с книжкой, предварительно осмотревшись, поискав глазами подозрительных или нищих, которых всегда по ночам бывает много в залах железнодорожных станций.

Только странное вдруг ощущение, состояние, разрастающееся в оцепенение, охватило-сковало и превратилось в жуткий страх. По проходу шел человек.

Держа руки в карманах, он шагал медленно, тяжело, будто ноги его были в кандалах. Анна, подняв глаза, увидела уже его спину. Одежда была добротная, только мятая, пыльная какая-то. Волосы коротко острижены. Привиделся взгляд звериный — полудикий — озирался вокруг с боязнью, будто ища и тут же опасаясь кого-то.

И этот замедленный, странный, пугающий ход. Казалось — он причина ужаса. Явилось вдруг в памяти жуткое:

кровь от пореза — бритвой по горлу (мать когда-то в детстве рассказывала про питерскую шпану). И пока алая кровь заливала чей-то светлый френч в её ночном воображении, этот упёрся в поперечный ряд и уже возвращался таким же слоновьим шагом. Шёл прямо на Анну.

Она оглянулась — никто не обращал на него внимания — ни две, беседующие, как ни в чём не бывало, дамочки подле, ни тем более те, что дремали, спиной сидя, сзади в параллельном примыкающем ряду. От этого стало ещё беспокойней, потому что она миг решила, что это он и есть, тот — её, именно для неё предназначенный злодей.

Съёжившись и прижав кулачки к лицу, она выкрикнула: «Мамочка!»

Беглый, испуганный взгляд упал на неё и тут же отпрянул. Как будто чуть заспешил ходок. А руки, вынутые из карманов, взметнулись к голове, которая судорожно подёргивалась.

Но длилось это миг, вероятно, который показался Анне много дольше, потому что и на крик её никто не оглянулся. Может, и почудилось, что кричала... Человек тот поспешил прочь.

Анна же, когда отошла, вдруг смутилась. Стало неловко и как-то жаль его. И про усмешку свою по дороге вспомнила. И опять забавно, но больше досадно стало. А ещё было стыдно: «Ведь я испугала его», — поняла она. И решила сразу, что всё про него знает — про обездоленность, бесприютность, одиночество и болезнь, нищету и неустроенность.

Нашла в кармане кошелёк и пошла искать его по залу. Он стоял, спрятав руки назад, прислонившись спиной к стеклу вечно запертых фасадных дверей. Сквозь них пробивался уже утренний сизый свет. Увидев её, решительно приближающуюся, потупился — не смотрел — трусил. А стриженная голова его вздрагивала в такт ресницам, заполняющихся вопросительным испугом глаз.

Анна на ходу достала две жёсткие бумажки, зажала их в руке и, стараясь не смотреть ему в лицо, поспешно за-
пихнула их ему в карман. Слегка коснулась плеча, едва
скользнув, погладила. Взглянула смело, кивнула и улыбну-
лась. И быстро застучала каблучками по кафелю, выбежала
из зала. Всю дорогу думала о нём. Рассказала сестре.
Про деньги только смолчала.

Степан уже дня три ничего не ел. Освободился он
недели две назад. Деньги кончились — прожил, а часть
пропала, потому что случались с ним обмороки.

Там били его часто. За то, что был молчуном, за то, что
терпел — сносил. За то, что не сопротивлялся. Но сраму
боялись подвергать — видели страшный шрам через всю
спину до самого низа. Сросшийся сам по себе без меди-
цинских швов, он часто воспалялся, зудел, обильно поли-
ваемый потом, присыпаемый пылью и сором — сдобрен-
ный грязью, расчёсанный в кровь, походил на проказу...

Но был Степан крепок, высок, была сила в руках. Знал
травы — лечился сам, как умел. Но угрюм был, немного-
словен с теми, с кем все-таки доводилось говорить.

Теперь понял, что забыл уже, когда говорил вслух. Го-
лова болела, но слово прозвучало громко, чётко. «Хлебуш-
ка бы», — вышло у него. Спал в многоэтажках новостроек,
в каморках лифтёров, если пускали. В подъездах больших
просторных старых домов под лестницей.

В тот день он шибко разозлился. Ломило спину, есть
хотелось нестерпимо. Голова, словно чугунный колокол,
звонила: Хле-Бом, хле-Бом, хле-Бом.

Соображал плохо. Где спал, да и спал ли — не помнил.

Баба с мальчонкой шла навстречу. Золотистую горбуш-
ку буханки пшеничной он заметил ещё издали, носом учу-
ял за несколько шагов. Попросить никогда не решился бы.

Решил отнять. Труба сама подвернулась под руку, то ли бес её вложил.

Хватил сзади... И побежал с буханкой, зажав ею да другой рукой голову, чтоб не слышать, как орал парень.

– Спи, Мишенька, спи, – Анна укрывала малыша, поглаживала шелковистую чёлку.

– Тётя, а моя мама придёт? – не унимался черноглазый мальчуган.

– Вот поспишь немного, и мама придёт, – терпеливо успокаивала его Анна.

Прикрыв глаза, затих-таки, устал, склонил на бок голову, вздохнув, задремал.

Анна выскользнула через поскрипывающую дверь, ещё раз оглянулась на спящих питомцев. Няньки допивали свой чай. Судачили вполголоса – перемывали косточки. Не любила Анна этих разговоров.

– Вот сволочь – то. И носит таких земля. Ведь трое ребятешек осталось, – в ответ на чей-то рассказ возмущалась одна.

Прихлёбывая в сторонке остывший чай, запивая румяные гренки, Анна прислушивалась к тишине за стенкой, но и ближних голосов не слышать не могла. Потом вставили тихо:

– Может, жизнь его довела.

– Ну, ты даёшь Степанова, – набычилась, уставилась исподлобья на неё толстуха с соседней группы.

Анна опустила глаза.

– А что, девочки, я вот по гороскопу этот, как его..., – запнулась, – так в книге написано, что я от голода тоже могу человека убить, – встрепенулась незнакомая молоденькая нянечка. Новенькая, наверное. Гам тут поднялся, разрастался – зашумели – засудачили, словно того и ждали.

Из спальни слышался плач, и метнулась Анна к двери. Назад до подъёма не вышла.

Всё сошлось.,,Стриженный...», „Голова трясётся...», „Глаз не поднял, стыдно харе-то...», „Вчера по областному телевидению показывали...» Все фразочки засели и загудели вослед утихающему детскому плачу, засвербили – осели тяжкой думой – выплеснулись в сердце едкой болью.

В густом сумраке косой лунный столб. Бьёт в окно прозрачным светом и настойчиво. Только прямоугольный след его на серо-голубом полу – линованный.

Степан пробудился. «В четвёртый раз уж тут. Что ж – привычное это дело... Лес валить. Хлеб зато будет».

Так и думал ещё вчера. До вопросов, до разговора со следователем. Глаза у того жалостливые, как у той очкастой девки, что деньги на вокзале сунула.

– Убил! Убил! Пёс! Пёс! – вскричал вдруг, забился в судороге, яростно заколотил кулаками по шконке. Вскочил, кинулся к окну. И застыл в лунных бликах. Голову на грудь уронил. Затихла она – голова-то. И пал ниц.

– Матушка, – молвил ли, простонал ли.

Забылся Степан. То ли в себя ушел. Застыл полулёжа.

В сотый раз запылал огонь, что спалил нещадно родимый дом и мать с рассечённым виском, что за несколько часов до того от топора, как сосенка на снег, повалилась на пол. Отец рубил всё, что ни попадись под руку. И Стёпке в этой рубке досталось. В разодранной рубахе с окровавленной спиной выбежал он на мороз и помчался вдоль села, оставляя багровый след.

От дома сараи колхозные занялись. А живых из Аникиных остался один Степан. Он и ответ держал.

Матушка тихая была, добрая. В церковь его водила. Всё рубашку вышитую белую велела одевать. Копеечку да-

вала — нести в шапку, в туесок, в чашку... А старички всё приговаривали: «Спаси — сохрани тебя Господь». И за руку брали...

Очнулся Степан. Поднял голову. Деревце сквозь решётку железную разглядел. Птица села, чирикнула. Утром пахнуло из щелей оконных.

«Вольная птаха», — тихо взгрустнул Степан. Сложил руки на груди, как мать учила.

— Господи помилуй. Прости меня, Господи! — вымолвил и ещё выше поднял голову. Слёзы заструились. Беззвучно плакал Степан.

Анна легла под утро уже. Бархатистая ножка — циркуль с шершавой коленкой тотчас пристроилась на плоском животе матери, худенькая ручонка скользнула вдоль груди, затихла, обнимая за шею.

От первой странной мысли не осталось и следа. Так, для приплывшего челнока, причал — и конец пути, да всё же итог.

«Не один он всё-таки был... Я у него была», — подумала, нежно поглаживая своего малыша, засыпающая Анна. «А он у меня...».

РОМАН КРАСИЛЬНИКОВ

Родился в 1978 году в Вологде. Доктор филологических наук. Автор книг «Без оправданий» (2000), «Лингвистические эксперименты: Биоскопия» (2000, совместно с Евгением Филиным), поэтических, прозаических, драматических и литературно-критических текстов. Печатался в альманахах «Стрекоза», «Автограф», «Вологодский альманах — 2015», журналах «Юность», «Октябрь», «Гуманитарная парадигма», сборниках «Однажды волна», «40 ступеней», «Листва». Участвовал в работе литобъединений «Вологда молодая», «Ступени», «Overground». Лауреат литературной премии «Эхо» за опыт критики (2017).

Герой

«Герой – человек, совершающий акт самопожертвования ради общего блага. В античной мифологии – существо двойной природы: человеческой (смертной) и божественной» (Википедия).

Он схватил Машку за руку, и они стартанули.

Утро выдалось, как всегда, сумасшедшим. Вчера нужно было поставить будильник на 6.45, но, подумав немного, он передвинул стрелку на 7.00. После редактирования диплома Дуркина, бесконечного отсутствия запятых и раздельного написания слова «также», возни с форматированием и приданием предложениям смысла, безуспешными попытками заснуть в два, потом в три часа ночи ему были нужны эти пятнадцать минут.

Эти минуты аукнулись ему с утра. Пиликающий будильник, пять минут на неверие в ситуацию, распахнутые шторы, темнота зимних улиц с тусклыми фонарями, жалкое подобие зарядки, резанувший глаза свет туалета, душ, спасающий от холода, но неприятный из-за жесткой воды, машинально почищенные зубы, чуть более медленное бритье. «Хорош!» — только и успел он в отчаянии высказать зеркалу.

Машку он разбудил совсем поздно, в 7.20, когда на самом деле нужно было уже выходить. Жена была в отъезде, и им приходилось справляться самим. Они и справлялись. Два не расчѐсанных чучела метались по квартире в поисках своих вещей, пересекаясь время от времени то в туалете, то в ванной, то на кухне.

На самом деле он ненавидел торопиться и бегать. Он любил задержаться в кровати, обнимая жену, задерживая дыхание от ее близкого горячего тела, от ее изгибов, от желания, от того, что могло быть дальше. Но на это, как правило, не хватало времени.

А еще он любил сочинять. С самого детства сюжеты и герои вставляли в его воображении один за другим, совершали подвиги и умирали, воскресали из пепла и снова побеждали бесконечное зло. Когда-то в детском саду он спас из горящего здания любимую воспитательницу и всех девочек. Второго педагога дополнительного образования, по обыкновению менее доброго, и слишком вредных пацанов он оставил в назидание в пожаре, несмотря на все мольбы о помощи. Но потом, конечно же, успел вернуться и помог даже злейшим своим врагам, заслужив всеобщее признание и уважение. До сих пор он помнил ощущения от гладкого шелка, из которого было сделано праздничное платье самой красивой девочки, которую он выносил на руках.

Позавтракать толком они не успели. Машка привычно засунула в рюкзак кекс, пару мандаринов и маленькую бутылку воды. Пока она собирала учебники и тетради, он сделал три глотка напрасно заваренного чая и, немного подумав, оставил наполовину полную чашку на столе до вечера. Затем краем глаза проверил, правильной ли стороной Машка надела свитер, взяла ли сменную обувь, ключи, телефон. Корона у принцессы чуть съехала набок, но они выкатились на площадку.

Быть героем было непросто. Ему приходилось фехтовать шпагой одной рукой, а другой — тащить Машку за собой. Монголо-татары, гвардейцы кардинала, фашисты, орки, гоблины разлетались в разные стороны. Им не помогали ни кривые сабли, ни танки, ни заклинания, ни коварство. На третьем этаже соседнее королевство устроило засаду в виде выставленных на площадку мешков с мусором, издававших смертельный аромат. Исчерпав все дипломатические возможности, он подхватил эту свалку свободной рукой и вынес в контейнер во дворе. Дочери брандером пришлось взрывать двери подъезда.

Машка догадывалась о мыслях отца. Она и сама была не прочь парить над землей, если бы не тройка по алгебре, ясно проступавшая на горизонте. Ее враги немного были другими: ее беспокоили козни слизеринцев и некоторых подруг, но голоса родителей и учителей мешали полностью погрузиться в сладостный мир фанфиков и любовных приключений.

Их ждал потрепанный форд, называемый то ведром, то «Наутилусом». Было уже 7.45. Отдав швартовы, они выплыли за ворота и, преодолев сильную качку на плохом участке дороги, влились в поток венецианско-вологодских гондол.

Машка тут же включила музыку на автомагнитоле, и сон начал понемногу уходить. Звучали рок-канцоны последнего сезона и популярные ретро-лэ. Впереди была неприятная перспектива опоздания в школу и на работу, и приходилось по возможности ускоряться, лавируя между линкорами-автобусами, пиратскими фрегатами-маршрутками и миноносцами-такси. «Три тысячи чертей!» и «Куда прешь, каналья!», — самое непристойное, что позволяли себе в аварийных ситуациях герои. Безусловно, вести светскую беседу по всем правилам жанра было просто невозможно. Но, приглушив музыку, они пытались.

— Ты видела, что творится на площадке третьего этажа?

— Пахло очень плохо. Это что было в пакете?

— Мусор. Кто-то не выносит его во двор и просто оставляет в углу на площадке.

— Там даже был приклеен листок: не будьте свиньями, убирайте за собой.

— Как ты думаешь — поможет?

— Вряд ли. Надписей в лифте и на стенах становится только больше. На детской площадке — окурки и бутылки.

— И что бы ты сделала?

— Закидать снегом? Не знаю. Прибираться самим?

– Там, где можем, да. Это же наш дом... Подожди, сейчас...

Ему пришлось резко притормозить перед вырвавшимся сбоку внедорожником, не показавшим поворот.

– Вот к... Вот что это, дочь?

– Хамство, папа. Не нервничай. Все равно ничего не изменишь. И можешь не ставить многоточий после твоих к... Я и так все понимаю.

Он послушно отменил боевую готовность, откатил пушки и вписался в парадный строй медленно движущегося правого ряда. Хотя было грех жаловаться, потому что они въехали на мост, а там выбоины-мины могли стать могилой для любого, даже самого опытного шкипера.

Поглядывая на часы, после моста он поднажал (насколько это было возможно на кочковатом асфальте), но на остановках у светофоров все же успел узнать у дочери, сколько у нее уроков, есть ли деньги на еду, когда она доберется до художки и вернется домой, что читала, что нового узнала и в чем видит смысл жизни хотя бы в данный момент, в четырнадцать лет.

Наконец, они докатили до школы, Машка выскочила, как хоккеист на свою смену, и начала свой, теперь индивидуальный бег. Он прошептал ей вслед оберегающее заклинание и отправился на работу.

Город, город... Сейчас в нем были бурлящие и время от времени взрывающие автомобили. Но им невозможно было стать аэропланами, как бы они ни хотели, невозможно было двигаться зигзагообразно, вверх и вниз, туда, куда им мечталось в самых смелых снах. Город направлял их из точек А в точки Б, а одни люди требовали, чтобы другие выполняли их приказы, зарабатывая деньги – ради одного месяца в году (или даже меньше) более-менее свободной жизни. Прерывание этих процессов означало одно – смерть, которая всегда маячила на горизонте, но о которой говорить было не принято.

С детства ему хотелось быть свободным. Он не сразу понял, что можно бросать вызов обстоятельствам. Советские лозунги – с их всезнанием жизни – убеждали, что свобода есть и в подчинении. Еще не были раскрыты секреты КГБ, ГУЛАГа и других хтонических монстров, и история и современность страны представлялись островом добра и справедливости. Он жаждал вступить в ряды героев, осваивавших космос, работавших на великих стройках, доносивших миру правду об эксплуатации бедных рабочих. Его любимой песней был гимн, заставлявший вставать в шесть утра (как только начинало работать радио) и радостно петь, мешая спать старшекласснику-брату.

Вторили этому состоянию жившие рядом книги и фильмы. Капитан Немо, д'Артаньян (или, скорее, Атос), Шерлок Холмс, красноармеец Сухов, Макар-следопыт – вдохновляли на битву добра со злом, где хотелось погибнуть героем, а не чувствовать стыда за «бесцельно прожитые годы», тихо старея в старорежимной мещанской квартирке.

Это был прекрасный и яростный мир, оказавшийся даже не мечтой, но страшным обманом. Пусть бы он и оставался иллюзией, но, как только на поверхности появились истории исковерканных человеческих жизней, расстрелов и пыток, колоссальных культурных потерь, того, что было на самом деле, туман развеялся. Оказалось, что ничего нельзя было исправить, улучшить, а только можно было в очередной раз разрушить все и начать с начала – с самого дна.

Объехав квартал пару раз, он нашел место для парковки. Наутилус, зарывшись носом в неубранный на обочине снег, пришвартовался. Зазвонил мобильный.

– Вы где? – услышал он голос лаборанта. – Вас срочно вызывают на совещание.

– Уже подхожу, – был ответ.

Пока он заходил в здание, приветствовал часового (пожилую охранницу, имеющую разрешение на оружие),

взбегал по лестнице, он подумал, что старые книги все-таки противостояли своей же эпохе. Они соответствовали лозунгам больше, чем действительности, и в них разочарования не было. Этот момент тогда поразил его, и он понял, что правда есть только там — в донкихотовском мире, который имеет свои слабости, озвученные и осмысленные не раз, но который не предаст.

Именно поэтому он решил стать филологом, именно поэтому защитил диссертацию о лекциях нобелевских лауреатов, именно поэтому больше десяти лет работал в вузе и теперь возглавлял кафедру, судорожно бьющуюся в агонии оптимизаций.

На совещании была половина университета. Ожидалась аккредитация. Проректор сказала пламенную речь о готовности вуза ко всему, о большой ответственности, которая ложилась на плечи заведующих кафедрами, о необходимости удовлетворять все прихоти экспертов Рособнадзора. Вместе с тем предлагалось не забывать о задачах на будущее, которые недавно поставил президент, а вслед за ним — и ректор. Глаза у всех были немного округленные, с темными мешками от недосыпа, нерв, будто красный андреевский смех, гулял по зданию и даже по улицам города, жившего слухами о закрытии университета или его присоединении к более успешному соседу.

После получаса бессмысленных разговоров завертелось дело. В две тысячи листов планов, программ и всего прочего приказали внести два изменения, которые требовали перепечатки всей документации. Виновных пообещали найти и выдать после аккредитации.

В эти моменты у него отключался мозг. Он воспринимал управленческую, государственную и вузовскую систему как Годзиллу или Кинг-Конга, а если бы попросили сказать патриотичнее — как Чудо-Юдо о двенадцати головах. Казалось бы, неповоротливые, они были неуязвимы: ни ракеты, ни крупнокалиберные пулеметы, ни мечи-

кладенцы не могли пробить их броню, отрубленные головы отрастали снова, а из незначительных ран повсеместно разбрызгивался зеленый яд. Они разрушали деревни, уводили в полон крестьян и ремесленников, и разум замирал в людях от их смертоносного взгляда, источавшего ужас и холод.

А ведь вначале в этой системе было много человеческого и вдохновенного. Новые программы, новые международные связи, новые подходы, свобода мысли и творчества. Но не было денег, приходилось вечно подрабатывать, чтобы обеспечить жену, сидевшую с ребенком, накопить на отпуск. Теперь зарплата повысилась, и поначалу казалось, что учителей и ученых начали наконец-то ценить. Но вскоре суть оптимизации прояснилась: у одних отбирали, в других вкладывали, делая это без деликатности, с вызовом, молча, блюдя государственные интересы. Скоро, скоро пять лучших вузов страны войдут в мировые «Топ-100».

Понты. Этот советский отголосок бередил чьи-то души на вершинах кремлевских башен и прикремлевских высоток. Продать рекордные объемы ископаемых, построить духовные скрепы, продемонстрировать оружие в другой стране, провести лучшую Олимпиаду, освоить Луну, достигнуть Марса — не было ничего невозможного для очередных демиургов. Падали запускаемые космические корабли, закрывались вузы, школы, библиотеки, в квартирах чиновников и полковников обнаруживались целые бюджеты предприятий — скоро, скоро пять лучших вузов страны войдут...

Он достал арбалет и засадил стрелу прямо в фигурку змеи на пачке бумаги перед собой. Они с лаборантом разделили работу пополам.

— У нас будет сегодня пара? — староста, курносая, веснушчатая девчушка, заглянула на кафедру.

Он посмотрел на нее стеклянным взглядом и кивнул. Из-за его совещаний и вузовских воспитательных меро-

приятий (теперь снова начали активно воспитывать) они пропустили несколько занятий. Сделал глоток чаю и побегал на пару.

От групп по тридцать-сорок человек теперь осталось от силы десять-двенадцать студентов. Остальные теперь уезжали к кремлевским башням и прикремлевским высоткам, в пять лучших вузов страны. А вместе с ними — и выпускники, и преподаватели, и многие жители города. Да и асфальт с улиц, и снегоуборочные машины, и гастарбайтеры, и бюджетные места, и медицина, и наверняка что-то еще.

Контингент стал все-таки другим. Кто-то пренебрежительно относился к вузу, кто-то — к преподавателям, кто-то — даже к будущей профессии. Отсутствие интереса, неготовность преодолевать свою лень и мечта о беззаботном будущем — все это было заметно во многих. Они не знали истории, воспринимали ее как сериал и не считали нужным учить то, что легко находилось в Интернете.

И все же он верил в них. Им были уже незнакомы страхи прошлого и коллективизм, они были гораздо более свободными. Кто знает — может, у них будет свой 1968-й год.

Читая лекцию, он поглядывал на них, искал их глаза и умы. На первой парте сидели две подруги — староста Саша и ее помощница Даша. Они старательно все записывали, исполнительно готовились к семинарам, громко зачитывая распечатки из Интернета и с трудом отвечая на уточняющие вопросы. За ними прятались Егор и Лена, влюбленная парочка, сжимавшие руки и пересылавшие сообщения друг другу на занятиях. Время от времени они тихонько прыскали в кулаки и наклонялись к парте, демонстрируя раздраженному преподавателю свой стыд, а еще чаще — прогуливали пары, убегая через дорогу в парк. Справа у окна сидела Вика, все знали, что ее родители развелись, и ей приходилось подрабатывать. Она бы-

ла бледна и холодна, никогда не улыбалась и как будто ненавидела всех и вся. Были еще умница Вадим, красавица Стася, члены студсовета Полина и Света, в основном сидевшие в телефонах, еще двое не пришли по болезни.

Он считал, что нужно верить в учеников. Иначе не стоило идти в преподаватели. Учителя всегда были на первом рубеже обороны, они выдвигали свои орудия на передовую и открывали огонь, несмотря на ужас и смерть вокруг. Еще бы — им нужно было во что бы то ни стало, вопреки сомнениям передавать свои знания дальше. И в ком-то в этой аудитории зажжется пламя, кто-то встанет на место тех, что погибли в бою.

— Как вы понимаете следующие слова писателя: «Если искусство чему-то и учит (и художника в первую голову), то именно частности человеческого существования... Многого можно разделить: хлеб, ложе, убеждение, возлюбленную — но не стихотворение...»?

— Не, — пробурчал Егор, — возлюбленную делить ни с кем невозможно.

И понеслось обсуждение. Студенты загорались, выражали себя, и в каждом из них было что-то уникальное, индивидуальное, неповторимое. Эти минуты он любил больше всего, потому что в нем самом появлялся мощный, железобетонный фундамент.

Пара пролетела быстро, но без суеты и беготни. Вообще-то занятия получались разными, в зависимости от многих факторов — погоды, здоровья, настроения. Главное было — не быть равнодушным, любить свой предмет и своих слушателей. Вместе они поднимались к гималайским вершинам, снимали свои рюкзаки повседневности и смотрели на орлов, паривших в бездне. Потом они сообщали выкладывали каменные пирамиды знаний, что-то добавляя или меняя местами.

Но нужно было возвращаться к арбалету. На пачках бумаги оживились новые змеи.

Он открывал файл, вносил туда два изменения, печатал, открывал следующий файл, вносил туда два изменения, печатал. Деревья трещали в принтере, покрываясь несмываемыми пятнами. Перерыв на обед ничего не решал. Он чувствовал себя дровосеком, истребляющим леса Сибири.

Под конец дня из ректората поступило еще одно задание — добыть к королевскому столу благородного оленя. Но он был уже обессилен и отпросился домой, сославшись на нехватку арбалетных стрел. Мобильный не умолкал еще целый час, но он не брал его, оставив все претензии королевского распорядителя на потом. Ему нужно было забрать Машку.

Путь от художки был похож на утренний. Только разговоры были уже вечерние.

— А она ему говорит: «Ты что, бессмертный, домашку не делать?» И кол вклеила! А я думаю: только не меня, только не меня. Пронесло!

— Много задано?

— Много, но я все успею. Мне бы фанфик дочитать. Можно?

— Можно. Если хочешь, включи музыку.

— Можно на телефоне?

— Можно.

Они бежали молча, разглядывая берег то ли Гудзона, то ли Темзы. Из-за столпотворения машин на мосту вслушиваться в англоязычный хит было трудно, но он уловил слово «dream». Оно было к месту.

Их разбудило бездорожье у дома. Начиналась метель, и они поспешили к подъезду. Отперев дверь, скинув куртки, но не переодевшись, они начали вместе готовить паэлью из сосисок и макарон. Потом проглотили все разом и разошлись по своим замкам. Время от времени из Машкиной цитадели доносился смех, гревший душу, и было понятно, что оставшихся врагов она прикончит ближе к полуночи.

У него было такое же настроение, во многом потому, что он ждал звонка от Ксюхи. Они познакомились на конференции, и пока он не перевез ее к себе, ему казалось, что он тонет в холодной воде без надежды на спасение. Вода и сейчас была холодна — жена уехала на учительский съезд. Нужно было продержаться до завтра. Наконец в ушах и в груди зазвенело.

— Ну как, всех врагов победил?

— Всех. А ты?

Это был разговор двух соскучившихся друг по другу людей, который всегда наполнен намеками, неполными предложениями, повторами, надеждами и попытками преодолеть расстояние. Он целовал ее, согреваясь ее телом, ее изгибами, желанием, тем, что могло быть дальше.

Нужно было ложиться спать. На этот раз он разбил палатку у озера. Вдалеке вынырнуло и в страхе скрылось под водой лохнесское чудовище, а по лунной дорожке кто-то бродил в бессоннице.

Но об этом он запланировал поговорить завтра. Он пожелал дочери спокойной ночи. Машка уже замедляла свой бег, ее движения становились все более сонными, противники были повержены, и выключив свет, она заснула. Для нее начиналось самое интересное время.

Он тоже лег. В этот момент какое-то беспокойство овладело им. Он задумался о смысле своего бега, своих сражений. Он приподнялся над землей и посмотрел на свое распростертое немолодое тело. И задал вопрос: зачем? Зачем мое сознание зажглось и горит во мне до сих пор? Почему я до сих пор жив и не падаю в пустоту, в небытие? И изменится ли что-то, когда я упаду в это небытие? Как это будет?

Он вдруг почувствовать боль в животе, в голове. Все тело страшно заныло. Притаившийся в дальнем окопе солдат целился в него из снайперской винтовки, а с другой стороны вышедший из озера гренадер начал бросать в па-

латку гранаты. Эти взрывы колыхали землю вокруг, вызывали отчаяние и слезы. Встать и убежать не получалось. Чувство страха и одиночества накрыло его.

Он повернулся на бок и затих. Ему не снились никакие сны – ни львы, ни Африка. Он провалился в черную дыру, куда падают все люди после смерти, чтобы искать там себя, за горизонт желаний и мечтаний о том, что не сбылось и останется следующим поколениям. Наверное, это был финиш.

2019 г.

ДМИТРИЙ ТРИПУТИН

Последний путь Ларри

Ларри лежал в луже собственной крови, прислонившись спиной к стойке бара в непривычно безлюдном салуне. Напрягая последние силы, он перезаряжал револьвер.

Салун опустел, как только Ларри ввалился туда, отстреливаясь от банды контрабандистов. Его скуластое загорелое лицо отражало упрямство и сосредоточенность, но в потемневших глазах можно было прочесть понимание того, что сейчас его дела плохи как никогда прежде. Из-под копны густых светлых волос стекали ручейки пота и заливали глаза, но вытереть лицо не было времени. В окне мелькнула осторожная тень, и он, машинально не целясь, выпустил туда несколько пуль. Раздался звон разбитого стекла, тень исчезла, а зал наполнился едким пороховым дымом.

Эти шакалы всё ещё боялись его, даже смертельно раненого, и Ларри усмехнулся, тут же скривившись от боли.

Перевязывать кровавое месиво раны в боку уже не имело смысла, долгие годы службы шерифом научили его разбираться в таких вещах. Но жизнь, пусть и быстро угасающую, следовало продать подороже, и Ларри, борясь

с головокружением и приступами тошноты, туго перетянул рваную рану остатками рубашки.

Угасающий взгляд Ларри тоскливо скользнул по лестнице на второй этаж, куда ему уже не доведется подняться, и остановился на неприметной дверце. Там, в кладовке под лестницей, хозяин салуна неизменно и вопреки предписаниям шерифа хранил солидный, если не сказать больше, запас динамита. Сейчас это было как раз то, что нужно, и Ларри, преодолевая нарастающую дурноту и силясь не потерять сознание, оценил расстояние, которое ему предстояло преодолеть.

Часто останавливаясь и стараясь держать в поле зрения окна и двери, Ларри ползком двинулся в свой последний путь.

Когда израненный шериф всё же добрался до лестницы, ему показалось, что прошла целая вечность, а его маршрут отметила широкая кровавая полоса. Дважды ему пришлось останавливаться и стрелять по окнам и двери, отгоняя осмелевших бандитов.

Наконец Ларри дополз до дверцы под лестницей и взглянул в кладовку. Вполне удовлетворённый увиденным, он решил пока не стрелять в динамит.

Следовало выбрать более подходящее время для взрыва. «Теперь пусть заходят, пусть все заходят...» — мрачно размышлял Ларри. — «Только бы не потерять сознание». Перед его мысленным взором внезапно всплыло испуганное лицо Стива — хозяина салуна. Потом Стив безвольно развёл руками, и Лари, уже путая реальность с фантазиями, почувствовал раздражение.

Хотя Ларри и дружил со Стивом, ему всегда не нравилась его бесхарактерность и какое-то ленивое упрямство.

Тем временем в окружающем мире что-то происходило. Медленно, но неуклонно надвигались неуловимые пока перемены. Вскоре Ларри услышал, а точнее почувствовал

всем своим распластанным на неровном дощатом полу телом, ровный гул.

Усиливаясь, гул казалось, приближался и постепенно распадался на отдельные звуки. «Кавалерия», — успел подумать Ларри, проваливаясь в небытие.

Капитан Дэвид мчался по прерии во весь опор, слившись со своим черным, как уголь, скакуном почти в одно целое. Он возглавлял роту кавалеристов регулярной армии и чувствовал у себя за спиной могучую силу.

Капитан гордился этой силой, так как если бы она была его собственной.

Да и вряд ли бы нашелся человек готовый это оспаривать.

Конная разведка доложила, что в городок вошла большая шайка контрабандистов, давно доставляющая всем неприятности. В основном банда промышляла наркотиками, но на её счету было немало разных преступлений, совершённых ради наживы.

Очевидно, бандиты кого-то преследовали и поэтому сильно отклонились от обычного и почти безопасного для них маршрута. Ещё Дэвид знал, что тот, кого догоняли контрабандисты, выследил их с высокой, господствующей над местностью, возвышенности. Но при этом он и сам не остался незамеченным. Об этом разведчикам рассказали многочисленные следы неравного боя и разбитая подзорная труба, найденная на холме.

Кавалерийский рейд не был запланирован заранее, сборы были слишком поспешны, и капитан боялся спугнуть неожиданную удачу. Машинально покусывая кончик длинного черного уса, он торопил коня и перебирал в уме возможные варианты предстоящей операции.

Влетая на окраину городка, капитан услышал отдаленные выстрелы, прозвучавшие со стороны салуна, и придержал коня. Тот, взвившись на дыбы, развернулся к кавалери-

стам, и Дэвид увидел синие мундиры многочисленных всадников в облаках пыли, поднятой сотнями копыт.

Теперь капитан Дэвид уже не сомневался, что сегодня, наконец, покончит с неуловимой бандой, и немедленно принялся отдавать приказания.

Несколько недель спустя салун всё ещё хранил следы недавнего боя, но в целом был таким же, как и прежде. Его хозяин Стив и выздоравливающий, но еще слабый, Ларри сидели за столом и неторопливо беседовали. Круглолицый и розовощёкий Стив в очередной раз наполнил стаканы и, сморщив добродушное лицо, оценивающе посмотрел на быстро пустеющую бутылку виски. Когда они выпили, Ларри облокотился на стол и постарался занять более удобную позу. Из-под расстегнутого ворота его рубашки виднелись бинты. Ларри сел, неловко вытянув ногу, но в целом он выглядел уже неплохо.

Их компанию только что покинул капитан Дэвид, и в воздухе ещё ощущался крепкий аромат табака его трубки. Капитан получил новое назначение и отправлялся со своей ротой в отдалённый форт. Он заходил попрощаться и по обыкновению задержался, рассказывая о всевозможных превратностях военной службы.

Дэвид был очень энергичен, производил много шума, и сразу после его ухода Ларри понял, что уже скучает о нём.

— Доктор сказал, что скоро разрешит тебе отправиться со мной на рыбалку, — сказал Стив. — Как ты на это смотришь?

— Знаю я твои рыбалки, Стив. Пока не избавишься от динамита, я с тобой никуда не поеду, — хмуро сказал Ларри. — Ну, как тебе ещё объяснять, что хранить его здесь очень опасно?

Немного ленивый и нерасторопный Стив пользовался расположением Ларри и никогда не спешил выполнять да-

же важные указания. Но на этот раз ему было чем похвастать.

— Нет у меня больше динамита, Ларри, — сказал Стив, и на его лице засветилась довольная улыбка. — Когда армейские доктора, посоветовавшись, всё-таки взяли тебя штопать, я ходил, не зная, чем себя занять. А потом предложил динамит военным. Объяснил, что мне негде его хранить.

— И что же военные?

— Удивились — откуда и зачем у меня столько, но охотно всё взяли.

Стив наклонил голову и лукаво посмотрел на Ларри.

— Поверить не могу, с какой лёгкостью ты тогда решил судьбу моего заведения, — проговорил он. — А ведь это единственный источник дохода для меня и моей многочисленной семьи.

— Знаешь, когда я полз по твоему заведению к этому чёртову динамиту, я был уверен, что это мой последний путь, — сказал Ларри дрогнувшим голосом и закашлялся.

Стив, стараясь скрыть волнение, принялся наполнять стаканы и придвинул к Ларри тарелку с закуской. Ему было непривычно и больно видеть такого сильного человека, как Ларри, тяжело раненым и ослабевшим. И Стив очень надеялся, что тот скоро придет в норму.

За долгие годы Стив незаметно для себя привык к несколько грубоватой опеке со стороны Лари. Он этого не осознавал и воспринимал всё как должное. Вместе с Ларри легко принимались сложные решения и разъяснялись запутанные вопросы. Но как раз в очень непростое для него время на протяжении долгих недель Стив был предоставлен самому себе. На него свалилось множество проблем, и разбираться с ними пришлось в одиночку. Это наложило на Стива неизгладимый отпечаток, и он начал понимать, что уже никогда не сможет быть столь беззаботным, как прежде.

«Я должен во что бы то ни стало поставить этого парня на ноги», — подумал Стив. — «И если понадобится, я буду нежным, как заботливая мамаша и твёрдым, как гранитная скала. Он того стоит». Взгляд Стива обрёл непривычную для него твердость, а действия, да и сами движения, стали скупыми и расчетливыми.

— Всем нам когда-нибудь предстоит отправиться в последний путь, — медленно произнёс Стив, тщательно подбирая слова. — И тебе и мне. Но не сейчас, Ларри, ещё не сейчас...

Ночная прогулка

Вечеринка затянулась почти до полуночи, и Кевин вылезался проводить Нэнси домой. В августе быстро темнело, а девушка жила на самой окраине городка.

Нэнси, опустив голову, потупила тёмные и слегка раскосые глаза. Волна каштановых волос на миг почти скрыла её симпатичное овальное личико. Наконец девушка пробормотала едва различимые слова согласия, и Кевин с трудом сдержал радостную улыбку. Скрывая смущение, он стал сердечно прощаться с хозяевами. Девушка нравилась Кевину, и ему очень хотелось познакомиться с ней поближе. Надевая куртку, он бросил в зеркало быстрый взгляд и с удовлетворением отметил, как едва пробивающиеся усики красиво оттеняют его узкое и одухотворённое лицо.

Воспитанный в сугубо пуританских традициях, Кевин больше привык к общению с книгами, чем с людьми, и нечасто посещал увеселительные мероприятия. Его отец, всю жизнь проработавший рядовым офисным служащим в их маленьком городке новой Англии, желал Кевину лучшей участи и с детства приучал сына к дисциплине. Но сейчас Кевин не задумывался об этом, он гордился количеством выпитого сегодня вина и чувствовал себя почти бунтарем.

Нэнси в отличие от своего провожатого была совершенно трезва. Она не брала в рот ни капли спиртного, с тех пор как на школьном выпускном вечере напилась и подралась с королевой бала. На другой день подруги, пряча глаза и хихикая, рассказали Нэнси, как она орала, срывая с головы девушки корону и таская её за волосы. Но подруги наотрез отказались воспроизвести ругательства, которые самозабвенно выкрикивала Нэнси.

Сама же она совершенно не помнила завершения этого вечера.

В конце концов Нэнси решила, что видимо, употребила крепкие выражения из обширного репертуара отца. Возвратившись с ночной попойки, отец неизменно повторял его, дополняя различными вариациями. Высказывания и замечания рассерженной матери были в таких случаях ещё более суровыми и замысловатыми, но Нэнси надеялась, что не воспользовалась ими. Просто из чисто физиологических соображений они были практически неприменимы к женщине.

Бедняга Кевин ничего этого не знал. Минуло уже больше года, как он окончил школу с медалью. Поступив в колледж, юноша почувствовал себя взрослым и принципиально не интересовался школьными делами своих знакомых.

Восхищённый красотой и скромностью молчаливой девушки, Кевин пытался поразить её воображение. Они неторопливо шли по тихим безлюдным улицам, и юноша рассказывал о себе, своих планах на будущее и недавно прочитанных книгах. Нэнси внимательно слушала, но на вопросы о себе отвечала односложно и только задумчиво покусывала сорванную где-то по дороге травинку. Мать Нэнси работала прачкой, а отец служил обходчиком на железной дороге. Девушка понимала, что особенности жизни её семьи вряд ли составят интересную тему для беседы.

Иногда они проходили плохо освещённые места, и Нэнси ненадолго брала юношу под руку. Кевин замирал

от восторга, чувствуя прикосновения упругой девичьей груди и нежных, но сильных пальчиков. В тоже время он осознал, насколько хрупкой и беззащитной была девушка, и впервые в жизни почувствовал ответственность за благополучие другого человека. Это открытие придало Кевину смелости, и он почувствовал какую-то бесшабашную уверенность в себе и своих силах.

Юноша даже не заметил, как они прошли почти весь путь. Только увидев за невысоким забором одинокий дом, поблескивающий большими тёмными окнами, Кевин понял, что их путешествие подошло к концу.

Неровный свет фонаря нарисовал перед ними тени и Кевин обратил внимание на их различие и расстояние между ними. У Нэнси даже тень имела округлые линии, в которых угадывалась женщина. В отличие от более длинной и угловатой тени Кевина. Он медленно повел рукой, и тени соприкоснулись. Кевин почувствовал обволакивающий жар разгоряченного тела девушки, её дурманящий запах и удары своего быстро заколотившегося сердца. Но Нэнси вежливым, но настойчивым движением сразу же отвела его руку, и юноша не сопротивлялся.

Кевин не хотел, чтобы Нэнси подумала, что он такой же, бездушный искатель приключений, как многие его приятели. Ведь он совсем не такой как другие, у него острый ум и тонкая, чувствительная душа. Почему-то Кевин не сомневался, что любая девушка при близком знакомстве оценит это и признает неоспоримым преимуществом.

Недалеко от неровно выложенной кирпичом тропинки к крыльцу дремал большой, но неухоженный пруд. Его берега местами начали зарастать камышом и травой. Полная луна, обрамлённая облаками, висела низко над самым горизонтом. По спокойной, почти без ряби, поверхности пруда протянулась серебристая лунная дорожка.

Взволнованный открывшимся видом и близостью Нэнси, юноша хотел прочитать красивые стихи, но не смог

припомнить ничего подходящего. Тогда он просто предложил девушке полюбоваться ночным пейзажем. Но Нэнси, сдержанно улыбнувшись, отказалась и, немного помедлив, быстро зашагала к дому. Уже на крыльце чувствуя, что Кевин продолжает на неё смотреть, она грациозно обернулась и сделала рукой прощальный жест.

Кевин возвращался домой в приподнятом настроении и полной уверенности в том, что произвёл на девушку самое благоприятное впечатление. Когда юноша думал о Нэнси, внутри поднималась горячая волна восторга, и им овладевало томление от неясных предчувствий и надежд. Кевин подумал, что, наверное, влюбился, и это открытие взволновало его ещё больше.

Несмотря на множество прочитанных книг, он не никогда не задумывался о возможных различиях между страстью, лёгкой влюблённостью или чем-то большим.

Кевин жалел только об одном: он забыл попросить у девушки номер телефона.

Тихонько, чтобы не разбудить родителей, пробравшись в спальню, Нэнси принялась раздражённо щелкать выключателем. Когда свет, наконец, зажёгся, она, грубо выругавшись, плюхнулась на кровать. Та только жалобно скрипнула, и Нэнси, вздохнув, начала не спеша раздеваться. Она небрежно разбрасывала по сторонам платье и чулки, испытывая всё более нарастающие чувства разочарования и досады.

Этот подвыпивший и безмерно хвастливый юнец, кажется, его звали Кевин, всю дорогу раздражал её бестолковой болтовнёй. Он даже не пытался ухаживать по-настоящему, как это обычно с грубоватой настойчивостью и непреодолимым упорством делают парни. А ведь он не лишен своеобразного обаяния и мог бы рассчитывать на её благосклонность. В определённых, конечно, пределах.

На мгновение Нэнси показалось, что в её рассуждениях есть какой-то изъян, но девушка тут же забыла об этом.

Она не привыкла задумываться о таких вещах, тем более, когда они противоречили привычному укладу её жизни.

Успокоившись и уже засыпая, Нэнси решила что, пожалуй, на следующей вечеринке немного выпьет. Просто для того, чтобы потом не было так скучно.

НАДИН РИВЗ

Надин Ривз, пишет прозу, стихи. Автор повести «Ханна Хенсен», романа «Мечты в формалине». Романы «Убить ангела» и «Кровные узы» изданы в издательстве «ALTASPERA» (Торонто, Канада). Публиковалась в журналах: «У Щекиной», «Три желания», «PS»; газете «Наша Вологда». Участница литературного клуба «Ступени» и литературно-краеведческой студии «Лист».

В 2009 году выпустила сборник миниатюр «Лови момент». Постоянный участник поэтического салона «Новый Диоген».

Один день из...

Рассказ первый. 2009 год

Илья проснулся от телефонного звонка. Не открывая глаз, он нашарил телефон и наугад нажал на кнопки. Ему повезло. Включилось не только «ответить», но и громкая связь.

— Илюша! Привет! Ты что спишь еще? — громкий и бодрый голос мамы прогнало статки сна. Илья резко сел, почувствовав острую боль в голове.

— Нет, нет, уже встал, — он перевел телефон в обычный режим и поднес к уху.

— Ты не забыл, что я к тебе сегодня приду?

Черт!

— Помню, помню, — быстро проговорил он. — А во сколько?

— К двум часам приду. Все нормально?

— Да, да. Жду тебя.

— Тогда до встречи. Скоро буду.

— Пока.

Илья мотнул головой и посмотрел на часы. Мама придет через два часа. Два часа.

Он встал с дивана, надел штаны и футболку и оглядел комнату. Зрелище его не обрадовало, особенно учитывая тот факт, что скоро сюда придет мама.

На столе — куча посуды с остатками еды, грязные стаканы, окурки в пепельнице, окурки в чашках, тарелках. Пол грязный. На подоконнике — газеты, банки из-под пива, снова окурки. На батарее — заботливо разложенные презервативы, вероятно для повторного использования.

У стены — коллекция пустых бутылок из-под различной выпивки. Коллекция — потому что заботливо собранная и расставленная у стены в художественном беспорядке. Своего рода — гордость.

— Твою ж мать! — только и мог сказать Илья. И тут вспомнил, что в соседней комнате спит его друг.

Юра спал на диване, на подстилочке. Подстилочку звали Оля. Она была высокая, костлявая и угловатая. Спать на ней было не слишком удобно, но Юра верил, что любит ее, и ему было хорошо.

Илья вошел в комнату и постучал по стене.

— Чего? — открыл глаза Юра.

— Подъем! Моя мама сюда едет, — и вышел из комнаты.

Юра и Оля стали соскребаться с дивана. Макияж Оли за ночь размазался, особенно нарисованные брови. Оле никто не сказал, что есть водостойкие не размазывающиеся карандаши, поэтому она частенько ходила с чуть размазанными бровями и синими кругами под глазами от бессонных ночей. Если бы в наше время пользовались гужевым видом транспорта, лошади бы от Оли шарахались.

Юра и Оля, одевшись, вышли на кухню. Илья судорожно пытался прибраться. Скидывал все, что видел в большой мусорный мешок из плотного черного полиэтилена, если верить американским фильмам, в таких мешках еще удобно выносить трупы.

— Тебе помочь? — спросил Юра.

— Да, презервативы с батареи убери.

— Это не мои.

— Да мне срать чьи, все равно убери. Мама сейчас придет!

Юра и Оля прошли в комнату, в которой вчера была пьянка, а сегодня — великий срач. Юра взял газету и стал убирать гондоны с батареи. Оля не без брезгливости убирала со стола.

Все молчали. У Ильи болела голова. У Юры был сушняк. Оля пребывала в состоянии близком к зарождению в костном мозгу Великой Мысли.

Когда все было более-менее прибрано, друзья встали посередине комнаты и задумчиво уставились на коллекцию бутылок. Любой нормальный человек скидал бы их в мусорный мешок и утащил на помойку, но это не про наших героев.

— А с этим что делать? — спросил Юра.

— Выкинуть, — предложила Оля.

— Я тебе выкину! Это коллекция, — пояснил Илья. — Знаешь, сколько времени собирал?

— Неделю? — саркастически спросила Оля.

Илья задумался.

— Немного больше.

— Так что делать-то будем?

— Свяжем веревкой за горлышки, на манер гирлянды и вывесим за окно. Мама не увидит.

— А не сорвется эта гирлянда? — засомневался Юра.

— Не сорвется.

— А может, за диван лучше?

— Не влезет.

— Ну, тогда давай за окно.

Юра и Илья старательно связывали бутылки: петля вокруг бутылочного горлышка, узел, еще петля и на другую бутылку, и так далее.

Оля наблюдала за ними. Молча и заинтересованно.

Через полчаса связка бутылок была вывешена за окно.

— Теперь норм, — радостно произнес Илья. — Можно встречать маму.

— Я чайник поставлю, — Оля меланхолично прошла на кухню.

Мама Ильи добралась до дома сына успешно, несмотря на то, что район был гопнический. Вчера в местном

рок-клубе был концерт, и гопников успешно разогнали металллисты, панки и прочие представители местного рок-движения.

Мама принесла еду и тепло, ощущение уюта и того, что все будет хорошо. Они пили чай, Илья рассказывал, как дела на учебе. Конечно же, все прекрасно. И мама радовалась его успехам, свободе мысли, стихам, песням, стремлениям и идеалам.

Когда мама и друзья ушли, Илья подошел к окну, к тому самому, за которым висела бутылочная гирлянда. Он закурил, задумчиво глядя на небо цвета кошачьей блевотины. Он прекрасно осознавал, что его жизнь в его руках, и он может быть талантливым журналистом или музыкантом, и ему есть, что сказать этому миру. Есть лишь одно «но». Так не хочется покидать зону комфорта, теплое болото быдло-вечеринок затягивает и кажется тем самым настоящим, тем к чему он и шел. Но это не так. И нужно что-то менять. А что, если так ничего и не изменится? Ведь нельзя ничего изменить, жизнь статична, и ее движение — лишь иллюзия.

Он затушил сигарету о дно чашки и открыл окно, чтобы затащить обратно в дом пустые бутылки.

Рассказ второй. 2020 год

Мария стояла на остановке, пустым взглядом уставившись вдаль. В пальцах догорала сигарета. Мария уже забыла про нее. Сил не было, хотелось спать.

Автобус, как назло, не спешил приезжать. Ветер гнал мусор и рябь по коричневой воде луж. Мария моргнула и отошла на два шага от края дороги. Если проедет машина, то точно окатит грязью. Стирать пуховик ей не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Только спать. И немного есть.

Все, что было у Марии, пачка сигарет, и она, вопреки песне Цоя, не давала надежды, что все не так уж плохо на сегодняшний день. Еще у нее было имя -Мария. Красивое имя, звучное, святое. Именно Мария, не Маша, не Мара, не Маня. Она не терпела всех этих уменьшительных извращений и сумела отвоевать право быть Марией. И этого у нее не отнять.

Этот город уничтожал все. Мечты, надежду, веру в людей, бога, справедливость и любовь. Он уничтожал людей. Стирал их лица, фигуры, личности, и имена укорачивал до собачьих кличек. Серый город под серым небом. Одинаковые дома-коробки. Грязно-серые панельки. Белые кирпичные дома смотрелись радостно, когда выходило солнце. Но во всех этих домах выживали люди. Хоронили мечты, смирялись и влачили существование. «Как все» — такой девиз города. Здесь не любят тех, кто выделяется.

Мария выбросила догоревшую сигарету в урну и засунула руки в карманы. Подошла к краю дороги, взгляделась вдаль — пустота. Казалось, что автобус не приедет никогда.

Мария работала медсестрой в городской больнице. Типичная больница типичного Прикамска. После смены сил у Марии не оставалось. Только усталость. Безысходность. Будто жизнь уже кончена, и ничего хорошего в ней не будет. Она не станет врачом. Для этого нужно уехать отсюда. За учебу нужно платить. Снимать жилье.

Можно, конечно, рискнуть.

Но ничего не хотелось. Абсолютно. Она не чувствовала энергии, желания жить, что-то делать. Будто всю радость и счастье серый город выпил из нее. И из других людей тоже.

Она чувствовала себя беспомощной, слабой и бесполезной. От ощущения собственной никчемности и ненужности хотелось кричать. Мариямолчала. В горле стоял ком. Единственная бесценная жизнь проходила мимо, к то-

му же абсолютно бездарно. Хотя в бесценности жизни Мария разочаровалась. Она не видела в ней ничего ценного. Она всего лишь живой организм, который однажды умрет. И повезет, если тихо и во сне. Не мучаясь.

Ночью к ним в отделение привезли старушку. Маленькая, сухая, почти лысая, она прижимала руки к груди и не понимала, где находится, и зачем ее сюда привезли. У старушки сгнили обе ноги до колена. Родственники изображали скорбь, растерянность и удивление.

— Вот у бабушки ноги что-то... вот такие... Мы за ней ухаживали!

Врач их слушал вполуха. Он понимал, что старушку привезли сюда умирать. И Мария это понимала. И, наверное, сама старушка тоже. А, может, и нет. Счастье, если нет.

— На ампутацию, — сухо сказал врач.

Родственники старушки принялись утирать воображаемые слезы. Мария отвернулась, с трудом подавила желанье высказать им все, что думает. Нельзя.

Она ничего не может исправить или изменить.

Это не первый такой пациент. И не последний. Она это понимала. Только вот, если раньше относиться отстраненно ко всему происходящему было проще, то вчера она чуть не расплакалась. Сдержалась.

Начал моросить дождь. Мария надела капюшон, закрывшись им от дождя и мира.

Автобус приехал, остановился по всем правилам в луже. Марии было всё равно, она прошла по луже и села в автобус. Протянула деньги за проезд унылой молодой женщине с розовыми наращенными ногтями. Та протянула билет.

Водитель выждал пару минут, будто бы еще кого-то ждал в унылом сером пейзаже, выкинул бычок в окно и поехал дальше.

Мария смотрела в окно. В дождливую пустоту.

Дома ее никто не ждал.

АЛЬБИНА СБЕРЕГАЕВА

Сберегаева Альбина Юрьевна. Родилась 16 декабря 1971 года в городе Тайшет Иркутской области. Но считает себя коренной вологжанкой. Училась в педагогическом и политехническом институтах. Успела поработать воспитателем в детском саду, учителем, секретарём и бухгалтером в банке, главным бухгалтером на лесопилке, уборщицей, бухгалтером-экономистом в дорожном предприятии,

журналистом в рок- журнале и на фестивале «Нашествие». В литературную студию Лист пришла в 2018 году. Из-за прогулов осталась на второй год. Принимала участие в Анчаровских чтениях и литературных сборниках. Опубликовала на ридеро книгу «Наблюдать за личным» в стиле постмодерн. Она не стала бестселлером среди читателей, но имеет или отрицательные, или положительные отзывы. В свободное время Сберегаева проводит авторские экскурсии по Вологде. На одной из них доказала, что Леонардо да Винчи был в Вологде.

Вечерами любит сочинять **Рассказы в стиле Drabble.**

1

Молодая женщина сидела на деревянных перилах моста. Руки развела в стороны. Подумала, что так похожа на птицу. На курицу. Смешно. Медленно подняла руки вверх. Ветер потрепал за челку, прошлогодним листом ударил по носу. Женщина покачнулась, вскрикнула и схватилась руками за перила.

— Малимочка, ты только не прыгай. Умоляю тебя.

Мужчина сложил вместе ладшки и упал на колени.

— Не- мо-гу, — ревела женщина.

— Во что превратилась моя жизнь? Везде мутная вода. Я задыхаюсь. Задыхаюсь. Ты ничего не видишь, кроме своих книг!

— Неправда, — шептал и полз к ней мужчина. — Ты хозяйка лучшего литературного салона, тебе все завидуют.

— Не-прав-да! — кричала женщина. — Все приходят, чтобы посмеяться надо мной.

Мужчина потянулся к подолу её платья.

— Не трогай меня, Федор, не трогай, — верещала женщина. Покачнулась и потеряла равновесие. Падала некрасиво ногами вверх. Юбка задралась и обнажила розовые панталоны. Тело звонко шлёпнулось, поднимая весёлые брызги, и быстро ушло под воду.

В этот день погода была настолько теплая, что жители города Во зимние пальто сменили на легкие. Первые смельчаки сняли головные уборы и испытали удовольствие от нежного прикосновения солнца. Ревнивый ветер сгонял тепло, но быстро уставал и бежал в снежные поля за подмогой.

Мужчина третий час стоял у деревянных перил моста, смотрел на воду. Река в городском парке уже освободилась ото льда, но ещё стояла в легком полусне. И вот она сжалась и вытолкнула со дна спящую русалку. Её хвост и волосы медленно шевелились. Мужчина жадно рассматривал лицо и находил схожесть с другой, любимой. Только у его женщины были румяные щечки и милые колечки волос. Она любила притворяться спящей, смотреть на него сквозь ресницы. Потом не выдерживала, смеялась, протягивала руки и крепко его обнимала.

Русалка с равнодушным лицом проплыла мимо и исчезла за первым поворотом.

Птицы на ветках ивы вдоль реки неприлично громко орали о желаниях.

— Прекратите! — шептал мужчина, зажимая уши руками.

На грязных мостках валялся букет из первых цветов мать-и-мачехи, что ещё утром так любовно собирали нежные руки Малимочки.

— Натё! Получайте!

Он топтал солнечные головки цветов сапогами.

А в воздухе пахло гарью.

2

— Вы тот самый Сологуб? — у администратора гостиницы «Золотой якорь» на лбу выступили мелкие капельки пота.

— Нет, я другой.

Федор Кузьмич старчески закашлял, взял ключи и медленно поднялся на третий этаж в номер.

— Кто это? — обратилась к администратору симпатичная барышня. Она принесла из ателье готовый заказ одному из постояльцев и, получив комиссионные, должна была идти по своим делам, но не уходила. Бросив на столик букет из мать-и-мачехи, поднимала каждый цветок, любовалась на яркую головку, потом быстро переплетала покорные стебли в венок. Администратору было приятно присутствие девушки.

— Сам Федор Сологуб, — торжественно произнёс он и надул для важности щеки.

— А я думала, что он молодой, красивый. А этот — старик, бородавка на носу и лицо скучное. А вот пальто у него дорогое, немецкое.

— Много ты понимаешь, дурёха. Великий человек приехал лекции читать, а ты про бородавку.

— А я бы с таким даже не поцеловалась.

Она доплела венок и надела на голову.

3

Федор Кузьмич открыл дверь номера и вошёл. Тяжелые шторы, светлые обои, стол у окна, широкая кровать с белоснежным бельем — всё это вместе создавало уют. Он повесил на плечики пальто и тяжело опустился на стул.

Долго смотрел в окно на идеальные пропорции белоснежного храма. Со временем Федору стало казаться, что не храм это, а океанский лайнер. И если придёт время бурь, то он возьмёт удары волн на себя. И все спасутся. А сейчас, ранней весной, он стоит на приколе в мутных водах центральной площади.

— Везде мутная вода, — произнес Сологуб вслух, перекрестился и задернул шторы.

Вздыхнул, провёл рукой по подбородку. Эта привычка появилась с тех пор, как он начал отращивать бороду,

и в минуты глубокой задумчивости поглаживал её. А женившись, получил приказ обрить. Сопrotивлялся недолго – хотелось выглядеть моложе.

Из портфеля достал тетрадь, открыл и прочитал вслух первую строчку: «Вопросы искусства, как мы все знаем, часто отступают на второй план перед вопросами практической жизни...»

В дверь постучали быстро, звонко, словно маленькая птица билась клювом.

Федор Кузьмич рассмеялся, бросил тетрадь на стол, сел, широко расставив ноги, и крикнул:

– Влетайте.

Дверь распахнулась, и в номер вбежала девушка. Маленькая, подвижная. Круглые черные глаза, носик тоненький и вскинут вверх. Она оббежала комнату и встала в центре. Федор Кузьмич почувствовал нежный запах весны и молодого женского тела, чуть поморщился и провел рукой по подбородку.

– Здравствуйте, а я стихи пишу. Прочитать? – затараторила девушка весело, перекатывая звук «р» конфеткой во рту.

– Вы садитесь. Садитесь на кровать. Простите, но больше некуда.

Она села. Быстро вскочила и одернула платье.

– Нет, вы меня не так поняли. Я не за этим сюда пришла. Я стихи пишу.

– Раз вы сидеть не желаете, так и я в вашем присутствии встану. Вместе стоять будем.

Он тяжело поднялся, кашлянул.

– О чем пишете стихи?

– О самом главном в жизни человека.

– О свободе?

– Смешной вы. Конечно, о любви.

– Читайте.

Она оглянулась по сторонам, вскочила на стул, замахала руками.

Слова выскакивали из неё, рассыпались во все стороны, стукались об стены и пол. Сологуб не мог сосредоточиться.

Его воображение рисовало другую картинку. Как набирает в ладонь чистой воды и подносит к её лицу. А она, наконец, замолкает, смотрит на свое отражение, улыбается. А потом, словно маленькая птичка, наклоняет головушку и пьёт, то опуская, то поднимая клювик. Да и не девушка она, а на самом деле – птица. Яркая, подвижная. Сейчас взмахнёт крыльями и улетит от него.

– Стойте, – он ударил несколько раз в ладони. – Замолчите! Вот если я сейчас хочу вас выпороть, то это любовь?

Она спрыгнула со стула. Венок с головы упал. Федор Кузьмич с трудом нагнулся, поднял, повертел в руках и надел на свою лысую голову.

– Зачем вы насмехаетесь надо мной? – засмеялась она, руками прикрывая рот.

– Странно, что вы не обиделись. А вот моя бы ж... Впрочем, это уже не важно. Как ваше имя?

– Анастасия.

– Так вот, Настенька, не пишите стихов. Не нужно. А иначе я вас выпорю.

Девушка замолчала. Хотела сказать грубое, порывистое, но передумала. Как всё это унизительно получилось.

– Покажите мне, пожалуйста, город. Хочу подарков домашним купить.

Федор Кузьмич протянул ей руку.

Странно, у пожилого человека такая молодая рука. Широкая, розовая ладонь исчерчена кружевом линий, словно карта жизни, где считывается дорога знаний, таланта,

страсти и одиночества. От неё шло тепло и мужская сила. Хотелось прикоснуться к ней губами, потереться щекой и стереть линию одиночества.

— Что вы обо мне думаете? Неприлично с незнакомым мужчиной гулять по магазинам, — девушка сделала шаг назад и спрятала руки за спиной.

— Да, прыгать по стульям в номере, — это нормально. Хорошее же у вас воспитание, барышня. Впрочем, как хотите, а сейчас прощайте, голубушка.

Он подошёл к двери, широко её распахнул и театрально показал рукой в коридор.

— Я только стихи хотела почитать, — заныла девушка.

На пороге он её остановил, взял за руку, крепко сжал. От него шёл жар.

— А что бы вы сделали ради любви? — зашептал он.

— Я не знаю, пустите.

Но Сологуб держал руку крепко.

— Так вот, не пишите стихов о любви, пока не узнаете её. Пока вот тут не заболит, — он положил её руку к себе на грудь. — Вы меня поняли?

— Да.

— Уходите.

Девушка выбежала из номера. Федор Кузьмич закрыл за ней дверь, прижался спиной и закрыл глаза.

4

Уже два года, как он не чувствовал запахи. В первые минуты, когда он это понял, очень испугался. Перенюхал всё: духи жены, платья. Рыдал от отчаянья, кричал. Он приказал собрать все её вещи и выкинуть. Месяц лечился на водах и, наконец, понял, что всё бесполезно. Со временем смирился и даже стал находить плюсы в спокойствии и отсутствии раздражающих факторов.

И вот его пробило в провинциальном городе Во. Он стоял у дверей и глубоко дышал, словно очень долго находился в душной камере, а сейчас кто-то мудрый распахнул для него окно.

Хотелось прокричать озорное мальчишечье. Федор снял с себя венок и понюхал. Сладко пахло женщиной и весной.

Он подкинул его вверх. Ещё раз. Ещё.

Скоро весь пол был покрыт головками ярких цветов. Он наступал на них, словно космический бог шёл по звёздам. Невидимый оркестр играл вальс и весь мир...

— Вам письмо от жены, — постучал в дверь администратор отеля.

— Что?

Оркестр замолчал. Из открытой форточки потянуло гарью.

— Вам письмо от жены из Санкт-Петербурга.

Федор быстро повернул замок и распахнул дверь, чтобы ударить администратора по голове. Ему протянули конверт, где знакомой рукой написано его имя.

Он вскрыл письмо. Буквы прыгали в разные стороны, пришлось надеть очки.

«Милый Малим. Я всё это время жила в гостинице, а не у подруги. Не осуждай меня. Я не хотела, чтобы ты волновался. Гостиница хорошая, моя комната очень чистая, светлая и удобная, и конечно, в стиле модерн. Перед сном выхожу погулять, но всё больше читаю. Крепко целую. Пиши мне. Твоя Малимочка»

Она жива, — стучали в голове тысячи барабанщиков.

Она жива, — трубили в голове тысячи трубачей.

Пол, стены, потолок — всё шаталось. Федор упал на кровать, положил руку на грудь.

— Я же знал, что она просто спала. Она меня испытывала. Она была спящей русалкой. Нужно было её окликнуть по имени, а я молчал. Что я наделал? Что я сейчас наделал? Соблазнился свободе и запаху молодой жизни. Но теперь я спокоен. И первым поездом к ней, домой... Всё будет, как прежде.

Федор резко встал с кровати, накинул на плечи пальто и вышел на улицу.

5

У фонарного столба недалеко от гостиницы стояла Настя. Она дернулась навстречу Федору Кузьмичу, сделала несколько быстрых шагов, остановилась. Когда он проходил мимо, девушка зашептала:

— О чем вы меня тогда спросили? Я не расслышала.

Он ничего не ответил, шёл дальше через площадь, мимо храма. Привычно перекрестился. Этого ему показалось мало. Ещё раз перекрестился.

— Господи, помоги.

Федор Кузьмич быстро пошёл по дорожке Александровского сада. Прямая спина, высоко поднятая голова. Шаг. Шаг. Словно солдат перед боем принял сто граммов и ничего не боится. Старости нет. Есть длинная, длинная личных сражений жизнь. А как награда — тело прекрасной дамы. Давай, иди, мужчина, весело маршируй с огромным пузом опыта. Шаг. Шаг. Бодрее. Она уже раскинула крылья рук, развела на север и восток свои белые ноги. Ты попадёшь прямо в её сладкую черноту. Если... дойдёшь.

У Федора Кузьмича щелкнуло колено, он ойкнул и захромал. Потянуло в поясице. Он сгорбился, сжался, потух и пошёл медленно, волоча ногу, словно раненый. Закружилось солнце, зашаталась колокольня.

— Милима, Настенька, — проронал он, обнимая тонкий ствол молодого дерева и слеповато оглядываясь по сторонам. Никого. Совсем никого.

На храме загудел главный колокол: «По-чем трес-ка? По-чем трес-ка?». Ему сердито ответили средние колокола: «Три копейки с половиной, три копейки с половиной!». Маленькие зазвонные весело вступили в разговор: «Врешь, врешь, полторы, врешь, врешь, полторы».

Федор Кузьмич потряс головой. Наваждение спало. Звон летел над площадью, очищая от скверны вечным напевом: «Любишь Бога? К нам, к нам. Любишь Бога? В храм, в храм».

6

– Слава России, – кричал со сцены Сологуб.

– Государю императору Слава, – дружно ответили люди в зале.

– А на этом лекцию на тему «Искусство как выразитель миропонимания» объявляю закрытой.

Слушатели долго хлопали, что-то хвалебное кричали со своих мест.

Долго не расходились, стояли группами, обсуждали. К великому Сологубу гимназистки подходили робкими стайками, просили автограф в альбом. Он спрашивал имя, смотрел в лицо, а потом медленно писал, выводя каждую букву. «Наталье, или Светлане, или Ольге от Федора Сологуба на добрую память». Организатор отсчитал триста рублей и умолял ещё приезжать с лекциями.

Когда, наконец, все разошлись, Федор с чемоданом вышел на улицу, его окликнула Анастасия.

– Можно я вас провожу на вокзал?

В повозке они молчали. Он даже сквозь толстую ткань пальто чувствовал соприкосновение его плеча с её плечом. Потом некстати вспомнил про жену, во рту стало кисло, и он отодвинулся.

На перроне было уже темно.

– А я стихи порвала и сожгла. И у меня вот что.
Настя подняла вверх обожжённый палец в зеленке.
Федор на него нежно подул.

– Я даже согласна, чтобы вы меня выпороли, и я никогда не писала стихов.

Он взял её маленькую ручку, раскрыл и поцеловал в мягкую ладошку.

Она задохнулась, захлебнулась от счастья.

– Я готова с вами поехать и помогать во всем.

Девушка обхватила шею руками и прижалась губами к его губам, как это делают только в детстве.

Сологубу стало стыдно от желаний своих, от поступков.

– Я очень старый для тебя, птичка. Прощай.

Он поцеловал её в лоб, поднял с земли чемодан, поднялся в вагон и закрыл дверь. Даже не оглянулся.

7

Стук колёс успокаивал нервы. Он заказал чай, свежую прессу.

Наводя порядок в сумке, наткнулся на конверт от жены, погладил рукой шершавую бумагу. Понюхал. Не пахнет. Странно, она всегда сильно посыпала письма сухими духами.

Случайно посмотрел на дату отправления и похолодел. Письмо было написано и отправлено ещё до её смерти. Сколько же времени письмо ездило по стране в поиске получателя и именно в городе Во застало.

Ну что ж, уже поздно нажимать стоп-кран. Поезд уносился всё дальше и дальше. Федор положил большую седую голову на подушку и провалился в сон.

КИРА СОКОЛОВА

Родилась и всю жизнь обитаю в Вологде. Писать начала лет с двенадцати, наивные стишки для школьных мероприятий. Потом первая любовная лирика. Смешно перечитывать, сплошные сопли в глагольных рифмах. В старших классах появилась первая проза и первые соратники и критики — небольшая группа одноклассников, обменивавшихся на уроках своими стихотворениями

и мнениями о них. В 98 или 99 году судьба свела меня с Жоржем Вандышевым, Яковом Дальским (в те времена ещё Авербухом) и сотоварищи. Жорж оценил мою юношескую писанину, привёл в ЛИТО «Ступени». И остался главным гуру, критиком и ценителем моего творчества.

В то время в лито был выпущен мой пресс-релиз. В марте 2001 года состоялся творческий вечер в арт-кафе «Джус», а потом что-то пошло не так. Словно провал в памяти. Не могу вспомнить почему ушла из Лито, почему перестала через какое-то время писать.

Потом были годы замужества и творческого запора, когда даже если что-то и рождалось, то очень редко и в муках. А году в 2016 словно прорвало. Стихи, проза, писательская интернет тусовка. Прозы стало больше. Стихов своих до сих пор стесняюсь, потому что знаю, что не дружу с размером. Но лезет, просится и я пишу.

«Записки из волшебной страны»

Part 1

Все просто: сказка закончилась!

Элли спилась. Страшила изгнил.

Заржавел Дровосек.

Лев облысел. Изумруды поблекли.

Энни с Тимом в психушке давно

Коротают свой век.

В Ойххо никто не верит.

Повесился на бороде старый Дин.

Гудвин – простой человек.

Нет и не было никогда шестипалых.

Чарли Блэк ушел с кораблем на дно.

Вера в сказки — грех!

04.12.2017

Part 2

Вы знаете, жизнь совсем не такая, как кажется на первый взгляд. В этом я убедился в психиатрической клинике. Я работаю здесь медбратом уже несколько лет и за это время увидел столько историй, подтверждающих, что наше восприятие действительности обманчиво. Вообще-то я писатель, но творчеством в наше время на хлеб не зарабатываешь, приходится выкручиваться.

Хочу показать вам несколько колоритных персонажей. Их жизнь волшебна. Это вы думаете, что они психи, а у них все отлично, и они куда счастливее любого из вас.

Взять, к примеру, Элеонору Смит. Я уже сбился со счета, в который раз она здесь, но судя по тому, что я работаю уже восьмой год, — точно не меньше, чем в седьмой.

В первый раз попала к нам Элеонора в конце августа. Тем летом она была героиней новостей. Не было в наших краях человека, который бы не слышал о девочке, пережившей ураган.

Никто не знает и не узнает, видимо, никогда, на кой черт девчонка вместо того, чтобы бежать к маме в погреб, ломанулась в старый вагончик. Никто и никогда не узнает, каким чудом она осталась живой и практически не переломанной пролетев в этом вагончике в эпицентре урагана до соседнего города. И уж тем более никому, кроме бога, не известно на кой черт, заведев приближающийся ураган, вышла в свой огород старая карга, на которую этот злосчастный вагончик приземлился.

Каргу в городке не любили и боялись, но обращался к ней почти каждый. Она знала, как вылечить любую болезнь, могла править погоду, но промышляла в основном приворотами, отворотами, порчами и прочими гадостями. Жители облегченно вздохнули, узнав, какая страшная участь постигла старуху, и ни один из них не задумался, каково было маленькой девчонке, волею случая свершившей кару небесную.

Весть о страшной смерти старой ведьмы и чудесном спасении Элли прогремела на весь Канзас, а сама Элли попала к нам.

Обычная девочка, симпатичная, с огромными глазами, она целыми днями сидела в углу палаты теребя в ручонках черного плюшевого щенка и повторяя бессмысленное «то-то, то-то, то-то». Персонал прозвал щенка Тотойшкой, и никто не решался забрать его у девочки даже во время процедур. С того момента, как ее извлекли из искореженного вагончика с этим самым черным комочком, она с ним не расставалась.

Месяца через полтора она оживилась. Врачи говорят, что на улучшение ее состояния повлияла терапия и новый антидепрессант, но я точно знаю, с чего это улучшение началось.

Она неожиданно для всех подружилась с новеньким. Тот еще был персонаж.

Сэмюэль Шафф, выросший на ферме, единственный ребенок в семье и в радиусе нескольких миль, получил при переезде в город полный набор издевок, благодаря которым слетел с катушек и попал к нам.

Родители мечтали, что их мальчик станет образованным и не будет всю жизнь горбатиться в полях, поэтому в каждую поездку с отцом в город парень получал не леденцы, игрушки или наряды, а книги. К счастью читать он полюбил страстно и все время, что не был занят работой, проводил за чтением. Собственно, больше-то на ферме и заняться было нечем.

Единственным его другом на ферме был ворон. Сэм нашел его птенцом с поврежденной лапкой, выходил, учил говорить. В одну из поездок в город он прикупил книгу по орнитологии и к удивлению своему узнал, что его уже окрепший за пару лет друг, оказывается, девочка. Но не любить же ее из-за этого меньше. Кагги-Кар переехала вместе с ним и в город и стала еще одним поводом для насмешек.

Не смеяться над ним и правда было трудно. Маленький ростом, коренастый, слегка полноватый от маминой любви, с копной жестких непослушных волос цвета зрелой пшеницы, в своей неизменной клетчатой жилетке с кармашками и светлых штанах, с вороной на плече он походил на огородное пугало. Местные парни сразу это подметили и использовали по полной в своих развлечениях. Для начала Сэм получил прозвище Пугало или Страшила. Как только над ним не глумились в школе, но любимым «наказанием» для заумного толстяка стал школьный забор. Забор этот был невысоким и одноклассники довольно ловко надевали Сэма за его любимую жилеточку на прутья, и ему приходилось висеть там, пока они не уйдут со двора.

Издешки довели парня до того, что то ли в наказание за свой ум, то ли для того, чтоб тот стал острее, он стал втыкать себе в башку булавки и иголки. За что родители и определили его в психушечку.

И вот однажды Элли и Страшила оказались за одним столом во время обеда, а вечером того же дня за одним столом в комнате отдыха за партией в лото. И оба стремительно пошли на поправку.

Чуть позже они топтали пожелтевший от старости с рисунком, имитирующим мостовую, больничный линолеум уже втроем.

Генри Маршал был из знатного рода со своими скелетами и тараканами. Его родословная по отцовской линии была безупречна ровно до того момента, когда его отец встретил его маму. Хотя славный английский рыцарский род со своим поместьем в Канзасе лично у меня вызывает много сомнений. Рыцарство отца проявилось в романтизме во всей красе, и его доспехи легли к ногам дочери... простого лесоруба.

Дед был в бешенстве, но сделать ничего не смог. И отыгрывался на внуке со всей жестокостью. Он заставлял мальчишку фехтовать в полном доспехе, ездить верхом и соблюдать этикет за столом, обучал его классическим танцам, при этом ругая его на чем свет стоит за его плебейские корни.

Людей Генри видел только на раутах и приемах, хорошо — не на турнирах, с ровесниками толком не общался, обучался индивидуально в поместье лучшими учителями. Но случилось то, что случается со всеми подростками. Генри увидел девушку, девушку с фермы. Гормоны, рыцарские романы и дедушкины запреты в его котелке заварились в одну кашу, и приученный подавлять эмоции Генри поедал себя поедом за внезапную любовь.

Однажды подростковый мозг не выдержал нагрузок, чувств и похотливых желаний, припомнились все упреки деда, и Генри влез в железные латы, взял в руки топор деда-лесоруба и изрубил в щепки добрую половину деревьев в саду деда-рыцаря. После чего оказался у нас. Прямо с топором и в доспехах.

Санитары прозвали его Железным дровосеком.

Добрейшей души человек, абсолютно не умеющий проявлять свои чувства и эмоции, подозрительно быстро влился в компанию Элли и Страшилы Мудрого, Мудрым его прозвала Элли.

Но без Лео их компашка была бы не полной. Самый тихий и скромный в этом квартете псих был в центре практически всех их проказ и приключений. По крайней мере, началось все после его появления.

О, Лео Болд! Я никогда не встречал такого нелепого и восхитительного сочетания трусости и безудержной отваги. В нем реально жили две разных личности: вежливый воспитанный тихий кот и безумный агрессивный защитник всех униженных и оскорбленных.

Если дело касалось самого Лео, его можно было унижать и гнобить часами, он нервно улыбался, сворачивался калачиком под столом или в каком другом укрытии, смотрел на вас добрыми преданными глазами, нисколько не пытаясь вам хоть что-то ответить или, тем более, применить против вас силу.

А гнобили его тоже довольно часто. Рос Лео в приемной семье, знаете, такой классической плохой приемной семье, где детей берут на воспитание ради денег, царит злоба, ненависть и отвращение. Где воспитывают ремень,

розги и все, что под руку попадет, и на каждом следующем приеме предыдущие отыгрываются.

Зато однажды выяснилось, что если задеть тех, кого он любит, Лео станет настоящим львом, разорвет когтями, разорвет обидчика зубами в клочья. Старшие дети побили камнями пригретого парнем котенка, и он один уложил четверых «братьев» за несколько секунд, отделав их так, что мать приемная не признала. Тех не признала, а этого судила, но не обратно в приют, а сразу к нам.

Рыжая шевелюра этого тихони засверкала на просторах больницы в октябре, он сразу подружился с ребятами и тут началось!

Была у нас в приемном отделении волшебная заведующая Эвелин Еллоу. Маленькая добродушная старушонка, вечно таскавшая с собой огромный журнал, куда записывала всех поступивших. Когда Элли привезли в первый раз ее взволнованные родители, конечно же поинтересовались, надолго ли их чадо попало в эти чудесные стены. Эвелин объяснила, что случай не простой, и никто не сможет точно сказать, и вскользь упомянула, что если девочка быстро пойдет на поправку, можно забрать ее раньше и наблюдать дома, но такие вопросы решает только главный врач.

Элли эта подслушанная информация не давала покоя. Очередная загадка, как ей удалось подговорить друзей притворяться нормальными, но притворяться в их состоянии просто невозможно, видимо эта мысль и правда их подлечила. Они стали строить планы как попасть к Главному.

Руководил клиникой тогда симпатичный дядька Джеймс Гудвин. Он никогда не выпускал из рук металличе-

ские шары, успокаивал ими себя, коллег и пациентов, перекатывая в руке во время разговоров, а иногда, чтобы кого-то развеселить, начинал ими жонглировать. Мы звали его Фокусником, а для пациентов он был Великим и Ужасным, потому что к нему отправляли только самых «тяжелых», а санитары постоянно пугали им непослушных.

Кабинет его находился на третьем, самом последнем, этаже клиники в самом центре. Чтобы попасть туда из «голубого» крыла, надо было пройти немало испытаний. Надо было видеть, как они пытались обвести вокруг пальца охранника по прозвищу Людоед. А на лестнице Лео дрался с горсткой санитаров, пытавшихся остановить друзей, но начавших свою охоту с Элеоноры. Ох, и досталось парням. И ведь прорвались.

Гудвин их принял. Но он был хитрым доктором. Пообещал им, что обязательно всех отпустит, как только они пройдут последний курс лечения в «фиолетовом крыле».

В фиолетовом! У Бастинды. О чем думали ее родители, когда давали имя? Бастинда Вайлет — иссушенная годами и озлобленностью старуха, похожая на ведьму, ту что раздавила Элли. Если у Эвеллин Еллоу все морщинки были мягкими и круглыми, как она сама, розовели и переливались счастьем, то у Вайлет они были остры, глубоки и шершавы и своей глинистой серостью наводили на мысли о безысходности бытия и разверзшихся воротах ада. И эти ее темно-фиолетовые заостренные длинные ногти на узловатых сухих пальцах, противоречащие санитарным нормам и ее возрасту.

Они умудрились организовать побег. Вот было развлечение для всей клиники, пациенты и персонал с неделю обсуждали их приключения.

Друзья вырвались в больничный сад, Генри вспомнил все дедушкины уроки и умудрился избить палкой больничных собак, пущенных найти беглецов. Собаки были мирные, кидаться на людей не приучены, их целью было просто найти, куда эти засранцы направились, но поди объясни это беглому психу. Видимо он представлял себя героем, разрубающим своим мечом волков-оборотней, покусившихся на его друзей.

Самое смешное, что махая палкой, он умудрился сбить с дерева осиное гнездо, и друзья все равно пострадали от укусов и своими воплями перепугали всех окрестных ворон.

Покусанные, убежавшиеся, в ссадинах и царапинах они были рассажены по разным палатам.

Приглушенный свет и выкрашенные в любимый цвет заведующей стены отделения с одиночными палатами, нагоняли депрессию даже на здоровых людей.

Но Элеонора не сдавалась.

Вытащила друзей из их палат, окатив саму Бастинду водой из половойного ведра и переманив чудесным образом на свою сторону обезьяноподобных санитаров отделения. И снова попала к Гудвину в его кабинет с изумрудными стенами и витражами на окнах.

Но Джеймсу Гудвину было, если честно, уже глубоко наплевать на судьбы пациентов. Он с гордостью и радостью отбивал на заслуженный отдых. Его ждала пенсия, маленький домик в родном городке вдалеке от любимой клиники. И он передал карты всех четверых Стелле Роуз.

Той удалось добиться успехов в лечении, и ребят выпи-
сали... До первого обострения... До следующей осени...
И там они нашли себе нового врага. Парнишку Урфина, ко-
торый вырезал себе деревянную армию и не расставался

с плюшевым мишкой в свои 17. Был очень злобным и угрюмым, застрявшим в детстве чудаком.

* * *

– Алекс Волкофф, твой мать, вот ты где, засранец! Сколько можно тебя искать по всей клинике? Опять халат спер у медбратьев! А ну, марш в палату, псих недоделанный!!!

– Они нашли меня... Я расскажу вам потом, как Элли вернулась позже с шизой, утверждая, что она не она, а ее сестра Энни.

– Отдай тетрадь, придурок. Вот узнает доктор Роуз, что ты тут вытворяешь, пойдешь в «фиолетовое» крыло.

– Ненадо-о-о!!!

P.S.

This is the end

Beautiful friend

This is the end

My only friend, the end

04.12.2017

Part 3

Засыпает седой Канзас.

В безызвестном его городке

Элли кровать качает,

Песню поет о Волшебной стране.

Ей повезло — в её детстве

Была чудесная сказка,

И своим деткам однажды

Она передаст её ласково.

Муж и работа в школе,

Как говорила сестра.

Кофе и тосты с джемом
Ждут её по утрам.

А вечером с каждой вороной
Ждёт от друзей привет.
И изредка он прилетает.
И Элли пишет ответ.

Когда подрастут её дети,
Она соберет семью
И полетит через горы,
Покажет им сказку свою.

Возьмут с собой Энни, и Тима,
И их пятерых детей,
Альфреда, старого Чарли
И вместо теплых морей

Рванут в Изумрудный город
К старым друзьям своим,
В страну приключений детских,
Где нет наконец-то войны.

Будут пить чай в тронном зале,
Детей рассадив кружком,
И вспоминать все истории,
Что с ними случились в былом.

Потом полетит туда с внуками,
Но это потом, не сейчас.
Сейчас она сына баюкает.
Засыпает седой Канзас.
05.12.17

Part 4

Энни и Элли
Очень хотели,
Чтобы взрослых
Пускали в Изумрудный город.
Альфред и Тим
Приложили усилия,
Применили
Знания и сноровку
И уничтожили
Чёрные камни Гингемы.

И вот уже полетели
Через пустыню и горы
Чартерные рейсы.

Жевуны с Мигунами
Раскланиваются в реверансах
И предлагают на каждом углу
Брелочки с серебряными башмачками.
Два по цене одного, если брать
С потёртыми изумрудными очками.

Изумрудный город —
сплошные музеи и казино.
За доллар вы сможете
полетать на старом Ойххо,
за пятнадцать зелёных купить
гребешок Дин Гиора,
заметьте единственный экземпляр!

Фото и видео во дворце за деньги,
Обнять Страшилу на камеру — десять баксов
Он всё же персона важная, некогда отвлекаться.

Железный дровосек сдаёт замок Бастинды

Для съёмок блокбастеров,
и сам в них охотно участвует.

Лев придумал свой аттракцион:
Катает людей в клетке по своему лесу,
Показывая диких зверей и даже
Издалека саблезубых тигров.
Фигня, что Тим последнего из них
Давно вывел.
Они теперь в Красной книге,
И популяция восстанавливается.

Как вам экскурсия в мавзолей Арахны?
Или на остов космического корабля?
Можем спуститься в пещеры и посмотреть
На семерых королей. Да они еще спят.
Пожалуйста, вот такси «Летучие обезьяны»
Доставит вас в любые цветные страны.

Взрослых теперь охотно пускают
В Волшебную страну без виз.
«Гостеприимство и комфортабельность» —
Наш девиз!!!
05.12.17

Part 5 (last)

Знающие люди говорят, что, если из любимой сказки
убрать все элементы волшебства, получишь сценарий сво-
ей жизни. Как вы все уже поняли в последние дни из мое-
го тварева, моя любимая сказка — «Волшебник изумруд-
ного города». И ведь правда.

Как можно бежать в укрытие, оставив на растерзание
урагану бедного пёсика!

А?! Чё?!!! Можно было вернуться из волшебной страны сразу, просто цокнув каблучками?

Да ну, бред.

(К добрым старухам-волшебницам, узнав эту «мелочь» про серебряные башмачки, относимся скептически).

Скучно! Больше движухи, пойдём всех спасём. Требую вселенских масштабов. Спасти трёх чуваков мало, а как же поработенные народы цветных стран? Спасти всех! К штурвалу поставить надёжных проверенных друзей!

Что?! Переговоры с узурпаторами? Никогда! В морду из ведра! Насмерть! Ишь, удумала, друзей отобрать-разобрать!

Мошенников на чистую воду! Добрый мошенник? Оправдать, приласкать и отправить восвояси ненадежным воздушным транспортом.

Летучих рабов освободить!

Спокойная жизнь, дома, у каминчика. Да вы что? Там же у друзей снова беда! Берём на помощь всех, кого можем, и айда на войну за справедливость. Рубить всех, в щепки, особенно истуканов по колено деревянных! Всех спасли! Ура, я дома. Прости папа, вот ремень.

С другом на лодке в подводные пещеры! Я молода, полна энтузиазма, дайте вёсла, чур, я – на корме. Мы найдём выход из любой задницы! Больше оптимизма! Что за бред! Не спать, не спать! Ходить, ходить! Дворцовые перевороты – это, кажется моё любимое дело! Что ж я не Ленин?

Друзья, блиин, ну я выросла, мне лень... О, есть классная отмазка – у меня семья, работа! Офонарели что ли? Только не в школе, я туда ни ногой!

Но не бросать же друзей. Как-то не по-пацански это... А! У меня же есть Энни. Она молодая, у неё друг!

Ей же всё рассказано. Ребята, всё огонь! Я мысленно с вами!

Организую любой кипеш на расстоянии! Нет, не прилечу, боюсь высоты, дети маленькие еще. Потом как-нибудь.

Чё, прям в натуре инопланетяне? Высылаем подмогу: уговорила Фреда, он дядька умный, Энни с Тимом уболтать не трудно... не не не, у меня семья, работа, я вам всё подготовлю и посижу дома!

Э, вы там умерли что ли все? Дети выросли. Срать на эту работу, у меня новый арбалет!!! Погнали? В смысле некуда? Что значит прилетай, чаю попьём? Не, ну так не честно. Пойду хоть книгу напишу про нас придурков.

06.12.17

ТАТЬЯНА СОПИНА

Ловушка

Случилось это в конце лета, когда я с двумя сыновьями, десяти и двенадцати лет, остановилась в приморском селе Дедеркой близ курорта Сочи. Недалеко от Черного моря мы сняли комнату с широченной двуспальной кроватью на троих и наметили программу отдыха, дабы ничего не упустить из дорого оплаченных отпускных дней. Самое большое бедствие в таких случаях — непогода. И она разразилась...

Шторм швырял о берег белопенные волны, и роскошные фонтаны разваливались в воздухе, кисеей обнимая мол и каменные глыбы. Народ тоскливо расположился на мелкой гальке, некоторые пытались булькаться в шлейфах разбушевавшейся стихии. Взяв семейный фотоаппарат, мы пошли прогуляться — Глеб мечтал зафиксировать разлет брызг.

У парапета над пляжем разыгралась типичная детская сценка. Младшему Пете наскучило смотреть, как старший брат управляется с техникой, и он стал клянчить:

— Дай я щелкну!

На что следовал ответ:

– Испортишь, ты маленький.

Мои попытки «найти консенсус» не имели успеха, назревала драчка.

– Раз так, – сказала я, – вот и деритесь здесь, а я пошла домой.

Надо сказать, что мы привезли с собой к морю большой красный надувной матрац – нашу семейную гордость. По нашим тогдашним средствам он считался предметом роскоши. Матрац был подарен Пете на день рождения в одну из предыдущих поездок и лично мне практически не доставался.

– Драка скоро прекратится, – размышляла я по пути домой. – Мальчишки вот-вот прибегут. Не воспользоваться ли пока матрацем?

Схватила его и быстренько обходными улочками побегала на пляж.

Детям не позволено плавать в небольшой шторм, но я – другое дело! Море я всегда любила и не боялась его. К тому же, были и другие смельчаки: они сразу ныряли под большую волну и поплавками выскакивали за ее пределами, весело качаясь на мутной зелени. Я сделала нечто подобное. Но прибрежная полоса моря казалась слишком грязной, и только вдали, на глубине, сияла чистая синева. Вот туда-то я и направилась – поблаженствовать!

Потом все будут считать, что я на матраце уснула, и я никого не смогу переубедить, но они были не правы. Просто я не смотрела в сторону мерзкой желтизны. Синее море – красивее! Потом обернулась. Берег был далековато, но ничего страшного, а матрац – подмога. И я погрелась.

Пляж сдвинулся влево. Поначалу это не тревожило: подумаешь, вернусь по берегу. Удвоила усилия, однако берег не приближался. Поплыли мимо знакомые места прогулок: сначала ближние, потом дальние...

Я поняла, что ветер дует от берега наискось и меня несет вдоль него. Ориентир не терялся, Кавказские горы достаточно высоки, но вот детали красноречиво свидетельствовали об увеличивающемся расстоянии. Я следила по поездкам. Вначале могла даже пересчитать ползущие, как спичечные коробки, вагоны. Потом поезд стал сливаться в сплошную серую ленту. Потом я уже с трудом различала среди гор что-то напоминающее гусеницу...

Вокруг плясал унесенный мусор. Если буду продвигаться к берегу, по законам физики щепки должны смещаться в сторону моря, ведь они легкие, опускаются и поднимаются вместе с волнами на одном месте... Вовсю я старалась оторваться от щепок, но — о ужас! — мусор оставался на месте. Это означало, что героические усилия моих мышц уравнивались силой ветра, с которой меня уносило в открытое море. Ни метра к спасению!

Вдали показался курортный город Шепси. Там есть спасательная станция. Может, заметят и, хорошенько выматерив, вытащат? Никогда в жизни, ни до, ни после, я не мечтала так о добротном русском ругательстве. Увы... Как я узнала позже, спасатели в это время были «очень заняты»: они пили водку. Смотреть на море им было недосуг.

Над головой затарахтел вертолет — неужели спасение? Красный матрац с воздуха наверняка заметен, ведь я хорошо вижу эту вертушку с воды! Замахать, закричать?

До сих пор трудно объяснить, почему не позвала на помощь. С одной стороны, при таком грохоте волн

и мотора мой крик вряд ли был бы услышан. С другой, было унижительно «строить из себя Петрушку», изображать тонущего человека. Представила, как поднимется вокруг этого какая-то суматоха, операция спасения... Я продолжала молча грести к берегу, и приняв меня за благополучного смелого купальщика, пилот увел машину к горизонту.

Порывами ветра от Шепси донесло звуки орущего на пляже громкоговорителя и музыки. Потом и это заглохло. Как я завидовала птицам, которые так легко могли отовсюду перенестись на твердь! Почему люди — не птицы?

Над сотнями метров водяной толщи были только волны, наступающие, кажется, сразу со всех сторон. Суматошно пляшущие, ослепительно прекрасные, чистые, и сквозь вздымающиеся валы сияло заходящее солнце. Как в картине Айвазовского «Девятый вал»! Когда-то в детстве я училась в музыкальной школе. В классной комнате, где приходилось подолгу ожидать учительницу, висела копия этой картины, и я, покоренная невиданной красотой, однажды попыталась воспроизвести фрагменты ее в своей жалкой акварели. И вот все в натуре, еще лучше и страшнее, чем у художника... последний в жизни взгляд? Пришла мысль: «Это ловушка, прекрасная, сверкающая ловушка». И еще: «Никогда не знала, что умереть можно так красиво».

Я плыла уже много часов и не чувствовала усталости, это было удивительно: считать себя хорошим спортсменом я не могла. А невозможность выбраться на берег становилась реальностью. Вспоминала «Робинзона Крузо». Потом мысли переходили на семью. Детей заберет детский дом, Глеб не даст Пете погибнуть. А вот муж скорее всего сопьется... Муж тревожил меня даже больше, чем дети.

Холодало, немели ноги. Я подгибала их по очереди и растирала. Знала твердо одно: буду грести, бороться, пока не потеряю сознание, когда бы это ни случилось — днем или ночью.

Постепенно догадалась: мешает матрац. Он слишком легкий, это из-за него, несомого ветром, я не могу приблизиться к суше. А если бросить? Держа за край, опустилась в воду... и тут же захлебнулась и ослепла. Лишишься матраца — скоро выбьешься из сил, зашвыряет волнами, утащит на дно. А может, оставить этот спасительный «островок отдыха» при себе? Скажем, транспортировать, привязав матрац сзади за купальник. Отсчитывать по 500 взмахов вслепую, забираться на «островок» для передышки (не более десяти секунд неспешного счета!) и снова грести, грести...

Солнце спустилось за горизонт, ветер дул уже не так свирепо, и море стало ко мне милостивее. Волны уже не плясали сумасшедше, а пошли более выстроенными косыми рядами. На берегу в темной полосе гор проступало беловатое пятно: туман? скала? Пятно оставалось неизменным, и когда я после очередной пятисотки поднимала голову, позволяло сверять курс.

Не знаю, сколько было этих пятисоток, очень много... Только как сейчас вижу: поднимаю голову и радостно боюсь поверить — пятно приближается, теперь уже ясно видно, что это скала. И вот она уже нависает надо мной, слышится грохот прибоя...

Поняла новую опасность: волны ворочают камни, сейчас меня перевернет и разобьет. Выручай, «надувной островок»! Забралась на матрац и вместе с ним поверх камней выкинулась на берег.

Встать не смогла: берег выгнулся и закачался. Как близка я была к «братьям меньшим», как опустилась в глубь веков, когда на четвереньках улепетывала подальше от воды! Только после нескольких попыток удалось преодолеть головокружение и приобрести стоячее положение.

Черная южная ночь холодным тюленем легла на побережье, ветер теперь уже был студено-пронзительным. Я закуталась в единственную одежду — мокрый матрац — и пошла вдоль берега. Впереди заплясал жаркий цветок: это парни и девушки жарили на костре шашлыки. Воображаю их удивление, когда из черноты на них выдвинулась полуголая фигура в матраце и задала единственный вопрос:

— Который час?

— Половина десятого.

А я ушла купаться в половине первого...

До дому оставалось пройти еще километров пять. Обычно в этих местах мы ходили по шпалам одноколейной железной дороги, так было ближе и меньше ранило голые ступни. Но я побоялась, что в нынешнем состоянии не замечу нагоняющего поезда и предпочла кромку моря. Удивительно, как без очков на замусоренном, перекроенном ржавыми тросами побережье не покалечила ноги!

Но вот и окраина селения, наш дом. Выбегают плачущие дети. Они, конечно, искали меня, но посчитали, что я ушла на дальний пляж или в гости, чтобы их наказать.

Но почему же не встревожились взрослые, не обратили внимания на ничейную одежду на пустом берегу? А ее, оказывается, и не было! Пришел пионерский отряд и перед тем, как расположиться, провел уборку: не тронул чу-

жого, а, свернув все в клубок, унес под навес. Все это в целостности и сохранности вместе с кошельком и драгоценными для меня очками нашел маленький мой дружок Глеб.

Пить! — вот что требовалось в первую очередь. От оставшегося в теле зноя и соли все горело снаружи и внутри. Глебушка бегал с ковшиком студеной воды туда-сюда, отпаивал. Я повесила красный матрац, своего «провокатора и спасителя» на веревочку сушиться и решила, что никогда его не брошу, даже такой побитый и с потерянной пробкой.

Мы улеглись втроем, как положено, на широкую двухспальную кровать, мальчишки успокоились. А я поняла, что пришло главное страдание. За девять часов бултыханья в полуденном сиянии открытого моря не заметила, как обнажились из-под купальника незагорелые части тела, и теперь солнечный ожог мучил больше, чем начинающееся воспаление легких.

Наутро по плану у нас была экскурсия в Сочинский ботанический сад. Я уже понимала, что заболеваю, но не хотелось сдаваться. Приняла какие-то таблетки, и мы поехали.

Железная дорога пролегла через Шепси, и вдруг появилось навязчивое желание увидеть спасительную белую скалу — ведь она обязательно возникнет по пути, там нет другой дороги по берегу! Но, может быть, поезд промчался слишком близко, и гора осталась неузнанной... Только и сейчас это желание нет-нет и мерцает, как неосуществимая мечта, а в памяти скала осталась запечатленной с моря: туманное пятно, белый склон, нависающий утес...

Не буду описывать подробно, как в жаркий день в ботаническом саду мерзла в черной шерстяной кофте, как морем переправились мы в Джубгу, поступив под покровительство пермского трудового лагеря, с которым должны были вернуться домой... Скажу только, что, скорее всего, выбралась бы из болезни благополучно, если бы не любовь к морю и неразумное стремление использовать отпуск как можно полнее. Не могла уехать просто так — решила на прощание искупаться. В вагоне уже могла дышать только сидя, а в Перми воспаление легких загнало меня в стационар. По разным больницам моталась три месяца, а потом в течение года не могла смотреть на море даже по телевизору.

Белый котёнок и мальчик

Белый Котёнок вошел в мир теплой августовской ночью в закутке за ящиками, где Пёстрая Кошка устроилась на рваном свитере и произвела потомство — четырёх ма-

люток. Первое, что вошло в его сознание — тепло, холод и запахи. Он быстро понял, что если в окружавшей его тьме поскрести лапками от холода к теплу, уткнёшься носом в нечто пахучее-мохнатое, а потом обнаружишь бугорок с Живительным Источником — как раз размером для его маленького рта. Может быть, самое лучшее, что можно было для него придумать — не выпускать из этого мира вообще, потому что люди, без которых не могут существовать домашние кошки, заботятся о чем угодно, но только не о том, куда девать плодящихся без меры животных. Служителям пансионата, близ которого всё это происходило, хватало своих кошек, а отдыхающим тем более было не до них. Когда потомство Пёстрой Кошки подросло, хозяева выбрали себе двух, а Белого Котёнка и его полосатенькую сестрёнку отнесли к магазину — авось кто-нибудь подберёт. Утром отдыхающие, спешащие за товаром в магазин, говорили:

— Какой богатый у вас выбор! Но лучше всего котятка.

Они сидели у порога — глазастые, пушистые, как на новогодних календарях, не хватало только подарочной корзинки, перевязанной лентой с бантом. А сердобольная продавщица вздыхала:

— Ну что же такое делается, несут и несут. Мы только что взяли двух, а тут ещё. Придется куда-нибудь пристраивать.

Но пристроить не удалось, и к вечеру Белый Котёнок оказался один на шоссе. Он целый день ничего не ел. Живительный Источник куда-то пропал. Котёнок уже приучился получать пищу из рук людей, и, увидев очередного прохожего, бежал за ним, жалобно мяукая. Люди убыстряли шаг, боясь оглянуться, потому что встречали умоляюще раскрытые голубые глаза, а ободрённый вниманием котёнок принимался бежать шибче. Потом путь ему преграждали выскакивающие из подворотен собаки, и Белый Котёнок возвращался к магазину.

Таким увидел его Мальчик, возвращавшийся вечером с пляжа, рассказал дома маме о котёнке и спросил: нельзя ли его забрать? Мама пошла к хозяйке, у которой они сняли на месяц комнату. Они видели, что в доме уже есть большой серый кот. Но всё-таки сельская местность, мыши... может, пригодится?

— Да я бы, может, и взяла, — сказала хозяйка, — если бы всё время было лето. Когда кошки на улице, это еще ничего. Но ведь скоро пойдут дожди, зима... все в дом полезут, да еще на постели, а дедка страсть как этого не любит. Вот этот (она кивнула на своего Ваську) тоже из подкидышей. Да ведь такой ленивец! Обьестся и спит целыми днями, мыши чуть ли не за хвост его тягают. Зато за птичками горазд охотиться, всех разогнал. Такая хорошая красногрудочка к нам летала, совсем ручная: перепрыгнет через порожек и скок-скок по комнате. Так он и её прикончил.

Когда на следующий день Мальчик спускался по шоссе к пляжу, увидел на обочине распростёртую тряпицу грязно-серой шерсти с непомерно большой головой. Он понял, что котёнок мёртв и, содрогнувшись, быстро прошёл мимо. Крови не было — значит, его не сбила машина, может, кто-то прикончил палкой. У Мальчика перед глазами встала вчерашняя картина: вот он бежит, пока резвый и пушистый, с умоляющими огромными голубыми глазами, ещё полный надежды встретить жалостливое участие.

Теперь Мальчик боялся ходить по этой дороге, а в голове начинали крутиться совсем другие мысли:

— Нет, я не этот Белый Котёнок. Я не буду бегать за людьми и выпрашивать. Я буду хитрым, умным, осторожным Котом, буду прятаться по кустам и сам выслеживать себе добычу, пуская в ход когти.

Прошло два дня, прежде чем Мальчик решился снова пойти по этой дороге и посмотреть на то место, где был убит котёнок. Он вздрогнул: мохнатая тряпица все еще

валялась на обочине. Мальчик стремительно прошел вперёд, но что-то заставило его замедлить шаг, а потом и вернуться:

— Его даже некому похоронить. Я тоже не могу, у меня нет лопаты, а если бы и была — этот каменистый грунт не пробить. Надо хотя бы оттащить его в цветы.

Он оглянулся — не наблюдает ли кто, нашёл подходящий сук, вернулся к тельцу и попробовал подцепить его. И тут же отпрянул! Как только он коснулся грязного комка, тот пошевелился и дважды слабо мяукнул. Белый Котёнок еще жил, никто не посмел прикончить его! Он умирал просто от истощения. Мальчик почувствовал себя Римским Воином, пронзающим копьём тело Христа. Но он слишком хорошо понимал, что если котёнка не взяли в цветущем виде, то такой он тем более не нужен никому. И исполнил задуманное: перенёс тельце в цветы. Ему чудилось, что если бы существовал Кошачий Бог, котёнок непременно попал бы в кошачий рай. Там небо из белой, теплой, мохнатой шерсти, и из него время от времени текут Живительные Струи.

...Был ещё ранний час, и шагавший по дороге Мальчик увидел переползавшую шоссе улитку.

— А ты чего тут ползаешь! — рассердился он. — Вот давит машина! Тебе, что ли, надо туда?

Он поднял улитку двумя пальцами и перенес в бурьян:

— Ползи дальше по своим улиточным делам.

СВЕТЛАНА ЧЕРНЫШЁВА

Родилась в 1979 году в селе Биряково Вологодской области. Закончила ВГПУ. В настоящее время живу в Вологде, работаю в областной детской библиотеке. Занимаюсь литературоведением, разрабатываю методики изучения произведений детьми, пишу сценарии, а также стихи и рассказы.

Проза для детей публиковалась в периодических и электронных изданиях: «Иван-да-Марья», «Детское чтение для сердца и разума», «Радуга», «Страна Озарение», «Книжки, нотки и игрушки», «Простокваша», «Енисейка», «Новый Енисейский литератор», «Северо-Муйские огни», «Невский альманах», «Молоко»,

«Русская жизнь», «Электронные пампасы», на литературных порталах: «Белый мамонт», «Лукошко сказок».

Про меня и про Мишку

С улицы Бассейной

Осенним вечером сидел я дома и ремонтировал игрушечный самолёт новой модели. Сначала, конечно, пришлось разобрать лётное устройство до последнего винтика — для надёжности — посмотреть, как там всё устроено: трубочки, болтики... А потом стал всё прикручивать обратно. И тут я заметил, что деталей явно не хватает — то одно крыло держится некрепко, то другое висит и качается. «Вот, — думаю, — рассеянные с улицы Бассейной, вроде на заводе работают, самолёты мастерят. А тут — тяп-ляп — и готово!» На таком-то все детали бы в воздухе отлетели. И крылья отвалятся. Очень я тогда разочаровался и даже расстроился... Наверно, поэтому и спать лёг ни свет ни заря — часов в одиннадцать. А чуть свет Мишка нарисовался.

— Давай, — говорит, — быстрее чисти зубы два раза, завтракай и бегом в школу.

Я всегда знал, что Мишку слушать — дело неблагодарное. Тем более, в семь тридцать утра. Я ещё толком не проснулся, но успел, по его наущению, два раза позавтракать, зубы почистить и умыться. Наконец, я собрался, и мы понеслись, как скоростные самолёты, в школу. Погода была замечательная, дождливая. На нас были резиновые сапожки, поэтому мы здоровски залетали в каждую лужу и вибрировали: «У-э-э-э, у-э-э-э!». И, как настоящие пилоты, в школу прибыли без опоздания. За две минуты до старта.

— Ну, — говорит Мишка, — давай к математике готовиться. Задачи сверим...

А чего сверять, если я их, готовыми, из компьютера списал. И, вообще, мне вчера некогда было — самолёт

разбирал. Пока я портфель открывал, Мишка улыбался очень ехидно и что-то бубнил себе под нос, для важности. И что вы думаете? Опять он меня подвёл. «Вот тебе и жизнь – думай-не думай, а крепче держись». Жаль, конечно, что портфель оказался так странно собранным. А может и не мой совсем?

Мишка подошёл ближе и стал пристально смотреть на меня, а потом на мой – или не мой? – портфель. Его глаза так бегали туда-сюда, что я чуть не разревелся. Такой кого угодно доведёт.

– Самолёт твой?

– Ну, мой!

– А ящик с гвоздями?

– Нет, – говорю, – не мой. Папин ящик, и гвозди тоже папины.

– Ну, и что... – вынес приговор Мишка. – Папа твой, значит, и портфель твой.

Как раз в это время в класс вошёл учитель, и мы стали заталкивать ящик обратно в портфель. Папин ящик, как назло, гремел и пытался задавить самолёт. Между прочим, новый! А Мишка ещё бубнил, только уже шёпотом, что крылья у самолёта прикручены неправильно и ненадёжно. И даже, вроде, растяпой меня назвал. Я сначала обиделся, а потом смотрю – ручку даёт, тетрадку подсовывает и учебником делится. С другом поделиться – навечно подружиться. Тогда я не удержался и пожал ему руку под партой. Впрочем, мы часто делаем так – и делимся, и руку пожимаем...

И весь день мы не расставались: то по общему учебнику читали, то в одной тетради решали, то сообщая на перемене носились. Так до конца учебного дня и дотянули, но тут оказалось, что нужно ещё один урок пережить – физкультуру.

Путь до спортивного зала был мучительным, и мы с Мишкой шли к нему долго. И, наверно, пытались приду-

мать мне оправдание, но тут мою рассеянность оправдать было нечем.

— Не дрейфь, — сказал друг Мишка, разглядывая свою спортивную форму. — Поделюсь!

— Одну штанину, что ли, оторвёшь? — решил от отчаяния съязвить я. — Или рукавом от спортивной куртки поделишься?..

Он долго возился, крутился, напихивал свои спортивные штаны, и дёргал, видимо поправляя, мою полосатую майку. Когда мой новый образ был готов, на меня стало страшно посмотреть.

— Как рассеянный с улицы Бассейной. Сковороды на башке только не хватает..

— У тебя штаны, — говорит Мишка, — а у меня куртка. Обе вещи спортивные. Будем стоять рядом, сольёмся с остальными.

И, набрав побольше воздуха, мы понеслись в спортзал, где все упражнения демонстрировали, будто близнецы. Это было необыкновенно сложно — чувствовать друг друга в такт. И становилось немножко жарко, а потом уже горячо. Но в журнале красовались пятёрки — тоже одинаковые, похожие на нас.

Мы шли домой, а на улице было солнечно и прекрасно. Только портфель мой был невероятно тяжёлый, набитый гвоздями.

— Больше не могу, — сказал я, — просто невероятная тяжесть. Как мы смогли делать такие сложные акробатические упражнения?

Мишка тяжело взвалил мой рюкзак себе на плечи. И я виновато посмотрел на него.

— Поможешь починить самолёт? Он, наверно, в портфеле совсем переломался.

— Конечно! — ответил Мишка. — Тем более, у нас столько гвоздей!

Космонавты-писатекли

Больше всего на свете не люблю контурные карты. Вот где, например, Волга, попробуй разбери. И дед в этих делах не подсказчик. У него на все вопросы один ответ – в России. А потом закряхтит по-самоварски, за спину схватится и недотёпой назовёт. Так что лучше самому разбираться.

И только я Волгу научился самостоятельно находить, как дед стал бубнить прямо на ухо:

– Молодец! А машины-то какие были... тоже «Волгами» назывались.

Ещё бы, ведь на этих автомобилях только космонавты и писатели катались. Мечта, а не машина. И что теперь? Накрылась дедова мечта... контурной картой.

Хорошо, что дверь распахнулась. И на пороге оказался замурзанный, словно трубочист, Мишка с усами и бородкой, тоже из грязи. Он торжественно поднял чумазую руку и отбарабанил заученные, видимо, слова:

– Дед Василий! Принимай подарок – машину мечты. Она у моего папы в гараже двадцать лет хранилась, так что, почти новая.

– Что ж, – обрадовался дед, – неужто дождался?!

И побежал бегом примерять мечту. А вдруг уже вырос из неё? Шутка ли, столько ждать...

Просто удивительно, что Мишкин папа машину решил на деда скинуть. Может, какая-нибудь неполадка? Ну, например, колёса отсутствуют. Или, может, кабина сломалась... Вслух удивляюсь. Но Мишка напомнил, что кабина – у трактора-трелёвочника, не у легковушки. А его отец взял большой кредит и купил маленькую иномарку. Вот дед и получил мечту старой модели.

Только мечту голыми руками не возьмёшь, нужно ещё какие-то бумажные хлопоты утрясти. Хорошо, что в кошельке, который носил дед в курточном кармане, было до-

статочно всяких бумажек: рекламные обрывочки, квитанции об уплате за свет и особенно — хорошие новости из разных газет. Он их в кошелёк складывал для настроения. Почитает, и анальгин покупать не нужно. В общем, дед в хорошем настроении в город смотался. А меня оставил за главного машиниста! Я — то на месте водителя посижу, то на пассажирском поваляюсь. Везде получалось довольно-таки неудобно. Но решить, всё-таки, было нужно — космонавт я или писатель? Мишка, тот рассудил: космонавт должен быть в скафандре, а писатель — с пером, то ли гусиным, то ли куриным... И без этого барахла на машине никак не покататься. Пришлось входить в образ. На мотоциклетном шлеме я гвоздём процарапал буквы, как у Гагарина. Со скафандром получились сложности, даже вспотел, когда водолазку через шлем натягивал. Но это всё Мишка виноват. Нельзя, мол, скафандр на голую майку натягивать, слишком серьёзные перепады температурные. Конечно, у меня своя голова на плечах есть, но со шлемом она совсем перестала думать. А у Мишки началось:

— Где перо? — спрашивает.

— Отвяжись, иди сам свой костюм писателя собирай!

И посмотрел на него сердито, хуже нашего петуха. Но, с другой стороны, попробуй перо у курицы взять, когда петух рядом...

Мишка к сложностям был не готов, поэтому домой сбежал и с планшетом явился. Ну, что это за писательский костюм? Одно название... Настроение только испортил. А когда он стал навигатор настраивать, я и совсем взбесился.

— Пиши, — говорю, — если на писательское сидение забрался. Мало того, что без гусиного пера, дак ещё и отвлекаешь.

Мишка надулся, как мыльный пузырь, того и гляди — лопнет. И я замолчал. Сидим, молчим, дуемся... И тут машина вдруг закачалась и двинулась вперёд. Разогналась —

эх, здорово! Пыль за ней, как пелёнка, от всех звуков укрывает. Едем мы, едем... Только волнуемся немного – дорога-то не заканчивается.

– Что-то, Мишка, мы с тобой разъездились, так и потеряться можно.

– Земля, – говорит, – круглая, через год домой вернёмся! А может, через два?..

– Ты – как хочешь, а мне есть захочется, и к дому потянет земным притяжением.

И после этих слов случилось чудо – бензин закончился.

Тогда я спустился на землю и обомлел от восторга. Потому что впервые увидел прекрасную поляну с бирюзовыми цветами-незабудками. А вдали виднелась наша деревушка. И я понёсся напрямик по нескошенной траве. Ведь так хотелось первым вернуться домой!..

А что там Мишка понаписал – сами у него спрашивайте.

Звонок из синей будки

Посвящается Денису Макурину

Как-то раз, то ли в понедельник, то ли в пятницу, шли мы с Мишкой по деревне и комаров щёлкали. На улице лето, в школу не нужно, поэтому и день недели запоминать было незачем. Мишка разные истории рассказывал: «хочешь – верь, хочешь – не верь». А я больше делом занимался – комаров в пакет складывал. Потому что нужно целый килограмм собирать, чтобы в аптеку за тысячу рублей сдать. Если этих кусачих засушить, то можно неплохо заработать. Кто и когда мне про это рассказал, я не помнил. Зато не мог забыть, что должен прочитать целый список скучных книг. Книги, конечно, бывают интересными, но на лето, как нарочно, задают непонятные. Типа: у вас целых три месяца, вот и разбирайтесь.

В общем, идём себе и комаров щёлкаем. Даже про книги уже почти забыли... Вдруг видим – синяя будка.

– Это ещё, – говорю, – что такое? Сейчас проверим!

Только решил я туда залезть, как мне – раз – прямо по макушке, чем-то тяжёлым. Хорошо, ещё не прибило. А Мишка обрадовался.

– Ого, – говорит, – телефонная трубка.

Странную синюю будку с дерущимся телефоном я впервые увидел. Мишку этот факт очень развеселил, потому что он стал гоготать.

– Вот, – говорит, – только заметил, а она уже сто лет здесь, будка эта синяя.

– Что такого? Зрение давно не проверял, а может, ещё какие-то дефекты здоровья имеются...

Надоело мне Мишкин хохот слушать, отвернулся от него и стою. Я так часто делаю, когда он вредничать начинает, потому что тогда он быстро на мировую идёт. А иначе – дружить будет не с кем. Такая уж у нас деревня,

что всего два мальчишки. Есть, конечно, ещё восемь девчонок, но они скучные такие: грядки полют, ягоды собирают, бельё стирают за день по пять раз или даже по десять. Какой с ними интерес?

Мишка притих сразу почти или через три минуты.

— Давай, — говорит, — мириться!

Ну, что с ним поделаешь... Подулся я немного, носом посопел для важности и протянул ему руку. Ладно уж! Из-за этой синей будки ссориться, что ли, с лучшим другом?

И кто Мишку за язык дёрнул, когда он, важно так, общил:

— Мама говорила, что по этому телефону, раз в сто лет можно экстренный вызов сделать... Звони давай!

— Кому звонить? Деду Морозу, если только...

Ну, подумаешь, лето на дворе, зато можно заранее все проблемы решить, а их у меня как раз много накопилось. Во-первых, в деревне дороги плохие, поэтому мы с Мишкой постоянно колёса на велосипедах портим. Во-вторых, велосипеды — что, когда по телевизору скутеры показывают. Те-то покрепче будут и побыстрее. А в-третьих, у нас в школе всего десять учеников и одна учительница. Вот, скажите на милость, как с такой командой в футбол играть? Кого на ворота ставить? Только нас с Мишкой! Получается, что за разные команды играем, хотя на самом деле — лучшие друзья. И компьютерного класса в школе нет. А для таких, как мы, это дело самое необходимое!

— Ну что, звонить собираешься или струсил?

— Не струсил, — отвечаю, — вот только номер придумаю и позвоню.

Стал я номер, по которому зимнего волшебника можно вызвать, придумывать. А потом заметил небольшие подсказочки вверху на самом аппарате и быстро три циферки нащёлкал одним пальцем. Тук, тук, тук — и готово!

А Мишка стоит и руками машет, мол, говори быстрее, а то Дед Мороз ждать не будет, у него таких, как мы, с жела-

ниями-то, миллионов десять. Ну, я как начал декламировать про скутер и дороги, про то, что людей в деревне по пальцам пересчитать можно... Да, много чего сказал, даже щёки разгорелись от перенапряжения. И телефончик в синей будке не выдержал, запищал: пи, пи, пи. Вот и договорился!..

А Мишка взял меня за руку и к дому потянул. И правда, что в этой будке, до вечера сидеть? Пошли мы с Мишкой комаров сушить на печке. И только мы у калитки оказались, так и замерли. Видим — стоит моя мама и нервно так полотенцем потряхивает. Ясное дело, сейчас выплет. Потом уж я, конечно, и машину заметил с красным крестом, медицинскую помощь.

— Зачем же, — говорит мама, — вы скорую помощь вызвали? Уколов, что ли, захотелось?

— Не вызывали, — поспешил я её успокоить. — Это они адрес перепутали.

Тут из машины дяденька в белом халате выскочил, да как закричит:

— А кто жаловался, что людей в деревне не осталось? В общем, эпидемия...

Вот, беда-то какая. Вместо Деда Мороза — этот, в белом халате! Он мой разговор подслушал, хотя и я хорош, полез в неизвестную будку... Я даже решил извиниться и сказать, что больше не буду, то тут мама опять схватилась за полотенце, а потом и вообще за моё ухо. Ох, как нехорошо получилось! Особенно тяжело сидеть дома целую неделю, в наказание. Но, что поделаешь, если я таким хулиганом оказался. Дня два Мишка ходил под нашими окнами и всякие знаки подавал, так что я грустил не сильно. А потом и он куда-то исчез. Вот тебе и лучший друг! Зато, только меня простили, сразу и он появился.

— Там, — говорит, — фермер из города приехал.

А я на Мишку не смотрю, вроде дуюсь, а сам думаю: как приехал, так и уедет. Мало ли к нам приезжало... Но, дружок мой не унимается:

– Приехал, да не один, а с семьёй. У них мальчишек не меньше восьми, так что осенью все к нам в школу...

Так и случилось. Осенью в нашей школе народу стало в два раза больше. Девчонки теперь в меньшинстве остались, мы их за одно лето обставили. Будут знать, как зазнаваться. Да и сама школа изменилась, потому что компьютерный класс появился. И педагогов у нас прибавилось – этот фермер ещё и учителем оказался. Когда он в школу на скутере приехал, я его хорошенько разглядел. Улыбчивый такой, настоящий герой, похожий на Чапаева, хотя бы усами. Даже не верилось, что он многодетный папаша, потому что очень уж молодой и весёлый.

А потом этот герой-учитель-фермер с настоящим писателем нас познакомил. Я даже рассказать могу, как это было. Вошли мы в новенький компьютерный класс. Смотрим, на экране – кто, вы думаете? – самый настоящий детский писатель. Только он стал читать о своих детских проделках, я даже на стуле подпрыгнул. Раньше мы с Мишкой считали себя продвинутыми, а оказалось, ещё вот как бывает. Комары – это что, можно и шмеля рукой схватить. А ещё – с котом чайку попить и лося угостить солью. Ну и нахохотались мы, а потом расстроились, узнав, что этих весёлых книжек в нашей библиотеке не найти. Мишка опять говорит:

– А пошли к синей будке, сделаем ещё один вызов. Пусть Дед Мороз книжек этого северного писателя пришлёт...

Я, конечно, засомневался... С другой стороны, кто, кроме нас, будет этим заниматься? Одна беда, что я фамилию писателя забыл. Зато инициалы помнил: Д.М.

– Дед Мороз, что ли? – уточнил Мишка.

– Сам ты, – говорю, – Дед Мороз! Пошли!

Портфели схватили, и зашагали к синей телефонной будке. А тут и мама навстречу, как чувствует, что опять придётся уши мои покрутить. Но она в этот раз даже

и не собиралась ругаться, а просто сообщила, что в библиотеку привезли книжки нашего любимого писателя.

И тогда я подумал: откуда этому северному писателю удалось узнать, безо всякого вызова, о чём мечтают обычные мальчишки?..

ГАЛИНА ЩЕКИНА

Просто фантастика

Вы, конечно, знаете теорию бутерброда? Который падает то маслом вниз, то маслом вверх? После чего это уже не бутерброд, а не пойми что, извините.... По теории вероятности он может половину раз упасть на одну сторону, половину раз на другую. Разумеется, не я эту теорию придумала, я ее вычитала в книжке любимого писателя, как и то, что случайность — проявление и дополнение необходимости. Честно говоря, не хотелось даже думать, как выглядит твой бутерброд, несколько раз упавший маслом вниз... Но дело не в этом. А в том, что есть люди, у которых бутерброд всегда падает маслом вниз!

И с этим я была полностью согласна, потому что теория не раз подтверждалась на практике, причем самым унылым образом. Но однажды зависимость нарушилась. Дело было так.

Я пошла в солидный институт, весьма уважаемой в городе — для того, чтобы прочитать студентам очередную лекцию. Я тогда ко всем приставала с региональным компонентом, совершенно была уверена в том, что всем нужно знать местную литературу. Ну, и читала бы себе. Но мне казалось, что и я, и все тоже должны знать это, особенно

студенты. И вот иду я по коридору по направлению к кафедре русской литературы и думаю: «К кому бы мне попроситься на занятия?» У меня уже был положительный опыт на эту тему, то есть каким-то образом я уже просочилась на лекцию... А что же в этот раз? Вы уже догадались, как на сей раз бутерброд упал? Маслом вниз...

Я нарвалась на совершенно непробиваемого товарища.

Товарищ стоял в кабинете спиной к окну, руки сложены на груди. На нем была безукоризненная белая рубашка с безукоризненным галстуком, туманная клетка с серебряной нитью. И все это завершалось безукоризненным серым костюмом, который был безукоризненно отглажен. Что ждать от такого человека? Тем более, я была в затрапезной черной юбке и черной же водолазке, называемой «лапша», а поверх накинут старый синий плащ. Ничего хорошего ждать не стоило. Я пролепетала, что я такая-то и хотела бы попросить несколько минут, чтоб выступить перед студентами.

— А это зачем? — осведомился человек в безукоризненном костюме. Его светлые как сталь глаза меня холодно кольнули.

— Ну, как зачем? Чтобы региональный компонент был. Студенты ведь должны понимать, кто писал до них...

— Студенты не писатели, с них довольно учебной программы. Кто вам сказал, что мы станем менять программу?

— Студенты не писатели, но они могут ими стать!

— Не обязательно, — человек фыркнул. — Сейчас расписание не позволяет это сделать, нет времени для факультатива. Значит, пока незачем загружать их лишней информацией.

— Тогда я приду в следующий раз!

— Следующего раза не будет, уважаемая.

Мне хотелось добавить, что я буду рассказывать не только о себе, но и обо многих новых авторах. Но ему было не интересно.

— А вы сами-то меня читали? — воскликнула я.

— К сожалению, я вас не читал, и читать не собираюсь.

— Будьте уверены, это когда-нибудь произойдет, — немеющими губами сказала я и деревянно пошла прочь. Меня как ошпарило.

— Послушайте, — сказала я у самой двери — но вы хотя бы знали, о чем говорите. Если бы читали.

— Это неважно, — по-прежнему тихо и вежливо ответил человек, — всего хорошего.

И тут я заметила, что он довольно хорош собой. Я попятилась, стукнулась спиной о дверь, пулей вылетела из кабинета. Быстро пошла по коридору, наталкиваясь на студентов — я им была не чета. Я смахивала слезы, не различала никого. Меня остановила знакомая молодая преподавательница.

— Что с тобой? Что с твоим лицом?

— Ничего! — крикнула я. — Просто меня выгнали, и я больше сюда не буду ходить. Сидите, сидите-сидите, и еще не раз дайте мне понять, что я никто, ничто и звать никак, — почему-то я обращалась к своей знакомой преподавательнице безлично, да еще во множественном числе. А у нее сладкая обезоруживающая улыбка, изумительные каштановые волосы...

Но поскольку он, человек в безукоризненном костюме, был в оценках не первым, я ему не хотела верить, хотя я уже слышал эти подобные фразы от других людей. Но те были знакомы мне, я знала, что от них ждать, а от него — нет. Как же он мог сказать такое незнакомому человеку? А он сказал, и довольно холодно. Он был уверен в том, что говорил. Надо же.

Однако я попала в это заведение еще раз, и еще раз, но всегда, завидев издали человека в безукоризненном костюме, стремилась прошмыгнуть мимо, либо вообще поворачивала на выход, чтобы с ним не столкнуться.

Прошло довольно много времени, наверное, лет десять. Я по-прежнему дружила с той каштанововолосой, но на лекции к ней не просилась. Не хотелось ее подводить. Как-то она упомянула меня в докладе — и ей сразу попало.

Она была забавная. Когда заходила ко мне на чай, всегда пела на лестнице арии из опер,

Человек в безукоризненном костюме оказался профессором, авторитет его был настолько высок, что никто его не оспаривал. Обаяние тоже. Стоило только объявить его лекцию где-нибудь в библиотеке, как на эту лекцию набегала тьма народу — все, кроме меня.

Был еще очень интересный эпизод, который озадачивал.

Один яркий общественник, тоже заинтересованный региональным компонентом, патологоанатом по профессии, выпустил книжку. Сделал он это только потому, что у него водились деньги. Пригласил в проект уважаемую белокурую даму-критикессу, а также меня — чтобы мы ему собрали материалы. Мы спешно выполнили работу, конечно, старались как дуры. Даже за это получили несколько копеек. Но все дело в том, что этот яркий общественник ничего не понимал в литературе. Когда дело дошло до таких известных фамилий как ..., — и многих других, он всю ответственность возложил на нас с белокурой дамой-критикессой. Да, это был альбианак с разными авторами, этакий срез дня. Ладно бы только один автор, а то десятки!

Мы сами подбирали тексты. Патологоанатом же потом исправлял все, как хотел! Например, от большого стиха российского уровня оставил лишь одну строфу, которую пели по радио. Даже не знаю, как это назвать. Просто-напросто вольно почиркал рукописи. Соответственно, авторы стали мне звонить и браниться, да и я бы бранилась на их месте. Но что я могла поделаться, книжку уже опубликовали. Когда я напрямую спросила у патологоанатома, или как

там правильно — у медэксперта, где он взял мой телефон, он внезапно назвал мне того безупречного профессора.

— Он сказал, что ты знаешь местную литературу.

Меня бросило в краску. Перед такими поэтами, как ..., и перед другими — я извинялась отдельно. Я не знаю, как все пережила. Диалог с патологоанатомом: «Что вы натворили? Зачем трогали чужие тексты? Зачем знаменитых?» — «Спроси у профессора, почему-то он назвал тебя». — «Да он посмеялся надо мной».

Вот каковы были последствия моего неосторожного визита на кафедру русской литературы. Что ж, иронию профессора я оценила.

В год литературы профессор собирался редактировать книгу, что-то вроде сборника текстов местных писателей. Может, его вынудили, а может быть, в нем проснулся собственный интерес. Неизвестно. Мои коллеги попытались сдать ему свои материалы, меня уговаривали, я противилась. Охватил ужас — что дальше? Снова наступать на грабли патологоанатома? Ну уж нет, довольно одно сборника!

Дальше было не лучше. Моя знакомая девочка, выпускница того самого учебного заведения позвонила мне и сказала:

— Возьму у вас интервью, зайдите в редакцию.

Зашла. Записали.

— Послушайте, вам надо обязательно сдать свои тексты в сборник, который будет редактировать сам профессор.

— Ерунда, — отрезала я. — Не буду ничего сдавать, потому что знаю, он их не возьмет.

— Да почему же не возьмет? — искренне удивилась способная девочка. — У вас есть вполне приличные тексты (в то время, как это я ее открыла, как автора, а не она меня). Ведь он на самом деле очень добрый человек.

— Но не настолько добрый, — сказала я, — чтобы читать мои рассказы. К тому же, он сказал, что делать этого не будет никогда.

— Неправда, — возразила девочка. — Я могу словечко замолвить.

— Нет, трезвая я не буду нарываться. Я уже свою дозу получила!

Но она продолжала меня убалтывать,

— Что, отослали?

— Никогда!

Девочка рассмеялась и заправила прядку за ухо.

— Глупости какие, — заметила она. — Вы на всякий случай пошлите. Чтобы убедиться, как вы ошибаетесь. А вы в нем очень ошибаетесь.

— Ничего не ошибаюсь, — огрызнулась я.

Но отправила.

Я ничего не ждала. Может, позвонить каштанововолодой преподавательнице? Все же коллеги.

— Послушай, если я тебя попрошу узнать, как там...

— Узнаю. Но ты потише. И без имен.

Нет, не глупости! Я даже нарываться не буду, слишком долго слышала это «никто, ничто и звать никак», и мне страшно надоело. Под тихий смех девочки я отправила свои тексты профессору. Повторяю, я ничего не ждала, так как понимала бессмысленность ожидания у моря погоды. В скором времени я получила ответ, что тексты приняты. Я внутренне упала.

Что же было дальше? Дальше вышел сборник, и там красовались мои рассказы. Они были упакованы вместе с другими произведениями в солидную зеленую обложку. Чувства мои были смешанные. Передать их трудно, так как они скакали от страшного удивления к полному отрицанию и гневу. Все еще считаю, что это случайность. Я вскоре забыла бы об этом, но произошла презентация. Я

тихонько сидела в толпе в новом платье, и дрожала. И совершенно напрасно, потому что меня никто не мог вызвать для выступления. Меня не знали. Да, это странно, что все-таки я там оказалась, что об этих людей столько лет спотыкалась, и вот я среди них.

Через какое-то время мне позвонили и спросили, нет ли у меня еще рассказов.

— Простите, а с кем я говорю?

Это оказался профессор.

— Послушайте, — заплетающимся языком сказала я, — не вы ли натравили на меня патологоанатома? А ведь он непоправимо исправил все тексты. Ведь мне же звонят, меня же ругают.

— Ничего не знаю, — вежливо ответил мне профессор. — Я действительно дал ваш телефон. И сказал, что вы знаете местную литературу.

— Да я знаю! — закричала я. — Конечно, знаю. Так ведь тексты все раздерганы, как перья вороны по снегу.

— Ну, это уже ваши дела. Я здесь совершенно ни при чем. Мне нужен еще один ваш текст. Про мальчика, — у него даже голос не дрогнул, как будто не было никакого патологоанатома в природе.

— У меня есть текст про мальчика, — упавшим голосом пробормотала я. — И я вам вышлю все, что вам угодно.

И, зажмурившись, тоже выслала.

Что сказать? После этого текст вошел в том хрестоматии для школьного чтения. Дети читают мои рассказы, это событие стало возможно благодаря профессору. Я вышла на новый уровень публикации, не потратив ни копейки. Мне хотелось бы упасть к его ногам, но я написала только бездушное слово «спасибо» по электронке. Больше мы не общались.

И вот в библиотеку приехали выступать фантасты. Очень интересные ребята из другого города. У них там

целый клуб. Все они писали фантастику, читали друг друга и печатались огромными тиражами в северной столице, а у нас их никто не знал. Я немножко им помогла и просила помещение для них. Когда они вошли в зал, все десять человек, то публика удивленно зашептала, прошел шум, как от ветра. На столе стояли, посвечивая, стопки толстых томов в ламинированных обложках. Пришедшие — то были люди совершенно новой формации, молодые и веселые, они сами пробились, сами нашли издателей, имели множество публикаций и даже гонорары. Вечер шел — как по рельсам катился. Публика удивленно на них тарасилась, к ним без конца летели записки.

Новый поворот вечера — вошла директриса библиотеки. Для гостей это честь, конечно. Тут ветер зашумел в два раза сильнее. Директриса пожал руку каждому из авторов, с рассеянно улыбкой пригласила фантастов знакомиться с нашей местной публикой, а местную публику пригласила знакомиться с фантастами. Слово директрисы достаточно много значило — я смотрела на действующих лиц, раскрыв глаза. Мне предстояло выступить по поводу одного из сборников, и я очень волновалась.

В этот момент меня кто-то тронул за локоть. Кто бы это мог быть? Какая-то женщина подбородком тихонько указала мне на зал, я с трудом обернулась. Так как мне уже надо было идти выступать, отрываться от повестки не хотелось. Но мужской силуэт заставил меня вздрогнуть, и я с трудом пробралась между кресел, подбежала. Это был профессор в своем безукоризненном костюме.

— Здравствуйте, — мягко сказал он. — До меня дошли слухи, что вы как будто обвиняете меня в чем-то.

— Ну, какие слухи! — с досадой ответила я. — Это не слухи, а правда. Вам ваша студентка рассказала?

— Историю студентка рассказала, да.

— А то, что было на самом деле? — почти закричала я, забыв, что нахожусь на официальном мероприятии. — Я приходила на кафедру, вы меня оттуда выгнали...

— Каким образом я вас выгнал? В самом деле?

— Ну, вы сказали, что меня никогда не читали и не будете читать. Чтобы я даже не надеялась!

Он едва заметно улыбнулся.

— Я не мог такого сказать.

— Именно так вы и сказали! А я ушла в истерику и больше не приходила. Как же не могли такого сказать? — возмутилась я, но это слабо сказано. — Вы именно так и сказали. Но, правда, одна добрая дама как-то раз нарушила ваш запрет. Это случилось однажды, а мне нужно постоянно — читать лекции, общаться со студентами, посещать кафедру, чтобы молодежь могла знакомиться... И не только мне... И вместо помощи — что?

Дальше повисло тяжелое душное молчание. Я чувствовала, что мне сейчас же нужно идти выступать, но не могла уйти, не закончив разговора. Зрители шикали, мы им мешали.

— Послушайте, — голос профессора был безукоризненно мягкий, почти интимно рокоchущий, от этого путалось сознание. — Послушайте, я не мог этого сказать. Но даже если я и сказал так, то я был совершенно не прав, простите меня.

Взял и поцеловал мою руку.

Я стала совсем бордового цвета, мне сделалось жарко и страшно, и почему-то показалось, что я сплю. Домой надо. Сейчас проснусь, и все окажется наоборот.

— Ну что вы, — смущенно забормотала я. — Ну, вы за чем? — еще более сбивчиво забормотала я.

— Так как же? — вернул меня на землю собеседник.

— Да-да, — облегченно выдохнула я наконец, — Я прощаю, конечно. Извините, мне надо идти выступать.

— В добрый час, — ответил он, пожал плечами, а я покакала к микрофону.

Я выступала как-то странно, голос мой что-то говорил, но сама я была по-прежнему бордового цвета. Потому что моей жизни случилось невероятное событие — со мной говорили, как с человеком, а я давно отвыкла от такого обращения. Я выступила, публика мне сильно аплодировала. Я вышла оттуда, наполненная счастьем, таким счастьем, которого никогда раньше не ощущала. «Это случилось, — думала я, — но почему? Что же это с ним могло произойти? Если он десять лет не думал об этом и не загружался совестью. а потом, после щебета студентки, вдруг пришел на чужое для него собрание. Неужели ее суждение что-то для него значило? Да не наплевать ли? Кстати, наверняка ему неинтересно в это вникать, он специализируется только на классической литературе, а тут какие-то фантасты. Какие могут быть фантасты? Они в природе для него не существуют вообще. Все эти люди, испорченные классикой, ничего они не понимают! — думала я. — Что можно им объяснить?»

Неужели все дело в моих простых и лохматых текстах? Он прочитал их и все понял. Понял меня, зачем я пишу. Зачем хожу к студентам? Хотя я не препод никакой.

Мне очень нравились фантасты. Я даже собиралась сотрудничать с ними. Прочитала несколько их книжек и собиралась познакомить с ними местную интеллигенцию. Тогда же я прибыла в отдел комплектования, жарко рассказала о встрече, а потом написала фантастам об этом, и они стали планировать новую встречу.

Но в голове у меня то и дело всплывала фраза: «Если даже я это сказал, то простите меня». Да, такого со мной не случилось никогда.

Через какое-то время я по-прежнему дружила с той милой женщиной, каштанововолосой преподавательницей. Она выслушала всю историю, не поверив ни единому слову.

— Это загадка, — сказала она задумчиво, — он никогда себя так не ведет. А тебе пора развеяться в филармо-

нии, у меня есть абонемент. Дуэт двух фортепиано подойдет?

И всегда у нее абонементы есть абсолютно на все. Потому что отличница.

— Ладно, — подумала я, — значит, это мне все приснилось. И мое положение в этом социуме и в этом городе полностью определяется фразой «никто, ничто и звать никак», и статус «ВКонтакте» не меняется много лет. Мы с моей каштанововолосой красивой подружкой пошли в филармонию, притом в лучших платьях. И там увидели профессора, который издала слегка приветственно поклонился. Почему же он один, без жены?

Когда настало время презентации моей книжки, я собирала публику, как только могла, ла-ла-ла, и странно, мне пришла мысль пригласить профессора. Я говорю подружке: «Попробуй, скажи ему... му-му-му». Подружка только пожалала плечами. «Ну что, — подумала я, — да и хватит с тебя счастья».

Однако на презентацию профессор пришел, слегка опоздав. И снова я стала бордового цвета. До тех пор я четко следила за порядком выступающих, а тут сбилась, остановилась и стала на него смотреть, трансляция тоже встала, онлайн обновился. И я — в новом блузоне, хотя и без прически. И как глаза мои горят.

— Вы не звали меня, — сказал он, подрагивая лицом от смеха, — но я как человек грамотный, сам нашел объявление о встрече. Это же просто, когда есть интернет, не так ли? — протянул мне высоченную, как башня, тяжелую дорогую розу, и сел в самый уголок.

Презентация продолжалась как-то нервно. До этого мне хотелось, чтобы все высказались поскорее, и мы бы пошли домой. А теперь мне так хотелось, чтобы каждый говорил без конца, и чтобы профессор это слышал. Или хотелось, чтобы все, наконец, замолчали, и чтобы я могла дать слово ему. Но никто никого не торопил.

Поседевший с годами профессор безучастно слушал адресованные мне дифирамбы. Он как будто немного парил, как Крис Кельвин в «Солярисе», был отстранен. Он снова в безукоризненном костюме, глаза у него светлые и смотрят снисходительно. А может быть, они смотрят поверх моей головы или мимо, на экран, где крупными буквами напечатано название моей новой книжки. Наконец выступающие иссякли. Что же он скажет? Или просто промолчит? Или выдаст что-нибудь ироническое, даст мне понять, что я всего лишь строчка в книге с региональным компонентом.

— Мне тут понравился один рассказ, — сказал профессор и начал его читать.

Этот рассказ я сама очень любила. Он был о человеке, моем друге из прошлого, который преодолел себя. Он без конца прощался со своей умершей женой и не мог проститься. Он пил водку и смотрел на метель..

Когда много раз читаешь один и тот же текст, он «замыливается» и тускнеет. Профессор же читал этот рассказ так, что мне казалось — все оживает, становится ярче.

Прочитанный его голосом, мой рассказ поразил меня. Я вдруг подумала — «все это потому что он есть». И лицо мое горело, и душа моя горела и потрескивала, как поленья в огне.

Благодарность коварна. Когда тебя слишком томит чувство благодарности, тебя может согнуть в бараний рог.

Но вот звонит знакомая женщина из библиотеки и сообщает, что накануне у них выступал профессор. Говорил о региональном компоненте, и мое имя называл. И этого достаточно.

Сердце Свирида

Свирид не хотел никуда ехать!

Он представил, как садится в казенную машину и мчится по оледенелым снегам. За четыре часа озябнет, там еще заседание долгое, дадут ли чаю, неизвестно, а силы у старика уже не те... Свирид был относительный старик, с рождественской серебряной бородой, с серебряными кудрями на бочок, румяный и улыбчивый. В городе морозное солнце, на Соборную горку обещался со внуком, и Агния, сердце родное, затеяла печь рыбник с трескою. Как нагуляются они с внуком, раскраснеются, как придут к Агнии, а там – царство-государство с корочкой румяной! Ой, да как самовар поставят, да как пойдет чай на два часа...

Друзья мои, прекрасен наш союз. А хотя не очень! Свирид по приказу союза выступил на конференции, и до сих пор его мутило. Агния, сердце родное, отгладила серый костюм. Свирид смотрелся в нем солидно, но когда вышел на кафедру, все рты пораскрывали. Речь его была цветиста и сочна, глаголил о чистоте всего русского, да так горячо, что и себя убедил. Под конец небрежно бросил: «А что до этих новых, так это наносное... Не той тропинкой пошли...». «Эти новые» сидели отдельно и ждали от него похвал. А получили! Получили на юбилей, на за-

куску. Особенно эта шелкоперка у них. Ну, хвалил он ее, да. Ну, помогал. Ну, приходиладомой, но чтоб в ученицах держать — извините. Такой раскол навела. А ведь он, Свирид, мирный. И пьеса его про Христа, и стихи полевые, васильковые... Извините...

Но из района позвонили два раза и... уговорили. Свирид поехал. В заказанной машине оказался со шелкоперкой рядом. Она тихо забила в угол и молча смотрела в окно. Да, плоховата, и круги под глазами. Свирид решил спать, но не смог. Что-то екало в нем каждый раз, как он обертывался на ее нахохленную фигуру в куртке и жидкой шапчонке с шарфом.

Руки и ноги вовсе застыли. Солнце, обливши светом русские утренние снега, ушло и зарылось в тучи. Сердце так вдруг заболело у Свирида, что он стал искать таблетку.

Но таблетки не было. Мы одно дело делаем, одно дело. Мы в район едем на чтения. Чего делить нам, нечего делить... И не должен ничего я никому, и старый я уже. Так думал Свирид. Но сердце продолжало болеть, и он перепугался. Закрыв глаза и прошептал тяжелые слова. «Дружок... Не хочу умирать во лжи. Ну, прошу простить. Вы дети все мои, я всех голубил, а тут заставили меня, прости уж старика. Не то помру, и не узнаешь, что и зла я не держал ко всем вам». Так говорил Свирид, как будто засыпая. И он не видел, что она-то, шелкоперка эта, все кивает и за руку его берет.

А на чтениях они сидели рядом и молчали. Гремели речи громокопящие. И поэты были там, и поэтессы. И заслуженные люди воспоминаниями делились. Все было! И роскошь накрытых столов не манила Свирида — ни верера копченостей, ни фарфоровые россыпи грибов, ни сочные бревна осетрины. Все куда-то ушло, отдалилось. Потому что счастье было, сердце отпустило. Потому что говорили другие, а между ними двоими все уже было сказано. Молча.

ЛЮДМИЛА ЯКУШЕВА

Окончила с отличием факультет русской филологии и культуры Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, кандидат культурологии, доцент. Организатор образовательно-просветительских проектов, конференций по истории театра, проблемам современной культуры, культуре Русского Севера. Автор монографии «Фон и фигура: провинциальные сюжеты» (2019), статей по творчеству А. П. Чехова, драматургии рубежа XX-XXI вв., культуре повседневности.

Преподаватель, исследователь, культуртрегер, арт-критик

Живет и работает в г Вологде

Дизайнерская мысль

Танюсик где-то прочла, что дверь в счастливую жизнь легко открывается, если окружить себя сопутствующими вещами. Любишь путешествовать — купи рюкзак, хочешь научиться готовить как в ресторане — начинай приобретать разные поварские штучки, хочешь похудеть — начни с фирменных кроссовок. Танюсику хотелось устроить свою личную жизнь.

Поразмышляв над тем, какая вещь особенно необходима мужчине, она решила купить мужские носки. Если мужчина останется на ночь, он вряд ли будет что-то стирать. В ее планы это тоже не входило. Наконец, самая нужная, ни к чему не обязывающая деталь счастливого утра, была найдена! Она аккуратно выложила носки на полку, предварительно вдохнув запах магазинной свежести, и на душе стало легко и весело.

Многообразие жизни ее удивляло. То ей попался тип, который покупал носки партией-неделькой, вместе с трусами. Все это носилось одноразово и не стиралось. То появился некто, напоминающий командировочного — в своем портфеле он носил набор «на все случаи». То бывший муж, увидев аккуратную порцию «новой жизни», занимал место воображаемого героя, хозяйской рукой присваивая носки, и приходилось заходить в магазин снова и снова...

Ее фетишизм благополучно завершился, когда на осеннем вернисаже она увидела среди работ молодых художников серию, где под номерами висели «следы» — отпечатки человеческих ног в форме носков. Носки гуляли и кружили вокруг. «Ну, все, хватит! Больше никаких носков!» — решила Танюсик.

Прошло сколько-то времени. Вещи, ожидания и впечатления наслоились, и все позабылось... Квартира нового знакомого была большой, светлой и запущенной. Что-то вроде мастерской художника. Стоило ему удалиться к ком-

пьютерному столу, она тут же ухватилась за веник. Дома работы хватало, но здесь было красиво и просторно — сразу захотелось поддержать, продлить это ощущение, добавив чистоты и уюта. Вскоре взгляд остановился на натюрморте, который ее развеселил. Носки. Она увидела их прямо перед собой. Носки были чистые, аккуратно сложенные, и лежали почему-то прямо на полу, под стулом из гостиного гарнитура, обитого жаккардом расцветки увядшей осени. Пара светло-серых и пара черненьких смотрела друг на друга, носочек к носочку. Можно было представить, что они готовились к чему-то особенному — приему, свиданию или прогулке. Но это, если смотреть на мир радужно и светло. А вот если иначе... Они выдавали бесприют и холостяцкое одиночество своего хозяина. «В следующий раз принесу и положу рядом женские носочки, какой-нибудь радужной расцветки», — мелькнула дизайнерская мысль, и тут же — «Сработало!» — Танюсик счастливо улыбнулась, и, поймав солнечный луч, помахала кому-то, незримо присутствующему в ее жизни.

Стрекоза

В павильоне

Два человека за столом. Фоном какие-то перестановки и приготовления. Разговор беглый. Не то из жизни, не то – из недописанного сценария.

– Садись. Выпей чаю. Могу угостить. Видишь сыр? Один – 17% жирности, другой – 45%. Не могу понять, какой лучше.

– Меня чайник подвел.

– Он что, тебя бросил?

– Сам не наливает, и не заваривает.

– Может, обиделся?

– Да нет. Он ручной. Как с ним такое могло случиться?

Какие руки у тебя волосатые...

(резко переходят на другой тон)

– Кася, очнись, о чем ты?

– А что не так? (глухо)

– Какие руки?

– Твои.

– Ты о чем? Там текст про чайник!

– Хорошо. Пусть будет про чайник. Волосатый чайник.

(звонит телефон. Детский голос)

– У меня все хорошо...

– Господи, Миша, что случилось?

– Мамочка, ты только не волнуйся...

– Что там? Говори уже...

– Ты оставила на плите капусту. Но ты не расстраивайся. Там, сверху, не сгорело. Сверху даже можно есть. Я тебе оставил...

– Господи... Дойди до бабушки, я сейчас ей позвоню.

– Мамочка, не надо. Я поел и уже убежал, я опаздываю.

Виктор докуривал сигарету, воспользовавшись непредвиденным перерывом...

– Как ты?

– Никак. Капуста сгорела. Пять часов на плите... Я забыла выключить.

– Вот видишь, все обошлось. Он одной рукой приобрел Касю, другой в это время стряхивая пепел: «Все хорошоооооо». Приторно-сладковатый дым окутал их обоих, но не растворил.

– Пойдем. Там еще самое интересное впереди...

– Скажи Стасу, что не сегодня. Сегодня я не могу закрывать глаза как... там сцены в храме нет?

– Пока не знаю. Пойдем...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сегодня мы обсуждаем сценарий Гребешковой (пытаюсь разобрать написанное неразборчиво) Гребенкиной. Пожалуйста, Валентина Юрьевна, вы курировали этот проект молодых авторов.

– Мне кажется, в этом тексте есть легкое дыхание. Автор пишет вздохами. Мужчина и женщина. И между ними любовь. Мне нравится.

Голос:

– Еще бы. Эти женские вздохи. Дышать грудью... это так театрально! (смех).

(ГОЛОСА)

– Мне эта проза напомнила Франсуазу Саган.

– А мне – Мопассана.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Только давайте без ерничанья. Пожалуйста, вы хотели что-то сказать? Послушаем Кривцова.

– Этот фрагмент какой-то странный. Я все время ждал чего-то неожиданного. Что будет в финале? Герой окажется инвалидом? Почему он просит взять его «на ручки»? Почему он садится к ней на колени?

– Автор, у вас есть что ответить?

– Понимаете, у раннего Микеланджело есть такая работа – Пьета (гул голосов). Женщина, когда любит, относится к мужчине как к ребенку: ей хочется его держать

на коленях, купать, баловать... Вы знаете, что Пушкин любил запрыгивать дамам на колени?

(ГОЛОСА)

– Так то – Пушкин, а тут...

– А я бы сказал, что это про меня. Возьмите меня, я сыграю (смех).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Голос за кадром. Все как-то очень литературно.

– Это авторское право, видение. Автор так видит, так дышит...

– Знаем, слышали уже. Предлагаю первую сцену выбросить. Что тут еще обсуждать? (пауза) Остальное – пусть автор доработает, допишет. И пусть сразу начнет с этого: «Она сидела в ротанговом кресле...»

Она сидела в ротанговом кресле, закутавшись в уютный пражский плед, и слушала бесконечные рассказы о странах, людях и событиях. Его профессия предполагала постоянные перемещения, однако, с появлением интернета, он мог себе позволить оседлый образ жизни, не изменяя своим привычкам.

– Знаешь, я однажды в жизни совершил мерзкий поступок. Грех. Это было в далеком детстве. В Казахстане. К нам на веранду залетела стрекоза. С крыльями в ладонь. Там не то, что у вас здесь – на Севере. Ты меня не слушаешь.

– Отчего же. Слушаю. Внимательно.

– Так вот. Стрекоза размокла от воды. Я взял ее двумя пальцами и бросил под ноги. Тут же подскочила курица. Куриц у нас было много. И все такие пестрые, шумливые, глупые. А я отдал ей стрекозу. Сам. Какой-то безмозглой дуре.

– А в чем же грех? (она проговорила свой вопрос одними губами)

– Я убил красоту. Я отдал это изящное хрупкое существо крикливой курице – жуткая картина.

– Понимаю.

(Отмахнулся жестом)

– Вряд ли. Вот так и несу этот грех. В ванну пойдешь? Нет? Тогда возьми меня на ручки.

У него была странная причуда. Однажды примостившись рядом, он время от времени просился к ней на колени. Долго это не могло длиться. К тяжести тела добавлялось что-то еще, не материальное, но пара минут ему отпускалась.

– Только, пожалуйста, недолго.

Она не отказывала. Ей было невыносимо жаль этого сжимающегося в эмбрион, пристраивающегося в какой-то нелепой позе взрослого человека – не то мальчика, не то – старца, впадавшего в детство. Для себя она решила, что в этом порыве есть какое-то сходство с Пьетой, и была готова оплакивать его прошлое и настоящее.

– Ты уютная (разливает ароматный кофе).

– А ты варишь прекрасный кофе. Научишь?

– Все просто. Я не жалею его количества. Всегда добавляю чуть больше.

Ей нравилось его отношение к выбору еды, одежды, его педантизм, хотя иногда он позволял себе довольно едкие комментарии о тех, кто составлял его окружение.

– Люди делятся на тех, кто ходит в синтетике, и тех, кто не носит. Давай-ка приучай себя не смешивать разнородное, как ты любишь.

– Я хотела бы, чтобы мой сын носил шейные платки. Ему очень пойдет. Но недавно ему кто-то сказал, что шейные платки носят только лица нетрадиционной ориентации.

– Ерунда. Их носили ковбои в Америке, защищая лицо от пыли. В городе можно по пальцам пересчитать тех, кто носит шейные платки. И все мы друг друга знаем... Хм... Я вчера видел тебя в районе библиотеки.

– Это была не я. Я была весь день дома.

– Ну тогда я видел фыфу вроде тебя.

(удивление)

А разве нет? Ну, ладно. Конфетка, если что, перед тобой.

ГОЛОС: Темп, не теряйте темп. Есть еще сцены на кухне? Витя, начинай 8 эпизод

– Зачем тебе такая жизнь?

– А должна быть какая?

– А какую ты хочешь?

– Вот останусь и подумаю.

– Хорошо. Оставайся. Недели на 2.

– Почему на 2?

– Потому что каждый должен решать проблемы сам.

А раз ты хочешь остаться, значит, проблемы у тебя есть.

– Но я же женщина.

– Тем более, если ты женщина. Подумай, ведь сама для себя ты ничего не решила. Это — факт. И вообще. Почему ты опять хихикаешь?

– Это не про тебя.

– А о чем?

– О радости.

– А она бывает?

– У меня — да.

– Расскажи.

– Это когда легко, тепло и лучисто.

– А у меня радости нет, не было и уже не будет, наверное.

– А что будет?

– Разочарование. Внезапно и безвозвратно.

– Не спеши. Ты мне еще даже не вскружил голову, ничего не подарил, не посвятил...

– Зачем тебе это?

– Должно же тебя что-то удерживать здесь среди людей, рядом со мной.

– Ты уже случилась. И то, что тебе кажется настоящим, уже было.

– Сейчас мои крылья намокли.

– А они большие?

– Нет. С ладонь.

ГОЛОС:

Все готовы? Вы помните текст? Хорошо. А вы? Займите свои места. И пожалуйста, никаких заламываний рук и театральщины. Сосредоточьтесь. Попробуйте услышать, почувствовать другого человека как себя. Сцена

«Свидание зимой». Начали.

Он брал ее ладонь и растирал, вдувая в них теплый воздух, как будто было холодно и зябко, а она терла ему мочки то правого, то левого уха. Они сами понимали, когда что-то шло не так, без дополнительных просьб могли повторить эпизод, иногда останавливались, чтобы заметить детали: отбрасывающие тени ресницы, трещинки на губах, шероховатости и запахи.

– Стоп! Запахи ваша сцена не передает. Попробуем еще раз.

Карантинная завалинка¹

Надо цели ставить. Без них – никуда. Не поставишь цели, и результата не случится. Принять участие в конкурсе, научиться печь... Это все цели. Они организуют. Собирают в один кулак. Это если мужчину. А у женщин должны быть мечты. На свадьбе у подружки затеяли зеленую. У них, в Ярославле, один день гуляют в городе, а второй – за Волгой. Подальше от цивилизации, где дачи, и купаться можно, потому что все предприятия на противоположном берегу. А с этого – и вода чище, и цивилизация дальше. Местные, правда, купаются редко – им вода в Волге кажется холодной. А мы что, мы – приезжие. Выдали мне матрас надувной из пластиковых бутылок. По виду он надувной, и плывет хорошо – пластик держит. Давай, мол, развлекайся. А в воде они и разговоры другие. Гребет рядом один пацан. Спрашивает, есть ли у меня мечта. И про свои сразу: мол, детей хочу и семью. А мне чего мечтать: и дети, и семья, и рабо-

¹ В подражание А. Пермякову

та, и даже диссертация. Нет у меня мечты. А когда нет мечты, нужна цель.

Это я потому вспомнила, что завтра 7 неделя карантина начнется, и такая же хрень. Начиная что-то тереть, выбираешь: желтенькой ли голубой. Это в обычные дни лишь бы успеть и чисто. А в такие — какой тряпочкой. А еще можно валик с беленькими приобрести. Хотя такие, если неодноразово использовать — странно смотрятся. Будто влажными салфетками полировку драишь. И погода странная — сквозь плюс два солнце луною жарит. То есть хорошо на улице, но если пуховик достать. Но пуховики у меня уже спрятаны. Через пару дней май. Крупка снежная с неба только с утра. Днем можно и в магазин. Сетевой. Потом ларьки, рыбный, опять сетевой, рынок. А можно сразу за водой. Только это по прямой метров 700. В магазины я не захожу, потому что у меня цель — подрегаться. Так в Ярославле ничего неделанье называется. А есть ли обозначение этому у нас на Вологде — я не знаю. Здесь это повсеместно и во все дни. Все ходят и дрегаются. Нет, мы, конечно, работаем. Но иногда мне кажется, что работаю только я. В этом случае, лучше сразу переходить на мечты — легче станет. Чтобы само собой. Как с килограммами. Сижу на одном месте, а пара из них уже ушла. Это потому, что я сладкое перестала есть. А зачем оно мне? Я его потребляю, когда нервничаю на работе. А дистанционно нервничать не получается. Самодостаточность одолевает. И компьютер под рукой. Хочешь — смотришь рост Николая I, хочешь — фотографию Андрея Пермякова. Потому что я книжку этого автора сейчас читаю с названием сериала. Но может быть, автор этот сценаристом и был? Пишет как Венечка Ерофеев, и все время едет куда-то. Про натуру женскую все хорошо понимает. Если в монастырь в брюках и с юбкой этой поверх — сразу киснуть начинаешь от неловкости. Вот и у него: «Вокруг красота,

купола разной формы, хоть московские, хоть шлемом, а девушка сердита. Портит благолепие, между прочим». Правда, я в брюках не хожу, потому что мужчинам идут брюки, а женщинам – юбки. По фотографии этого Пермякова и не скажешь, что он поэт или писатель. Больше на адвоката похож, а говорили, что медик. Это до 19 века, если писатель или драматург какой, то сразу юрист. Дальше все больше медики были. Так, наверное, Галя Щекина одним экономистом среди писателей и останется. Но красной строкой в новостях – другое. Доходы россиян уменьшились на 0,2 процента. Видимо, совсем плохо дело. Хуже только тем, кто с вирусом. Или нет. Им что? Переболеют – и антитела. А ты сиди и жди. Только и это ненадолго. Потому что для всего цель нужна. Нужно будет подружку уговорить сходить на могилу того самого Христофора Леденцова, о которой все знают, но описывает ее почему-то только Пермяков. А статистику вируса чего смотреть? Это как на гороскопы. Все равно рулетка. Попался тут на глаза список самых удачных мужей по знакам. На первом месте – скорпион, на втором – близнец. «Ну, слава богу!» – подумала и сразу сыновьям написала. Пусть теперь соответствуют. Ведь какую цель поставишь, так все и будет. А у меня? У меня теперь мечты. Мне и мечты хватит.

сборник

Полтинник

Составитель, редактор Наталья Брашкина

Фотограф, корректор Зоя Елизарьева

Оформление обложки Никита Щекин

Лито «Ступени» основано в 1971–1972 годах при библиотеке Вологодского подшипникового завода. В 1991 году вышел первый сборник лито «Ступен» – «Дверца», посвященный 20-летию выпуска первого подшипника. В 2012 вышел второй сбоник «40 ступеней навстречу». В лито занимались талантливые авторы, позже известные в Вологде и дальше – Наталья Маслова, Вячеслав Коорин, Вячеслв Белков, Юрий Каранин, Михаил Жаравин, Валерий Архипов, Александр Ломковский, Галина Щекина, Александр Алексеев, Ната Сучкова.

Старейшее литературное объединение Вологды «Ступени» подходит к 50-летию. Основали его поэты Юрий Макарович Леднев и Михаил Николаевич Сопин, они вмете с ним занимались. Данный сборник «Полтинник» состоит из произведений нынешних членов лито, из их прозы и поэзии. Сборник открывается разделом критики и мемуаров. «Полтинник» – яркая иллюстрация истории вологодской литературы.

ISBN 978-5-0051-2189-9

9 785005 121899 >